

Книжный червь Переводы книг
мэрайя коул

Красивая
ОШИБКА

серия прекрасные

Мэрайя Коул

Красивая ошибка

*Оригинальное название: Mariah Cole
«Beautiful Failure» 2013*

*Переведенное: Мэрайя Коул
«Красивая ошибка» 2015*

Перевод: Mari Sov

*Редакторы и оформитель:
Виктория Цветкова, Айна
Гудратова, Наталья Кузнецова,
Анастасия Токарева*

Обложка: Анастасия Токарева

Переведено специально для группы:

Книжный червь / Переводы книг

https://vk.com/tr_books_vk

Любое копирование без ссылки

на переводчиков и группу

ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой

труд!

Аннотация.

Если вы ищете трогательный рассказ о девушке, безумно влюбленной в проблемного мальчишку, который изменит ее жизнь, рассказывая

слезливые истории с красивыми метафорами и миллионами способов, показывающих вам, какой "сломанной" она была...

Стойте! Не читайте ни слова больше.
Я не из тех девушек.

Меня зовут Эмерланд Андерсон, и я не собираюсь вас обманывать: меня исключили из колледжа на втором году обучения, меня увольняли с каждого места работы, и у меня не было нормальных отношений.

Я хотела, чтобы у меня был кто-то, кто был бы рядом и подбадривал меня: «Нет, Эмерланд, ты замечательная, и у тебя что-то

получится!», но у меня никого нет. Мои бабушка и дедушка совершенно не обращают на меня внимания, а предсмертная записка моей матери гласила: «Ты закончишь так же, как и я — пустышкой, но красавицей в глазах других».

Она была права.

Я решаюсь начать свою жизнь заново и устраиваюсь на две работы, которые навсегда изменят меня — одна изнутри, а другая снаружи; я продолжаю руководствоваться словами моей матери, чтобы держаться от сексуального и загадочного Картера Блэйка

подальше.

Он первый парень, который когда-либо добивался меня, первый человек, настроенный выяснить, почему я такая, какая я есть, но он тратит свое время впустую.

Я не сломлена. Меня не надо «исправлять». Я - красивая ошибка

Пролог

Моя мать была шлюхой.

Её звали Лия Изабэль Андерсон – сокращенно «Лия Белла», и после эскорта, она была самой востребованной проституткой в Нью-Джерси.

Она была потрясающе красива: с темными зелеными глазами, от которых у любого мужчины перехватывало дыхание, кожа фарфорового цвета выглядела настолько гладкой, что казалось слишком идеальной, чтобы прикасаться к ней. Её часто сравнивали с топ-моделями: ее

волосы цвета воронова крыла всегда были распущены, а натуральные длинные ресницы, всегда были идеально расчесаны.

Пока я была маленькой, я не понимала, чем она занималась с мужчинами, которые заезжали за ней на своих блестящих и дорогих машинах, мужчины в костюмах за тысячи долларов, которые гладили меня по голове, и говорили: «Твоя мама — это нечто».

В некотором смысле, эти чужие мужчины были самым близким к тому, что я могла бы назвать семьей, так как своего отца я не знала. Мамины постоянные клиенты —

Кристиан и Уильям присылали мне подарки на каждое рождество, Арни купил мне мой первый велосипед, Стив научил менять колесо, а самый яростный из её поклонников — Винсент, раз в месяц возил меня по магазинам, покупать мне дизайнерскую одежду.

Лия Белла, а она никогда не разрешала называть её мамой, никогда и не была мне мамой, как таковой. Она больше была подругой, которая старше меня. Такая подруга, которая с тобой в «хорошую погоду».

Она пропустила все мои спектакли в начальной школе, все конкурсы сочинений в средней

школе, и ей всегда было плевать на мои оценки. Сначала, вынужденное одиночество беспокоило меня, но потом, когда я придумала себе кучу невидимых друзей и фантазий, я привыкла к её пренебрежению и с радостью принимала любые знаки внимания, которые она оказывала мне.

Когда я стала подростком, Лия проводила со мной больше времени, обещая, что исправится, что, начиная с этого момента, мы будем лучшими подругами. Так как она сбежала из дома, забеременев в 16, у неё был пунктик: никогда не читать мне лекций и никогда не воспитывать

меня. При этом она научила меня трем своим главным правилам:

- 1) Всегда прилагай кучу усилий, чтобы выглядеть хорошо. Внешне, ты должна быть всегда идеальна, неважно насколько хреново тебе на самом деле. Если тебе когда-нибудь будет плохо или ты будешь в депрессии – смирись, закрой рот и добавь побольше туши.
- 2) Не заводи друзей. Заводи спонсоров. Если ты не можешь добиться ничего от человека или как-то его использовать для какой-либо

цели — выкинь такого человека из своей жизни немедленно.

3) Ум всегда проигрывает красоте. Твое тело всегда будет твоим самым важным оружием. Запомни это.

На мой четырнадцатый День Рождения она налила мне мою первую рюмку и предложила первую дорожку кокса, со словами: «Добро пожаловать во взрослую жизнь, Эм!».

Я отказалась от кокса, будучи наслышана о его эффекте, но с радостью взяла бокал красненького. Лия она подняла свой бокал, ожидая, когда я сделаю то же самое, и

приказала выпить его залпом.

Алкоголь опалил мне горло – на вкус он был отвратительным. Но с годами горечь спиртного становилась всё приятнее, и я уже ждала эти наши встречи. Наши маленькие пирушки были единственными моментами, когда она уделяла мне всё своё внимание.

Именно тогда, я выкладывала ей о выигранных мною конкурсах сочинений, или о том, как я досрочно получила стипендию в колледже. В свою очередь, Лия делилась со мной своими секретами, или рассказывала, как возбудить мужчину, при этом говоря так

спокойно, как другие родители говорят о прошедшем дне в офисе.

— Я не могу тебе передать, какой вялый член был сегодня у Бена, — делилась со мной она. — Думаю, раз мне приходится иметь дело с его жухлой морковкой, мне следует брать с него двойную цену.

— Неужели тебе не нравится секс с ним? Никогда? — спрашиваю я.

— Нет, с ним никогда. Он просто спонсор, я получаю от него деньги, и это единственное, почему я с ним. Я просто лежу, царапаю его спину и с придыханием повторяю: «о, сильнее... сильнее», ну, чтобы он думал, что мне нравится, пока он...

– Пока он не кончит?

– Ага, – она передает мне сигарету, перед тем как вздохнуть. – С ним и ещё с некоторыми, я обычно выпиваю пару рюмок перед этим, чтобы отключить мозг. С теми же, кто действительно хорош, я просто могу расслабиться. Секс может быть реально потрясающим, если ты знаешь, что надо делать...

Как-то в пятницу, придя домой после обычного похода с Винсентом по магазинам, где купила себе сумочку Шанель, я обнаружила на полу капли крови.

– Лия? – позвала я, поставив пакеты с покупками на пол. – У тебя

снова идет кровь из носа?

Тишина. Я шла на кухню, глазами ища её обычные лекарства: горячий чай и ватные палочки, но её там не было.

– Ты дома?

Я обошла нашу гостиную и проверила все комнаты наверху. Сбитая с толку я достала телефон и набрала её номер.

Снова никто не ответил.

Пожав плечами, я открыла бутылку водки и выпила пару рюмок. Возможно, Лия ненадолго уехала с кем-то из своих спонсоров и вернется к тому времени, когда начнется наше любимое шоу.

Я решила принять душ и направилась в ванную на первом этаже.

Моё сердце чуть не остановилось, когда я включила свет.

Я не хотела верить своим глазам и надеялась, что это просто игра моего воображения.

Бледное и посиневшее тело Лии безжизненно лежало в ванне. Левая рука свисала из ванны, а её маленькая фиолетовая сумочка, в которой она хранила свой кокаин, болталась на кончиках её пальцев.

По полу были разбросаны таблетки и пустые оранжевые баночки, выписанные на разные

имена. На туалетном столике лежал пустой шприц и сложенная записка, подписанная «Моей Эм».

Дрожа, я бросилась к Лие и прижав палец к маминой шее, пыталась нащупать пульс

Ничего.

Откинув её голову, я начала делать ей искусственное дыхание, но это было бесполезно.

Лия Бэль умерла.

В слезах, я опустилась на пол, проклиная и ненавидя её за то, что она так поступила со мной. С нами.

У меня не было ни друзей, чтобы им позвонить, ни семьи; и в таком онемевшем и ошеломленном

состоянии, я как-то умудрилась позвонить 911. Пока оператор советовала делать глубокие вздохи, чтобы я успокоилась, я подошла к столику и развернула записку Лии:

Эм,

Я знаю, что сейчас ты в смятении, но хочу, чтобы ты знала, что я люблю тебя. Я тебя, пиздец как сильно, люблю...

Ты- единственное в моей жизни, ради чего стоило жить, и я бы очень хотела быть достаточно сильной, чтобы помнить об этом...

Но я слабая.

Я устала жить во лжи, и я уже

*очень давно несчастна.... Я так
больше не могу...*

*Я испортила всё в своей жизни, но
больше всего я жалею о том, как я
воспитывала тебя...*

Прости меня...

*Тебе трудно будет в это поверить,
особенно, когда меня не будет рядом,
но я хочу, чтобы ты забыла всё
дерьмо, которому я учила тебя.
Прямо сейчас.*

*На хер эту фигню, чтобы
использовать свою внешность,
чтобы получить всё, что ты хочешь.
Поступи в колледж и постарайся
сделать со своей жизнью что-то
путное, например, напиши книгу. У*

тебя очень хорошо получается писать, ты очень умная и должна использовать свои мозги, чтобы добиться того, чего хочешь. Ты можешь пообещать мне сделать это, Эм?

Хотя... возможно уже слишком поздно, и я готова поспорить, что ты закончишь, как я- красивое ничто...

Правда, это не твоя вина. Это...

Тут я перестала читать и спустила записку в унитаз. Её последние слова явно были написаны в отчаянии, и они только усугубляли мою боль.

Я была уверена, что Лия

растила меня наилучшим образом и для меня она была очень далека от «красивого ничто». В действительности, я очень ценила всё, чему она учила меня.

Несмотря на невыносимую боль от того, что мама поступила так эгоистично и оставила меня одну, я была настроена запомнить Лию в лучшие ее моменты и такой, какой она была для меня:

Моей мамой.

Моей лучшей подругой.

Моим примером для подражания.

Глава 1

Наши дни.

Вся моя жизнь – просто бардак.
Настоящий. Гребаный. Бардак.

Припарковавшись около «Обед у Джины и Лейни», я курила сигарету, и, глядя на чек, который мне выписали несколько минут назад, я думала о том, действительно ли моя жизнь была настолько печальной, или это всё было ужасным сном.

Это был мой последний чек, так как меня уволили в прошлую пятницу. По их словам, они устали от моих опозданий и замечаний клиентам, чтобы те наконец-то решили, что будут заказывать в ответ

на их вопрос, что я посоветовала бы им из меню.

Какова моя зарплата за две недели работы на полную ставку? Двести долларов и 31 цент. Никаких чаевых.

Меньше чем за год, я сменила восемь мест работы, и теперь начала задумываться, создана ли я вообще для такой жизни. Работу упаковщицы я потеряла в течение недели, моя деятельность кассира закончилась, когда мы с менеджером начали орать друг на друга, а на заводе удобрений я не протянула и часа.

Работая, я одержима своими вымышленными героями. Надеюсь,

когда-нибудь у меня будет время, и я напишу их истории. Всё время летаю в облаках, придумывая своим героям приключения и жизнь, которая намного интересней, чем моя собственная.

Поднимая голову, замечая молнии, мерцающие в облаках, и капли дождя на лобовом стекле моей машины. Тут только до меня доходит, что у меня остается лишь 20 минут до встречи.

Это собеседование в «Уэстин», одном из самых лучших отелей Юга. Благодаря этому отелю, наш маленький городок Блайт можно найти на карте штата Алабама. Я

намерена получить эту работу и продержаться там дольше, чем где бы то ни было до этого, даже не смотря на то, что у них очень строгие правила и большая текучка кадров.

Мне это необходимо.

Я устала просыпаться утром и видеть одно и то же дерьмо: зеленые поля, коров, еще поля, еще коров.

В Блайте нет ничего, что могло бы меня увлечь. Чем быстрее я смогу накопить немного денег, тем скорее смогу собрать чемоданы и свалить отсюда на север, ко всем чертям.

Паркуя машину, я закатываю глаза при виде неуместных орлиных статуй, натыканных по периметру

отеля. Здание покрыто посеребрённым стеклом, и будто кричит: «Мне здесь не место!».

Я оставляю машину под навесом, надеясь, что дождь вскоре кончится и мне не придётся мокнуть под ним, пока буду идти к зданию.

Так льет уже несколько недель. Каждый такой серый день заставляет меня всё больше скучать по Лии.

Если бы она была жива, то сейчас мы бы танцевали под дождем, пока полностью не промокли. Пока мы жили в Джерси, каждую грозу я и она «повелевали дождём». Мы сидели на балконе, делили пачку сигарет и соревновались, у кого она

дольше не намокнет

В день её смерти я не разрешила забрать её тело из дома. Я просто сорвалась, кричала на любого, кто разговаривал со мной, и набрасывалась на врачей, которые хотели забрать тело.

Когда, наконец, успокоившись, а для этого полиции пришлось скрутить меня, я изо всех сил старалась принять ее смерть.

Я пыталась организовать её похороны, настаивала на белых розах и каллах — это были её любимые цветы. Однако цены были такими высокими, что, даже продав все свои дизайнерские сумочки, мне не

хватало 3 тысяч.

Обзвонив всех её постоянных клиентов, с просьбой подкинуть мне по паре сотен, я столкнулась с тем, что все они сделали вид, что не знакомы со мной. Я не знала, кому ещё позвонить, и тогда появились мои бабушка с дедушкой и привезли меня в Блайт, Алабама – где мы и похоронили Лию.

Я была ошарашена и очень одинока.

Заканчивать последние два месяца старшей школы и так было трудно, но жить с двумя членами семьи, которых я никогда не знала, было намного тяжелее. Не смотря на

мои уверения в том, что программа обучения и так очень легкая, бабушка с дедом никогда не разрешали мне прогуливать школу. Они покупали мне вещи на распродажах и уже решили за меня, что я не буду поступать в колледж.

— Мэм? Мэм? — мужчина стучал по стеклу моей машины, отвлекая меня от моих воспоминаний.

— Да? — отвечаю я ему, открыв окно.

— Здесь нельзя парковаться. Вы здесь работаете?

— Нет, я приехала на собеседование, — я заметила нашивку «Полиция Блайта» на его пончо. — Я

отъеду.

– Вообще-то... – он уставился на меня, на самом деле уставился, поэтому я улыбаюсь ему своей самой соблазнительной улыбкой, – припаркуйте машину на стоянке для клиентов отеля. Я прослежу, чтобы ничего с ней не случилось. Дождь вряд ли скоро закончится, а мне бы не хотелось, чтобы вы промокли, – он бросает взгляд на мою очень облегающую рубашку, указывая куда ехать.

«Всегда используй свою соблазняющую улыбку, чтобы получить то, что тебе надо, Эм... Ни один мужчина не сможет тебе

отказать, если ты правильно всё обыграешь...»

Я улыбаюсь и направляю машину на парковку под навесом, пока слова Лии звучат в голове. Выходя, я отдаю ключи парковщику в красной форме. У меня остается еще несколько минут, чтобы немного узнать об отеле, перед тем, как подойдет моя очередь.

Достаю своё резюме из внутреннего кармана, чтобы просмотреть его в последний раз. Проходя мимо таблички «Собеседования проходят здесь», замечаю, что тут около ста соискателей, которые, как и я, хотят

«мгновенно трудоустроиться», как и обещали в радио-объявлении.

В тот момент, когда я нахожу свободное место, женский голос из другого конца коридора произносит моё имя.

— Эмерланд Андерсон?

Встаю и улыбаюсь своей лучшей улыбкой. Иду в направлении голоса, и меня провожают в маленький кабинет.

— Эмерланд Андерсон, — сообщает женщина и закрывает за мной дверь.

Я остаюсь одна наедине с лысым, толстым мужчиной, которому около 30-ти.

Бейджик на его безупречном черном костюме гласит, что его зовут «Итан Кайл». Судя по его одежде, сверкающим запонкам и дизайнерскому галстуку, он считает ниже своего достоинства, представляться мне лично.

— Добрый день, Мисс Андерсон, — здоровается он и движением руки предлагает сесть.

— Добрый день... — наступает тишина, пока я сажусь и поправляю свою серую юбку.

Я чувствую, как он раздевает меня своими глазами, рассматривая меня с ног до головы. Меня уже тошнит.

– Мисс Андерсон... – он берет моё резюме, задерживаясь своими пальцами на моих дольше, чем нужно. – Почему же вы хотите работать в «Уэстине»?

Я цитирую информацию, которую прочла пару минут назад об отеле в Википедии, привирая, как я хочу получить интересную работу.

– Как долго вы планируете работать в индустрии обслуживания?

«Черт, нисколько!»

– Я планирую сделать карьеру в этой сфере.

Он улыбается, кивая мне.

– У нас есть вакансии на стойки регистрации, в уборке

номеров и в обслуживании ресторана. В каком отделе вы бы хотели работать? – он уставился на мою грудь.

– Уборка номеров.

– Это очень тяжелый физический труд, – он качает головой. – Вы не похожи на...

Мой живот сжимается от его грязных взглядов. Я хочу встать и уйти, но я должна получить это место.

– Я замечательно убираю. У меня маниакальная страсть к чистоте, – нагло вру я.

Он наклоняется, опираясь локтями о стол.

— Стартовая зарплата горничной 7.50\$ в час. Работа в ресторане оплачивается по ставке 8\$ в час, а зарплата администратора стойки регистрации 9\$ в час. Вы не окончили колледж, — говорит он, отдавая мне резюме, — но вы же знаете, что будет лучше для Вас... Мы так же набираем стажеров, для нашей программы подготовки менеджеров. Это самый удобный и легкий путь узнать все об индустрии обслуживания.

— Какая ставка?

— 16 \$ в час, но Вам придется работать под началом вашего наставника, то есть проводить со

мной очень много времени... в этом тесном помещении, задерживаться после окончания смены.

Я стараюсь не закатывать глаза, слушая его неубедительные и пошлые намеки. Я знаю, что должна отказаться, так как этого козла интересует только одно, но вместо этого я говорю:

— Это предложение меня заинтересовало.

Он улыбается и встает из-за стола. Подходит ко мне и берет моё лицо в свои руки, а я стараюсь не дергаться.

— На эту должность очень много кандидатов, Эмерланд. И у

этих кандидатов есть образование и опыт, — он облизывает свою нижнюю губу, расстёгивая при этом ширинку. — Чем же ты докажешь, что ты лучше всех этих кандидатов?

Он засовывает руку в свои штаны и достает оттуда свой член. Он смотрит на меня, подняв бровь. Я гляжу на него, не веря своим глазам, мне противно. В этот момент, он улыбается и свободной рукой проводит по моим волосам.

— Ты можешь мне показать, как хорошо можешь работать, Эмерланд? — то, как он делает ударение на каждом слове, заставляет меня съёжиться.

Меня тошнит, но мне нужна эта работа. Очень нужна. Я занимаюсь сексом, поэтому пытаюсь напомнить себе, что это просто минет. По моим меркам, это самая низкая его ступень, но я не могу приблизить свой рот к нему.

— Я не могу... — я отворачиваюсь и смотрю в сторону. — Рассмотрите мою кандидатуру на другую должность, пожалуйста.

— У нас нет других вакансий, — он застегивает свою ширинку и идет к двери. — Мы сохраним ваше резюме в нашей базе данных, Мисс Андерсон.

— Что?

– Мы тут закончили. Вы можете идти, Мисс Андерсон, – говорит он прохладно.

Я трясую головой, когда встаю. Медленно проходя мимо него, слышу, как он с выдохом произносит: «Тупая сучка», перед тем как захлопнуть за мной дверь.

Я смотрю на девушек, сидящих в коридоре, на этих стульях для банкета, думая скольким из них предложат такую же работу. Не знаю, что на меня находит, но я подхожу к стойке регистрации, надеясь поговорить с еще каким-то менеджером. Эта свинья не может быть единственным сотрудником,

который решает, кого взять на работу. Когда я приближаюсь, мне улыбается блондинка со светло-кариими глазами.

– Чем я могу Вам помочь, мисс?

– Могу ли я поговорить с главным менеджером?

– Я главный менеджер, – она улыбается еще шире. – Что-то случилось?

– Не могли бы Вы... не могли бы Вы рассказать мне о вашей программе подготовки менеджеров? Сколько менеджеров у вас курирует эту программу?

– О какой программе вы говорите? – она снимает очки.

— Программа подготовки менеджеров... Со ставкой 16\$ в час, когда стажер работает под началом менеджера. Верно?

— Мы не практикуем программу подготовки менеджеров уже несколько лет, и у нас никто не получает 16\$ в час, — говорит она, подняв удивленно брови. — Может, Вы перепутали «Уэстин» с «Марриотом»? «Марриот» дальше по этой улице, направо.

Сукин сын...

Я паркую машину перед домом дедушки и бабушки и закуриваю мою последнюю сигарету. Я должна сегодня бросить, но не уверенна, что

получится. Особенно после
сегодняшнего.

После «собеседования» в отеле
я была ещё на трех ярмарках
вакансий. Останавливалась около
каждого стола, я заполняла любые
анкеты и знакомилась с каждым
представителем компании. Но всё
что я слышала, это: «Мы сохраним
Ваше резюме в нашей базе», «Мы с
Вами свяжемся», «Мы скоро с Вами
увидимся». Всем этим они хотели
сказать: «Вы о нас больше не
услышите».

И что было еще хуже всего,
больше не было парковщика, чтобы
присмотреть за моей машиной,

поэтому я вымокла с головы до ног.

Удрученно докуриваю свою сигарету, потом брызгаю на себя духами, чтобы замаскировать запах, перед тем как войду в дом.

Когда я закрываю входную дверь, мои дедушка с бабушкой ужинают за столом и уже поставили мне приборы, как всегда.

– Привет, дорогая! – лучезарно приветствует меня бабушка. – Как прошел день?

– Не очень.

– Ах, Эмерланд, – говорит она, отодвигая мне стул. – Ты обязательно что-нибудь найдешь, дорогая. Не расстраивайся ты так.

– Похоже, что я расстроена?

Дедушка кивает.

– Почему бы тебе пока не поработать в церкви?

– Да! – бабушка радостно прижимает руки к груди и вздыхает.

– Почему я раньше не подумала об этом! Нам всегда нужны люди, чтобы распространять слово божье. Тебе точно полегчает, если ты будешь работать в Доме Божьем.

Я стараюсь сдерживать стон. Мы знакомы всего лишь несколько лет, но могу поклясться, что они думают, будто Бог может исправить всё.

Моих дедушку и бабушку зовут Генри Ли и Вирджиния Марш. Они

являются наглядным примером жителей Американского Библейского Пояса (Южно-Восточные и Южно-Центральные штаты с консервативными Евангелистами). Они всегда носят с собой библию и склонны повторять «Хвала Господу» каждую секунду, а в церкви они проводят времени больше, чем где-либо.

– Спасибо за предложение, – говорю я, открывая кока-колу. – Но, нет.

– Наверно, именно поэтому ты и не можешь найти работу, – говорит Вирджиния, указывая на меня вилкой. – Ты очень давно не была с

нами в церкви.

— Ох-ой..

— Сын Мэри Файн начал ходить в церковь две недели назад, и он уже нашёл работу в Макдоналдсе... А он же сидел.

— Боже мой...

— Благослови его Господи! — воскликнули они в унисон.

Я вздыхаю.

— Если я ничего не найду в течение следующих двух недель, я соглашусь на ваше предложение, — только я очень надеюсь, что до этого не дойдёт.

Вирджиния хлопает в ладоши и улыбается.

– Тебе там понравится! Нам будет так интересно в единении с Богом! Спасать и подбадривать заблудшие души!

Я пододвигаю поближе тарелку с пюре и меняю тему.

Следующий час или около того я сидела и слушала их, пока они пересказывали мне местные новости: ещё больше детей заболело в госпитале Вирджинии, у Генри в пожарной бригаде снова пополнение, очередной неудачный день для их соседей-садоводов, еще одна корова родила на ферме дальше по улице.

Как только они начинают выяснять кто должен печь пирожные

для следующей церковной распродажи, я извиняюсь и встаю из-за стола, чтобы подняться наверх, в свою комнату. Вздыхаю, когда включаю свет в комнате: я вижу одно и то же жалкое зрелище уже несколько месяцев. Стена моей комнаты увешана письмами с отказами от всех известных издательств и литературных магазинов. Рама окна обклеена копиями моих оценок из колледжа, и я очень горжусь тем, что получила все тройки с минусом и двойки. Самая высокая полученная мною оценка, это пятерка с плюсом за изобразительное искусство, она

висит над моим зеркалом.

Это единственная вещь, которая заставляет меня улыбаться. Я чувствую, что, несмотря на все то, что я испортила в своей жизни: школа, работа, отношения, друзья, я еще не конченный человек...

Глава 2

Осень 2011

– Сильнее... – шепчу я. – Сильнее... – я запускаю свои пальцы в темные волосы Паркера Далтона, умоляя его.

Он касается своими губами моей шеи и нежно меня кусает, снова и снова входя в меня.

– В тебе так охуенно хорошо, Эмерланд... Так охуенно хорошо...

Закрывая глаза, я царапаю ему спину. Начинаю стонать, когда он ускоряется. Пока он проводит языком

между моими грудями, я сцепляю свои ноги за его спиной и еще ближе притягиваю его к себе. Шлепающий звук нашей соприкасающейся плоти отдается эхом от стен, но перед тем, как я кончу, его ритм замедляется.

— Чееерт... — он входит в меня еще один последний раз и оставляет меня без оргазма. Снова.

Трясаясь, Паркер падает на мою грудь и тихонько целует меня в лоб.

Я прячу своё разочарование за улыбкой. Я рада, что примерно через час у меня урок изобразительного искусства, поэтому мне не придётся лежать тут с ним и обниматься после секса.

Несмотря на уверения Паркера Далтона о том, что я ему «действительно нравлюсь» и настоятельные просьбы проводить с ним как можно больше времени, он не мой парень. Он тщательно выбранный спонсор.

Он главный президент «Омега Чи» – самого уважаемого братства Нью-Йоркского университета и является президентом Студенческого Совета Университета. Далтон уже сдал вступительный экзамен на юридический, почти на отлично. Он уже одной ногой в Гарварде. А ещё, он из известной и богатой семьи.

Держась рядом с ним, я была

уверенна, что и мне что-то перепадёт. Я очень надеялась, что это был билет в лучшую жизнь.

Похлопывая его по спине, я прочистила горло.

– Ты делаешь мне больно.

– Прости меня, малышка, – он скатывается с меня и притягивает, чтобы обнять. – Тебе было хорошо?

Я робко ему улыбаюсь той улыбкой, которую я совершенствовала годами:

– Да, – шепчу я. Что я действительно хочу сказать, так это то, что хороший секс у меня был всего лишь несколько раз, и ни одного раза с ним.

– У тебя чертовки красивые глаза, Эм, – шепчет он мне, заправляя мне локон за ухо.

– Не называй меня так. Моё имя Эмерланд.

– Извини, все забываю, что тебе это не нравится, – он проводит пальцами по моим губам. – И как тебе твой первый семестр в колледже?

– Мне больше понравится мой последний семестр. Ненавижу колледж.

– Поверь мне, в выпускном классе все ещё хуже, – смеется он.

– Жду не дождусь.

– Разве у тебя не одни пятерки?

Ты никогда не упоминала, что получала что-то ниже пятерки. Тебе же должно что-то нравиться?

Я качаю головой.

— Это слишком легко. Я написала сочинение для семинара в Кампе за два часа до сдачи. Пять с плюсом.

Еще хочу добавить, что моё последнее исследование по литературе было написано по книге классической литературы, которую даже моя учительница не читала, но в литературе вкус Паркера ужасен, он бы просто не понял.

— Не хочешь написать мне дипломную в следующем семестре?

— Неа, — я отодвигаюсь от него и встаю с кровати.

— У тебя точно нет парня, который ждет тебя дома? Или какой-то другой парень в студгородке, с которым ты встречаешься за моей спиной?

Я хмурюсь, глядя на него пока натягиваю свои джинсы.

— Что? Что ты хочешь этим сказать?

Далтон встает, обнимает меня и нежно целует, я же стараюсь не оттолкнуть его.

Я не должна целовать своего спонсора больше, чем 5 секунд. Немногим дольше этого, и они

начнут думать, что это может быть чем-то большим, чем секс.

Правила, которые я выучила, всегда были просты: переспать, использовать, бросить.

— Паркер, я серьезно. Что ты хотел этим сказать?

— Я просто хочу знать, что ты только моя.

Я смотрю на него в замешательстве.

— Эмерланд, просто... Просто ты такая красивая, и ты не похожа на девушку, которой будет достаточно внимания одного парня.

— Я только твоя. Это комплимент?

– Да, – он улыбается и снова целует меня в губы.

– Хорошо... – я заставляю себя поцеловать его ответ. – Я только твоя. Я позвоню тебе.

Лечу через весь университетский городок и направляюсь в обсерваторию, где другие студенты из моего класса по изобразительному искусству уже приготовили свои кисти и холсты.

Я хватаю свои вещи и иду за всеми на крышу, где следующие полтора часа наш профессор позволит нам создавать наши шедевры.

Это единственное, что делает

учебу в этом колледже терпимой – возможность создавать что-то прекрасное в моей дерьмовой жизни.

Заканчивая рисовать, отдаем работы учителю, и я иду в общежитие, надеясь проспать остаток дня. Это то, как я решаю свои проблемы – я не плачу, не ною, я просто сплю.

– Привет, – я кидаю сумку у двери и киваю своей соседке. – Как дела?

– Нормально. Пойдешь со мной на сегодняшнюю вечеринку? Ты обещала!

Я вздыхаю. Я не хожу на вечеринки с начала семестра. Они не

такие, какими были, когда Лия была жива: тогда она наряжала меня как куклу, и я выглядела так, как на своих фальшивых правах.

— Давай же, Эмерланд! Ты должна, ради меня! — она выдает мне своё лучшее «пожалей меня» выражение лица. — Ты моя подруга!

Эми Хьюстон мне не подруга. Она моя соседка по комнате и потенциальный спонсор. Её родители первые советники губернатора штата и делают всё, что она пожелает, включая моё новенькое, сделанное на заказ постельное белье. Эми заказала его специально для меня, потому что

хотела, чтобы наша комната была оформлена в унисон.

Честно говоря, я не доверяю ей, я никому не доверяю, но она самый близкий человек, который у меня есть. Она рассказывает мне о своей жизни, смеется над моими шутками и пытается мотивировать меня знакомиться с другими студентами. Однажды, Эми даже держала меня за руку, когда я нашла у себя в чемодане вещь, напоминающую мне о Лии. Она не спрашивала, что случилось, и не пыталась узнать, в чём дело. Она просто утешала меня, пока я не успокоилась.

— Хорошо, — со стоном

соглашаюсь я. — Я пойду. Но только на час.

— Да! — она вскакивает с кровати и обнимает меня. — У тебя есть фальшивые права? Я должна убедиться, что всё готово.

Кивая, я достаю из бумажника фальшивые права. Они на имя Отэм Милс, у женщины на фото темные волосы и большие зеленые глаза, как у меня.

— Ого! — восклицает она и отдает мне права. — С ними тебя точно впустят! Где ты их взяла? Это очень хорошая подделка! Тут даже есть водяной знак и защитные линии.

Я чуть не проговорилась, что

один из клиентов Лии сделал их мне в подарок на моё 16-летие, но сдержалась.

– Один друг из Джерси помог.

Она кивает и включает радио.

– Не могу без музыки. Давай одеваться, краситься и так далее.

Эми достает бутылку водки из-под кровати и наливает по три шота в каждый стакан. – Время гулять, сучка!

Следующие два часа пролетают как в тумане: мы пьем, смеемся и выбираем платья. К тому времени, как я пьянею, мы уже в накуренном клубе, вне студгородка. Большинство присутствующих старшекурсники

либо члены братства, так что я никого из них не знаю. На мне короткое розовое платье, не оставляющее места воображению, мои волосы собраны в замысловатый пучок, и несколько локонов падают на глаза. Пробираясь к бару, замечаю Паркера, который разговаривает с кем-то из братства. Я подхожу к нему и трогаю за плечо:

— Привет.

— Привет, малышка, — он поворачивается и обнимает меня за талию. — Ты же говорила, что не любишь вечеринки.

— Не люблю. Эми заставила меня прийти.

– Где она?

Я пожимаю плечами. Она исчезла, как только мы зашли, и больше я её не видела.

– Хочешь остаться со мной? – он наклоняется и шепчет мне в ухо. – Я могу предложить намного более интересное времяпрепровождение для нас сегодня вечером.

– Заманчиво... Но я не могу оставить её тут одну. Это будет некрасиво.

Танцпол забит, но никто не танцует, я удивлённо приподнимаю бровь. Все смеются и показывают на что-то пальцем, я не могу ничего разглядеть. Я уверена, что это

очередное видео флешмоба, которые стали так популярны в последнее время. Я поворачиваюсь к бармену и машу рукой, в надежде привлечь его внимание.

– Что будете пить?

– Ром с колой.

– У вас есть права или паспорт?

Я показываю ему браслет, который должен подтвердить, что мне больше 21 и мое право заказывать алкоголь.

– Хорошо... – он ставит стакан на стойку. – С Вас... – он смотрит мне в глаза. – Ебать. Знаете что? Это за счет заведения.

— Спасибо, — я улыбаюсь, соблазнительно закусывая губу.

Выпиваю и возвращаю ему стакан. Через плечо я замечаю, что на танцполе все просто загипнотизированы тем, что происходит на сцене. Меня раздражает всё это, и я снова прошу бармена мне налить, и он снова говорит, что это за счет заведения. Я закатываю глаза, когда толпа начинает в унисон охать и ахать.

Догадываюсь, что, скорее всего, Паркер смотрит то же, что и остальные, поэтому пытаюсь найти Эми. Направляюсь в толпу, потягивая выпивку. Протискиваясь через

потные и пьяные тела, я слышу многочисленные вздохи и клянусь убить Эми за то, что она оставила меня одну.

– Ну и шлюха!

– Кто это?

– Это первокурсница...

– Её имиджу пиздец!

Я врезаюсь в какого-то потного и очень пьяного парня. Разглядев меня, он пятится назад, тыча в меня пальцем и крича:

– Можно я буду следующим, малышка? Я обещаю, я лучше их обоих! Я доставлю тебе удовольствие!

Приподнимаю удивленно

бровь, не понимая о чем это он, и перевожу взгляд на экран.

Мой стакан падает у меня из рук.

Картинки на экране унижительны и настолько откровенны, что я щипаю себя, чтобы убедиться, что я не сплю.

Это я.

Я занимаюсь сексом с Паркером.

Я занимаюсь сексом с каким-то парнем из братства, за неделю до знакомства с ним.

Экран разделен на две части - в каждой я занимаюсь сексом с каждым из парней и там четко

видно, что это я. Я в своей комнате занимаюсь сексом с одним и тем же выражением лица: таким же, как когда я лишилась девственности два года назад, повторяя одни и те же слова.

Я замираю.

Я в смятении.

Я раздавлена.

Я оглядываюсь по сторонам, надеясь, что Паркер вышел, чтобы найти Эми.

Спешу к выходу, расталкивая всех на своем пути. Останавливаюсь, когда слышу свой голос в динамиках. Через плечо, я вижу кадры видео, как мы с Эми выпиваем.

– Зачем же ты спишь с Паркером Далтоном, если ты не считаешь его своим парнем?

– Может, я надеюсь, что в один прекрасный день секс с ним станет лучше. Он же президент Омега Чи и будущий политик. Я просто использую его.

– Неужели секс так плох?

– Да.

– И он тебе совсем не нравится?

– Нет.

– Даже чуть-чуть?

– Нет. Он просто мой билет в лучшую жизнь. Налей мне еще. Больше алкоголя, меньше болтовни.

Я не помню этого разговора, но, похоже я была пьяной в говно, чтобы разговаривать о таком личном с Эми. Вообще с кем-либо.

Идя к двери, в углу замечаю Паркера. Он качает головой, выглядя при этом совершенно раздавленным. Разбитым.

Я направляюсь к нему, надеясь объяснить, что секс с парнем из его братства был до того, как мы познакомились. Он поднимает глаза и видит меня. Он смотрит на меня убийственным взглядом, и, не произнося ни слова, показывает мне средний палец.

Чувствую, что сейчас заплачу,

но всё равно иду к нему. Я хочу попросить его поговорить у него в комнате, чтобы объясниться, но он исчезает.

Охи и ахи толпы становятся громче, и я заставляю себя двигаться вперед, забыть все то, что сейчас показывают на экране за моей спиной, и пойти в свою комнату. Но я не могу, я оборачиваюсь и смотрю на экран.

На видео я выливаю алкоголь в свой розовый термос, который я везде ношу с собой. Видео заканчивается кадрами, на которых я раскладываю косяк на своём столике.

Кровь стынет в моих жилах, моё

сердце бьётся с бешеной скоростью. Я униженна, и еще я вне себя. Я просто в ярости.

С другой стороны зала, вижу Эми стоящую около двери в служебное помещение между сложенными друг на друга ящиками.

Она смеется вместе со всеми, в её руках пульт, нажимая паузу, чтобы сделать передышку в просмотре сегодняшнего шедевра.

Толпа хлопает и скандирует: «Шлюха первокурсница!», «Забей, Паркер!», и «Братство превыше шалав!». Шум просто оглушает. Девочки в толпе, которые узнают во мне звезду экрана, ухмыляются,

тыкают в меня пальцем и фотографируют на телефон.

— Ладно! Ладно! Давайте продолжать эту гребаную вечеринку! — звучит голос ди-джея и музыка рвет колонки, но я не слышу насмешек.

Сощурившись, я делаю несколько глубоких вдохов, переваривая увиденное. Глядя Эми прямо в глаза, я размышляю о том, чтобы сделала Лия на моём месте. Приняв решение, иду к Эми через весь танцпол. Глаза ее расширяются от удивления, когда я приближаюсь к ней.

Одна из стоящих рядом с Эми девчонок скрестив руки на груди,

загораживает её от меня. Я закатываю глаза и отталкиваю её.

— Именно для этого ты притащила меня на сегодняшнюю вечеринку? — стоя перед ней мне так хочется врезать ей. — И чего же ты хотела этим добиться?

— Я рассказала тебе, как мне нравится Паркер, в первый же день, как въехала в общежитие. Это было первое, с чем я поделилась с тобой.

— Я тебе уже говорила, что ты ему не нравишься. Он сам сказал это. Он ясно дал это понять.

— А тебе просто обязательно надо было похлопать своими ресничками перед ним? Я же

упоминала, что мы выросли вместе, мы – лучшие друзья, а ты просто...

– Ты что издеваешься, сучка?

Она открывает рот, чтобы сказать что-то ещё, но я поворачиваюсь и ухожу.

Если бы мы были в Нью-Джерси, я бы уже выбивала из нее всё дерьмо, но мы в колледже. И потому что её друзей больше, чем моих, в соотношение 6-0, я должна выработать стратегию...

Я пробегаю все пять миль до студгородка, позволяя непривычным влажным дорожкам бежать по моим щекам. Мое горло горит, и телу хочется остановиться, потому что

очень тяжело бегать, когда твой организм полон алкоголя.

Но я не останавливаюсь.

Я бегу быстрее и быстрее, пока не оказываюсь в своей комнате.

Стягиваю платье и надеваю халат. Я спешу в общий душ, который находится дальше по коридору.

Больше в душевых никого нет, но проверяю кабинки дважды, чтобы убедиться. Захожу в душ и включаю горячую воду до самой терпимой температуры.

Подставляю лицо под струи и приказываю себе собраться. Слезы тут не помогут, но я не могу остановиться, мои слезы текут так

же быстро, как и струи. Я так сильно дрожу, что еле стою на ногах.

Меня поразило то, как Эми поступила со мной- заманила на вечеринку с целью унижить меня. Всего лишь несколько дней назад она пригласила меня провести выходные с её семьей в их загородном доме.

Я не вижу в этом никакого смысла...

Тот факт, что сделанное Эми было жестоко, не имело ничего общего с тем, что секс с другом Паркера был просто ошибкой. Пьяной, бестолковой ошибкой.

После собрания первокурсников, он пошел за мной в

общеежитие. Я могу поклясться, что попросила Эми не оставлять нас в комнате одних. Но так как она была тоже пьяна (как я тогда думала) она все равно ушла.

Я была возбуждена и отчаянно одинока, поэтому и решила ответить на его поцелуи, в надежде, что секс с ним будет таким же приятным. Но я ошиблась. Он только целовался хорошо.

Только утром я сообразила, что произошло. Но я не позволила себе думать об этом. Я переварила это, объясняя тем, что это просто ошибка, и забыла об этом.

Через несколько недель я

познакомилась с Паркером — приятным мальчиком из братства и заставила его поверить, что он мне нравится. Несмотря на то, что секс с ним никогда не приносил мне удовольствия, и мне никогда особенно не нравилось валяться и обниматься с ним после этого, он всегда был добр ко мне. Мне даже казалось, ему действительно хочется узнать меня поближе, но я не позволяла ему.

А может, надо было...

Сбитая с толку, сморю вниз и замечаю, что моя кожа покраснела от горячей воды. Делаю несколько

вздохов, чтобы восстановить своё дыхание, всхлипывания прекращаются, и я начинаю ровно дышать.

Когда, наконец, я успокаиваюсь, и в душевой слышен лишь шум бегущей воды, я начинаю думать.

Мне нужно придумать, как справиться с этим, но алкоголь и сон больше не подходят для этого. Знаю, что следующие несколько дней мне не стоит появляться в студгородке. Но я понимаю, что не могу вести себя так, как будто видео задело меня. Я должна дать им понять, что я не слабая и меня не так легко

запугать. Для начала, мне надо избавиться от Эми.

Я выключаю душ. Перед тем как пойти в комнату, проверяю, чтобы в коридоре никого не было.

Качая головой, оглядывая нашу комнату - её непристойно богатые родители обставили комнату дорожной мебелью и картинами. Над нашим зеркалом висит Пикассо, гребанный Пикассо! Подойдя к зеркалу, снимаю картину и бросаю на пол, разбивая вдребезги.

Я открываю свою тумбочку, чтобы достать оттуда полупустую бутылку текилы. Это моя заначка на черные дни. Я готовлюсь к тому, что

будет дальше.

*Теперь, я точно знаю, как
избавлюсь от этой сучки...*

В 4 утра дверь нашей комнаты открывается и Эми вваливается в комнату. Она смеется вместе с одной из своих подружек.

Как только она включает свет, её глаза встречаются с моими.

– Ну-ка! Неужели это шалава
номер 1 Нью-Йоркского
университета! Эмерланд - «я
трахнула двух парней из братства»
Андерсон! – невнятно произносит
она. – Вот что случается, если
перейти мне дорогу. Я Эми Хьюстон!
Гребаная Эми Хьюстон! И помни

это, пока трахаешься со всеми подряд.

Ее подруга помогает ей стоять на ногах. Когда Эми делает несколько шагов в мою сторону, она оборачивается и смотрит на свою часть комнаты, делая несколько вдохов.

Я жду, пока до неё дойдет реальность происходящего и то, что я сделала с её вещами. Теперь она узнает, кто из нас настоящая сучка.

Все её дизайнерские шмотки и постельное белье свалены в кучу на полу. Это все забрызгано моей черной несмываемой акриловой краской. Её матрас разрезан и

распотрошён, что автоматически
влекло за собой штраф в 750
долларов. На её 15 дюймовом экране,
висевшем на стене нашей комнаты,
проигрывалось видео, на котором
она отсасывает ассистенту нашего
учителя по этике, на прошлой
неделе, здесь, в нашей комнате.

Она была на коленях, а он
поглаживал её шею, прося взять его
член всё глубже и глубже в рот.

— Я случайно записала это,
пока меня не было в комнате, —
скучным голосом сообщила я. —
Оставила свою камеру включенной.
Думала, потом, когда мы будем пить
водку, мы посмеемся. А после, я

собиралась удалить это.

— Это не я... — она тяжело сглатывает.

— «Ах...Эми.. Черт...» — стонет на экране ассистент. — «черт...»

— Ага, — я закатываю глаза и делаю тише звук. — Сейчас я тебе скажу, что ты сделаешь в следующие 24 часа, Эми Ебаная Хьюстон. Ты заберешь из моей комнаты все свое дерьмо и съедешь к утру. Мне плевать, что ты скажешь коменданту общежития, но мое имя упоминаться не должно. Если нет, то я буду такой же сучкой, как и ты и после того как разошлю несколько копий коллегам твоих родителей, я выставлю этот

замечательный ролик на Фэйсбук. Я уверена, дочка первого советника губернатора...

– Ты кем, черт тебя возьми, себя возомнила?

– Я не закончила, – перебиваю её и замечаю, что глаза её подруги округлились. – Сегодня ты спать здесь не будешь. Я не желаю, чтобы ты когда-нибудь даже попыталась посмотреть мне в глаза в студгородке. Я тебе клянусь, если мне вдруг покажется, что ты даже шепотом произносишь моё имя, я сделаю все, чтобы это были твои последние слова.

Она моргает и внезапно начинает

истерически смеяться.

– Трэйси, – она смотрит на свою подружку. – Ты можешь в это поверить? Она действительно пытается меня запугать? – она смеется еще громче и сжимает губы. – Сначала, ты - потаскуха, а теперь ты кто? Ты что из какой-то банды? Ты что, заставишь меня исчезнуть, если я не съеду?

– Давай узнаем.

Она перестает смеяться и поднимает брови.

Я не отступаю и не моргаю. Я не блефую. Если она сейчас же не выйдет из комнаты, я поставлю ей добросовестно заслуженный синяк.

– Я...эм.. – она колеблется. – Я вернусь... Я вернусь к семи.

Скрещивая руки на груди, жду, пока она выйдет. И, как только за ней закрывается дверь, я нажимаю кнопку «опубликовать» на своей странице в Фэйсбуке. К полудню все уже ознакомятся с 15 секундным роликом, в котором она снимает с кого-то штаны.

Эми должна понять, что я не шучу. Я выставлю весь ролик, если она только попытается дыхнуть в мою сторону.

И пусть это приятное ощущение, поставить её на моё место, я прекрасно понимаю, что это

временно. В тот момент, когда алкоголь выветрится из моей крови, я снова осознаю всю тяжесть ситуации.

Даже не пытаюсь заснуть. В этом нет смысла.

Я направляюсь туда, где мне всегда спокойно — в библиотеку. Нахожу диванчик в укромном уголке, сажусь на него и прижав колени к груди закрываю глаза. Я мечтаю, чтобы этот семестр закончился, и мне не пришлось разгребать последствия.

Понятия не имею, как мне заставить всех забыть об этом ролике, и как прийти в себя.

Никогда не знаю, что мне делать.

Я хожу только лишь на уроки изобразительного искусства. Мой мини-холодильник забит только едой из бакалеи студгородка, в которой я закупаюсь по ночам: вермишель, йогурты и консервированные равиоли, чтобы мне не приходилось обедать в университетской столовой.

Часами сижу в своей комнате и пишу. Когда мне становится невыносимо читать то, что я написала, я рисую абстракцию.

Я очень редко появляюсь в студгородке. Все глазеют, шепчутся и ухмыляются. Иногда, они даже не

слишком учтивы, чтобы шептаться. Они просто выкрикивают: «Эмерланд, хочешь трахнуться с кем-то, кто умеет это делать?», «Хочешь, запишем секс ролик?» или «Паркер был слишком хорош для тебя!».

Бывает я вижу Эми и её прихлебателей, но она никогда не смотрит мне в глаза и уходит, как только я приближаюсь.

Случается, я впадаю в уныние, все дни сливаются в один, и я все никак не могу забыть про этот ролик, он все время преследует меня. Вновь и вновь пытаюсь справиться с этим, как справлялась до этого: водкой, сигаретами, горячим душем и

травкой.

Каждый семестр я игнорирую бесчисленные письма об «испытательном сроке» и «рекомендуемой консультации с психологом». Я записываюсь на новые курсы, на которых я не появляюсь. Я посещаю только ИЗО. Я всегда хожу на ИЗО.

Каждый раз, когда мой наставник присылает мне мейл о необходимости встретиться, я отвечаю, что занята или вообще игнорирую.

Так продолжается до последней недели зимних экзаменов моего второго курса. Я получаю письмо с

извещением, что меня отчисляют. Мне нужно освободить общежитие до начала весеннего семестра.

С тяжелым сердцем, я звоню единственным людям, которые мне приходят на ум, и не успеваю оглянуться, как уже пакую вещи в бабушкин пикап.

Она плачет, пока мы едим по суетливым улицам Нью-Йорка, направляясь к грязным дорогам Блайта.

Она говорит, что это её вина, что я поступила в колледж так рано, что она должна была дать мне время прийти в себя после смерти Лии, пожить годик на Юге. Она винит

себя, что не интересовалась моей жизнью больше.

Я не прерываю её, чтобы объяснить про секс-видео. Она не поймет.

– С тобой все будет хорошо, – сжимает она мое колено, управляя машиной. – Начиная с сегодняшнего дня, всё изменится к лучшему. Просто верь в это. Ты красивая, талантливая и неважно, что говорят остальные. Когда-нибудь, ты сделаешь в своей жизни что-то великое...

Я перестаю слушать бабушку, так как слышала эту речь миллион раз, ноне от нее. Лия годами

произносила те же самые слова,
когда смотрелась в зеркало.
Понимаю, что в данный момент, моя
бабушка обращается не ко мне.

Она разговаривает с Лией.

Глава 3

Иногда я представляю, что моя жизнь, совсем не моя. Я воображаю, что я всего лишь актриса, играющая роль несчастной девушки, у которой нет выбора.

Как ещё я могу объяснить то, что делаю в ярко освещенной комнате, обвешанной фото улыбающихся людей. Уже 2 часа я смотрю на людей, которые бесят меня.

— Мисс Андерсон? — мягкий

ГОЛОС ОТВЛЕКАЕТ МЕНЯ ОТ МОИХ
МЫСЛЕЙ.

– Да?

– Может, представитесь
группе?

Я вздыхаю и встаю.

– Меня зовут Эмерланд
Андерсон... И я – алкоголик.

– Привет, Эмерланд, – сухо
хором отвечают все.

Сижу, скрестив руки, с
нетерпением считая оставшиеся
минуты до окончания сегодняшнего
собраниа.

Все в этой комнате алкоголики,
кроме меня. Меня бы тут не было,
если бы не произошедшее в прошлую

субботу. Я до сих пор пытаюсь понять, что именно привело меня в группу этих нытиков.

Была обычная суббота. Я проверяла свою почту- очередную кучу отказов от известных издательств Нью-Йорка: «Ваши произведения слишком содержательны для нынешнего читателя», «Нынешний читатель не заинтересован в историях такого типа на сегодняшний день», «Мы не думаем, что наше агентство может Вам помочь, но желаем всего наилучшего в ваших поисках».

После того, как я добавляю эти письма на свой «потолок позора», я

решаю снова проверить почту. Десять новых сообщений с ответом: «Спасибо за Вашу заявку, но...».

Мне нужно немного прийти в себя, подышать свежим воздухом, поэтому я еду в бар на другом конце города.

Четыре шота водки. Три шота текилы. Три коктейля от незнакомцев, с которыми я только что познакомилась и 7 Больших Маргарит просто, чтобы повеселиться.

Я просто валяю дурака.

Этой выпивки мало.

Заказываю еще два крепких бренди и два крепких джина. Бармен

сомнительно приподнимает бровь, но мне не впервой.

Я только разогреваюсь.

Два часа спустя, уже хорошо поддтая, я убеждаю себя в том, что у меня есть идея, которую нужно срочно записать. Спотыкаясь, выхожу из бара, роясь в своей сумочке в поисках ключей.

Когда нахожу ключи, понимаю, что стою перед чужой машиной. Сбитая с толку, я пытаюсь найти свою машину на парковке, но у меня туман в голове. Обещаю себе проспаться на заднем сидении, перед тем как поехать домой. В какой-то момент меня выворачивает, что

естественно. Позже я понимаю, что стою посреди улицы, держа в руках дорожный знак «Стоп». Я понятия не имею, как он оказался у меня в руках.

Там было много света. А потом темнота.

Это всё, что я помню, перед тем как следующим утром мои бабушка с дедушкой приехали за мной в полицейский участок.

Думаю, что честно понесла заслуженное мной наказание, но через час, стоя перед судьей, выясняется, что я ошибалась.

Судья отчитывает меня за «глупость, безрассудность и потерю

контроля» и обвиняет в том, что водитель, свернув с дороги, въехал в фонарь. А тот дорожный знак оказался таким древним, что его еще придётся заливать цементом, чтобы он держался.

Пялюсь на стену за спиной судьи, в попытке сосчитать трещины на ней, пока судья продолжает говорить мне о том, какой я ужасный человек.

Я слушала в пол уха, пока не услышала, как она произнесла:

— Мисс Андерсон, у вас два выхода. Исходя из того, что это ваше первое правонарушение, а Вирджиния Марш уважаемый член

нашего общества так настойчиво утверждала, что вы замечательный человек...то вы можете провести 90 дней под стражей и получить условное освобождение под залог в 8 тысяч долларов за порчу городского имущества ... или...

Она медлила, а я прикусила губу, надеясь, что второй вариант будет лучше.

– Или я могу назначить вам 90 дней общественных работ, чтобы вы смогли оплатить штраф в размере восьми тысяч, а также вы добровольно будете посещать центр реабилитации, следующие три месяца.

Мой адвокат трогает меня за плечо и шепчет:

— Это хорошие условия. Соглашайся.

Но теперь, когда я слушаю, как какая-то женщина ноет о том, что её отец никогда её не любил, я начинаю думать, что мне стоило согласиться на первое предложение.

— Поэтому я и начала пить, — объясняет она. — Виски отвечало мне взаимностью.

Она всхлипывает в десять раз громче и абсолютно жалко качает головой.

Двадцать человек в помещении бубнят ей подбадривающие фразы:

«Всё хорошо, дорогая», «поделись с нами», «расскажи нам всё». Она вытирает слезы и улыбается.

— Замечательно.... —

произносит наш наставник, мужчина по имени Тим в толстых очках. Он достает номерок из так называемого «кубка сочувствия». — Номер восемнадцать?

Всё молчат.

— Номер восемнадцать? — повторяет он громче. — Кто вытянул номер восемнадцатый, зайдя в помещение?

Вздыхая, поднимаю руку.

—О! Хорошо! — он чересчур рад этому. — Расскажите нам немного о

себе, почему вы находитесь сегодня здесь?

– Хуй его знает.

– Извините, что вы сказали? – он хмурит брови. – Эмерланд, Вы думаете вам здесь не место?

– Нет, мне здесь не место, – сухо отвечаю я. – Я попала в аварию, когда была пьяна. Я даже не была за рулём.

– Значит, вы не алкоголик?

– Я здесь по решению суда, а не потому, что я пьяная - идиотка. И если вы освободите меня от ваших «согревающих душу» излияний, на время моего посещения, я буду вам очень благодарна.

В комнате повисла мертвая тишина, всё присутствующие алкоголики уставились на меня.

Тим снова хмурится, но быстро приходит в себя.

– Когда захотите мне что-то рассказать, я вас выслушаю, – произносит он и вытягивает следующий номер из кубка. – Номер семь?

Стараюсь не смеяться до окончания собрания, пока каждый из присутствующих примерно по часу рассказывает свою плаксивую историю. Если бы на моём счету было больше, чем 20\$, или если бы я не сдавала тест мочи, то сразу же

после встречи, я бы направилась в ликеро - водочный, чтобы забыть о том, что я тут была.

Когда 150 килограммовый громила начинает ныть о том, что его никто не любит, я переключаю своё внимание на единственное окно в помещении - орешник цветет во всей красе. Еще там гуляет пара, держась за руки. И я чувствую, что мне здесь не место.

Моё место там, за окном.

Когда, наконец, собрание заканчивается, я встаю вместе со всеми и повторяю общий слоган: «Я больше не одинок и поэтому избавлюсь от своей зависимости».

Как только я произношу последнее слово, тороплюсь к выходу, чтобы сесть в свою машину и убраться отсюда.

Технически, судья могла отобрать мои права на время прохождения терапии. Но так как в действительности я не садилась за руль в алкогольном опьянении в тот вечер, это бы не было законно.

Однако, судья сказала, что несмотря на это, она с удовольствием это сделает, если в течение следующих трех месяцев я получу какой-либо штраф.

Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

С каждым словом, я ударяю головой об руль. Могу сказать со всей уверенностью, что не протяну целых три месяца в этом «Сообществе анонимных алкоголиков».

Я уже готова ехать, но перед моей машиной появляется Тим и просит меня остановиться. Я поднимаю свои руки:

– Что?

– Эмерланд, правильно? – Тим подходит к моей машине.

– Чего вам?

Он достает листок из заднего кармана и разворачивает его.

– Я думаю, вы забываете про маленькие детали, касающиеся

выплаты вашего штрафа в 8 тысяч.

Смотрю на него пустыми глазами.

– Хорошо, – он опускает глаза, чтобы зачитать мне. – «Настоящим постановляю, что Эмерланд Андерсон будет посещать государственный центр реабилитации и помогать в подготовке собраний и уборке после таковых, на протяжении всех трех месяцев своего пребывания в центре».

Я закусываю губу и выдаю ему один из моих соблазнительных взглядов, надеясь, что он забудет то, что хотел сказать, до следующего

раза. Это не срабатывает.

— Вы должны приводить в порядок помещение после собрания, а также приезжать за три часа до начала, чтобы всё подготовить и прибрать на улице. Эта часть, включена в постановление суда, и является не только частью ваших общественных работ, собственно это и есть ваша работа. Если вы не будете выполнять свои обязанности, я доложу об этом суду. Вам все ясно?

— Кристально, — говорю я, стискивая зубы.

— Хорошо, — он хлопает рукой по крыше моей машины. — Сегодня, я закрою на это глаза так как это ваш

первый день, но если в следующий раз вы опоздаете хоть на секунду, я сообщу об этом судье.

Как только он отходит, я срываюсь с места, тут же сбрасывая скорость до разрешённой, вспоминая, что я и закон сейчас находимся не в лучших отношениях.

По дороге домой, в окне самого старого торгового центра Блайта, я вижу вывеску «требуется помощник». Думаю, не остановиться ли мне, чтобы заполнить заявление, но понимаю, что это бессмысленно. Я уверена, что все в городе уже знают о случившемся на прошлых выходных и будут больше

заинтересованы в том, чтобы услышать мои объяснения, чем разговаривать со мной по поводу работы.

Когда я паркую машину, с облегчением замечаю, что дедушки с бабушкой нет дома, и спешу подняться в свою комнату, чтобы свалиться на кровать.

Над кроватью висят мои последние украшения. Там осталось место еще для трех отказов. Что-то мне подсказывает, что я получу их уже к концу этой недели...

Через несколько дней, в 5 часов утра я оказываюсь за кофейным прилавком «Старбакс».

Обычно, я люблю аромат кофе, но от тошнотворно-сладкого запаха эспresso и мокко, у меня почему-то позывы к рвоте. Что ещё больше раздражает меня, так это то, что это даже не кофейня, а закусочная, то есть она намного меньше, а столики расположены на улице.

С тех пор как я пришла, менеджер, огромный мужчина с пучками седых волос и веснушками, объясняет мне, как приготовить кофе с помощью кофе-машины.

Несмотря на то, что мне необходимо срочно выплатить 8 тысяч, я уже совсем не рада, что Вирджиния уговорила его взять меня

на работу.

«Всегда улыбайся», «Клиент всегда прав», «Кофе делает всех счастливыми, поэтому ты должна выглядеть счастливой», — последовательно говорит мне менеджер. Я еще не запомнила его имени.

— Эм, у тебя есть еще какие-то вопросы? — улыбается он мне.

— Эмерланд, — вежливо поправляю его я. — Думаю, я все поняла.

— Замечательно! — он, поправляет мой зеленый берет, и направляется к блондинке, которая наблюдала за нами всё это время. —

Сара, постарайся на этой неделе научить Эмерланд всему, что ты знаешь.

– Конечно, – соглашается Сара и ждет, пока он скроется в подсобке.

– Ты же внучка Вирджинии Марш, не так ли?

Я киваю. У меня нет настроения общаться.

– Ну, я никогда не видела тебя в церкви, – она протягивает мне перчатки.

– Я временно не посещаю.

Она смеется, обнимая себя руками.

– Временно? Ты живешь в одном доме с Вирджинией Марш, и

оскорбленной, но показывает мне, как делать латтэ. Потом показывает, как приготовить основные виды кофе и напитки.

Когда начинают приходиться первые клиенты, она разрешает мне принимать заказы и давать сдачу, пока сама готовит напитки. Я очень стараюсь улыбаться каждому клиенту, но ближе к обеду, я даже не смотрю на них, они настолько заняты своими телефонами, что едва обращают на меня внимание.

— Ладно, теперь будет затишье, на час или около того, — Сара заваривает новый кофейник с «Кофе дня». — Хочешь, покажу, как делать

смузи?

– Конечно.

Она достает связку бананов из холодильника, когда звенит колокольчик, оповещающий, что зашёл очередной клиент.

– Обслужи клиента, – говорит она. – А я пока всё приготовлю.

Я поворачиваюсь к кассе и, не поднимая головы, вхожу в систему.

– Закусочная «Старбакс». Как ваше имя и что вы будете заказывать?

– Это новое приветствие? – отвечает мне низкий голос. – Оно недавно поменялось?

– Мне не платят за то, чтобы я поддерживала разговор. Ваше имя и

что вы будете заказывать, пожалуйста?

– Картер, – он медлит, – Картер Блэйк. Большой стакан кофе со вкусом лесного ореха и два сахара.

Я подписываю его стакан «К.Б.» отворачиваясь, чтобы побыстрее сварить ему кофе.

Когда кофе готов, и я поднимаю взгляд, чтобы отдать ему его заказ, я ошеломлена его привлекательностью.

Черная рубашка с вырезом туго облегает рифлёные шесть кубиков пресса, а его темные джинсы так идеально висят на бедрах, что я с уверенностью могу сказать, они

образуют идеальную форму латинской буквы V. Его светлые волосы идеально взъерошены, как будто он встал с постели пару секунд назад, а голубые сапфировые глаза неотрывно следят за мной.

— Вы отдадите мне мой кофе? — он улыбается мне, показывая набор своих ямочек. — Или за это вам тоже не платят?

— 3 доллара 7 центов.

Не отрывая взгляда, он протягивает мне свою золотую карточку клуба.

— Как давно ты тут работаешь? — спрашивает он.

— Спасибо за то, что выбрали

«Старбакс». Хорошего дня.

Он улыбается ещё шире и подносит стакан к губам.

Ярываюсь между желанием сказать ему не пялиться на меня, или выставить его на улицу. Но он, кажется тем парнем, который подумает, что это у меня такое чувство юмора. И потом, менеджер сообщил мне, что некоторые постоянные клиенты пробуют кофе прямо у кассы, чтобы убедиться, что он сделан, как они любят. Если же нет, мы должны сделать еще один кофе... с улыбкой.

Проходит целая минута, он продолжает смотреть на меня, пробуя

свой кофе.

Я вздыхаю.

– Вам нравится ваш кофе, сэр?

Он опускает стакан.

– Он немного горьковат.

– Нет, это неправда, – отвечаю я с сарказмом. – Я только что его сделала.

– А я почти уверен, что он горький, – он отдает мне стакан. – Добавьте, пожалуйста, немного сахара.

– У задней стены есть стенд с приправами. Вы можете сами добавить.

Его брови поднимаются от удивления, как я вообще сказала

такое вслух.

— Мистер Блэйк, что-то не так?
— около меня появляется Сара, которая переводит взгляд с меня на этого идиота.

— Нет, всё в порядке. Я просто просил... — произносит он, глядя на табличку с моим именем. — Эмерланд добавить немного сахара в мой кофе.

— Ой! Я поняла! — Сара берет у него стакан и начинает делать ему новый кофе, пока я в молчаливом признании смотрю на него.

— Вот ваш кофе, — улыбаясь, она протягивает ему новый стакан.

Он делает глоток и улыбается,

подмигивая мне.

— Намного лучше. Спасибо, дамы, — он еще раз смотрит на табличку с моим именем, перед тем как выйти.

— Он какая-то важная шишка в этом городе?

— Я не думаю, — она качает головой. — Я знаю, что его зовут Картер, и что летом он постоянный клиент и...

— Он заноза в заднице.

— Что?

— Ничего.

— Тогда ладно, — она пожимает плечами и начинает мне объяснять, как делать смузи. — Будь

внимательна, хорошо? О, и ты точно не хочешь поужинать со мной после работы? Или ты всё еще в хуевом настроении?

– Нет, у меня не хуевое настроение, – совершенно спокойно отвечаю я.

Она смеется.

Я не могу не заметить, что у неё часы от «Картье» – часы за 4 тысячи долларов на её левой руке и шлёпанцы от «Шанель». Я уверена, что Сара не может себе позвонить покупать дизайнерские вещи, только если её родители не богаты, а мне известно, что в Блайте нет богачей.

Я решаю, что эти вещи – очень

хорошая подделка, и намереваюсь спросить её, где я могу достать такие же. Но когда Сара уходит на обед, я замечаю её сумку от «Валентино», и тут понимаю, что это подлинник, потому что у меня была точно такая же.

Где и как, черт возьми, она всё это достала?

До окончания рабочей смены я пытаюсь быть самой вежливостью, надеясь, что здесь дадут какую-то скидку в виде бонуса на дизайнерские изделия, о которой мне неизвестно.

К концу смены, от целого дня на ногах, у меня болят спина и ноги.

Когда я в уме посчитала свою зарплату, у меня вышло 64\$. И это до вычета налогов.

Дерьмо собачье.

На следующий день я обслуживаю клиента, мужчину в возрасте, который уже 10 минут всех задерживает.

— Ах... — произносит он. — Что насчет соевого латтэ?

— Там тоже нет сахара.

— Хм... — он кивает, он всё еще не знает, что ему выбрать.

— Я даже не знаю...-*Сегодня* всё выглядит так аппетитно. Я тут бываю каждый день, но сегодня есть что-то

особенное...

— Ладно, сэр, — я очень стараюсь не закатывать глаза. — Не могли бы вы отойти в сторону? Я сделаю вам кофе, как только вы *решите*, что будете пить.

Он улыбается мне и вежливо отходит в сторону, а я обслуживаю пятнадцать человек, которые собрались тут пока он решал, что будет пить. Когда все клиенты сделали заказ, старикан сообщает мне, что будет простой черный кофе.

— Ты идешь на обед? — спрашивает меня Сара, дотрагиваясь до моего плеча.

Я замечаю, что сегодня на ней

другие «Картье».

Может, она торгует наркотиками... Может, ей нужен новый курьер, – думаю я.

– О, да.

– Увидимся через час.

Я нажимаю клавишу кассы и слышу уже знакомый голос.

– Можно мне то же, что и вчера? – это Картер. – С достаточным количеством сахара?

– Ты думаешь, я действительно помню твой вчерашний заказ? – конечно, я помню, но не хочу в этом признаваться. – Сара сделает тебе кофе. Я на обеде.

Ухожу, улыбаясь, и чувствую, как

он наблюдает за каждым моим движением, пока я иду в подсобку. Я беру с собой заранее приготовленное кофе, ванильное латтэ с корицей и шоколадом. Выхожу на террасу и сажусь в угол, подальше от всех. Моя самая любимая часть работы - это перерыв на обед. Особенно, когда на обед отводится целый час. Тридцать минут – это слишком мало времени, чтобы уговорить себя не увольняться.

– Это место занято? – передо мной стоит Картер.

– Ты же слышал, что я сказала, что я на обеде. Это значит, что я не хочу даже близко находиться рядом с *клиентами*.

– Все остальные места заняты.

Оглядываю террасу и понимаю, что он прав. Вероятно, для него это означает, что он может сесть за мой столик, поэтому он садится напротив меня.

– Как давно ты живешь в Блайте?

Я моргаю.

– Мне повторить вопрос?

– Я не делюсь личной информацией с незнакомцами.

– Незнакомцами?

– Да, с людьми, которых я видела один или два раза; или придурками, которые осложняют мне жизнь, потому что не в

состоянии сами добавить себе сахар в кофе.

– Ты всё время такая нервная?

– А ты всё время такой *разговорчивый*?

– *Разговорчивый?* – он наклоняется и поправляет мой локон.

– Я не разговорчивый. Я заинтригован, – он проводит пальцами по моим скулам. – *Очень* заинтригован.

Тишина.

– Если уж ты собрался испортить мне обед, разговаривая со мной... – я пытаюсь придумать, как отделаться от него хотя бы на пару секунд. Он намного сексуальнее, чем

мне показалось вчера. – Ты мог бы хотя бы купить мне пирожное.

Картер улыбается и идет внутрь, у меня есть несколько минут, чтобы спокойно вздохнуть. Все, кто меня привлекают, всегда приносят мне одни неприятности. Всегда.

– У тебя очень красивое имя, Эмерланд, – он снова садится напротив и протягивает мне два пирожных.

– Спасибо.

– Я так понимаю, что покупка пирожных не поможет мне выйти из категории «незнакомцев».

– Прямо в точку.

– Хммм, – он смотрит, как я ем

пирожное. – Тебе нравится тут работать?

– *Нет.*

– Это хорошо. Я не думаю, что обслуживать клиентов – это твоё призвание.

– Что?

– Такие люди, как ты, не должны и близко находиться с клиентом или вообще с живым существом, – он ухмыляется, я хочу засмеяться, но сдерживаюсь. – Сколько тебе лет?

– А сколько ты хочешь, чтобы мне было?

– Больше 18.

– Я похожа на

несовершеннолетнюю?

— Нет, но всегда лучше убедиться.

— У тебя были проблемы с несовершеннолетними?

— У тебя *очень* острый язычок, — он смеется.

— Заплатишь мне хорошо, и я покажу тебе, что умею им делать.

— Что? — его брови поднимаются от удивления.

Я не отступаю. Это одна из фраз Лии, которая приносила ей легкие 400 баксов. Мне все время было интересно, что произойдет, если я когда-нибудь скажу то же самое.

— Ты предлагаешь мне

заплатить тебе за минет?

– Это так звучит?

– Ага, – Картер ухмыляется. – А еще, похоже, что в твоей голове полно дерьма.

Я моргаю, потом начинаю смеяться.

– Шутка.

– Значит-таки ты ребёнок?

Я закатываю глаза и встаю.

– Неважно. Наслаждайся своим кофе, – я ухожу, чтобы не дать ему возможность сказать что-то еще.

В независимости от его сексуальности, мне нельзя отвлекаться. Мне нужно сосредоточиться на том, чтобы

свалить из этого города.

Следующие несколько недель Картер приходит каждый день в одно и то же время, заказывая одно и то же. Когда я отдаю ему его кофе, он всегда касается моих пальцев на несколько секунд дольше, чем положено. Пока он делает свой «проверочный» глоток, он всё время задает мне разные вопросы: «Какой твой любимый цвет?», «Как твой день?», «Почему ты ещё не уволилась?».

Я почти привыкла видеть его каждый день, когда внезапно он перестает появляться в закусочной.

Глава 4

Снова идет
дождь.

Закончились
солнечные и
безоблачные дни,
которыми я так

наслаждалась. Их
место заняли
грозно
нависающие
облака,
порывистый ветер
и проливной
дождь.

Сегодня

обещали грозу,
поэтому
закусочная
открывалась
позже, чем
обычно. Мой
менеджер все
равно попросил
приехать во время,

сказав, что надо
обговорить какие-
то дела по поводу
моего
трудоустройства.

Я вспоминаю,
что так и не знаю
его имени, поэтому
забываю в

ПОИСКОВИКЕ, ЧТОБЫ
УЗНАТЬ, ПЕРЕД ТЕМ,
КАК ВЫЙТИ.

Мистер Вэс...

Мистер Вэс...

Мистер Вэс... —

ПЫТАЮСЬ НЕ ЗАБЫТЬ
Я.

Когда паркую машину у

закусочной, замечаю, что на парковке, кроме моей машины, только серый пикап.

Я ставлю свою машину рядом с пикапом и достаю телефон, чтобы узнать, почему больше никого нет. До того, как я успеваю это сделать, кто-то стучит в окно моей машины, я опускаю его.

– Да? – это мистер Вэс, который укрывается пончо. – Больше никого нет?

– Можно я сяду?

– Да.

Он просовывает руку в окно машины, чтобы снять блокировку дверцы и садится на переднее

сидение, намочив его. Он поднимает стекло, поворачивается ко мне и вздыхает.

– Мне придется тебя уволить, Эмерланд.

– Что?

– Я вчера проверял кассу. Ты пробила 500 заказов на прошлой неделе, но сумма чеков только на 300... Я выяснил, что 40 процентов клиентов не заплатили за кофе.

– Вы, что блядь, издеваетесь?

Он удивлен выбором моих слов. Прочищает горло.

– Ещё пару клиентов пожаловались на тебя, сказав, что когда они попросили тебя сделать им

другой кофе, ты ответила: «Переделывайте нахуй сами». В нашем магазине так не разговаривают. Только потому, что у нас с твоей бабушкой очень хорошие отношения, — говорит он, выпрямляясь, — я не буду ей всего этого рассказывать, если только ты сама ей не расскажешь. Я скажу ей, что ты решила помочь ей в церкви, и даже дам свои рекомендации, или...

— Убирайся нахуй из моей машины. Сейчас же.

— Эмерланд... — он вздыхает и накрывает мою руку своей жирной ладонью. — Ничего личного, но мы продаем кофе и у нас хороший

сервис. Мне действительно нужен кто-то, кто...

— Вы думаете это моя первая работа, с которой меня увольняют? — я отдергиваю свою руку. — Именно поэтому, избавьте меня от ваших напутствий. *Ничего личного,* — передразниваю его я. — Но всё это вы могли бы сказать мне по телефону, чтобы я не тратила бензин. *Вон.*

Он качает головой, бормоча что-то вроде: «Я буду молиться за тебя» и выходит из машины.

Как только за ним захлопывается дверь, я закрываю глаза и сжимаю руль.

Я должна была знать, что так

и будет. Я просто должна была...

Со свистом сдавая назад, я делаю резкий разворот и выезжаю с парковки. Я довольно хорошо справлялась последние несколько недель- я посещала эти нудные собрания АА (Анонимных Алкоголиков), регулярно сдавала мочу на тест, и эта ужасная малюсенькая закусочная, это всё настолько достало меня, что всё просто взывало к рецидиву.

Мне нужен алкоголь.

Немедленно.

Превышая скорость, еду в ликеро - водочный, на окраине города. Я покупаю литр водки,

упаковку пива и пачку сигарет. Это всё помещается у меня в сумке, и я тороплюсь домой, чтобы закрыться у себя в комнате.

С трудом открываю большое окно и сажусь так, что одна моя нога свисает из окна. Мне плевать на ветер и дождь, я открываю бутылку водки и делаю большой приятный глоток.

Мне никогда отсюда не выбраться...

Делаю глоток за глотком, пока моё горло не начинает гореть. Мои мысли путаться, и я вспоминаю то, что приходило на ум всю эту неделю, но я упорно подавляла эти

ВОСПОМИНАНИЯ.

– Эм? – в мою комнату входит
Лия и включает свет.

– А?

– Почему ты сегодня
пропустила школу?

– Какое тебе дело? – бормочу я
и отворачиваюсь от неё, чтобы
спрятать слезы.

– Конечно, мне плевать,
ходишь ты в школу или нет, – она
гладит меня по плечу. – Но мне
интересно узнать, почему ты
пропустила конкурс сочинений, о
котором рассказывала мне
месяцами. Мне позвонил твой
учитель и сказал, что ты не сдала

работу... Что случилось?

Я молчу. Я вообще не думаю о конкурсе сочинений. Единственное, чего мне хочется в данный момент, это исчезнуть.

– Эм... Поговори со мной, – настаивает она.

Качаю головой. Она разворачивает меня и вытирает мои слезы. Она смотрит мне в глаза, и я уверена, что Лия, знает в чем дело. Я вижу этот момент понимания в её глазах.

– Дай мне пару секунд, – она выходит из моей комнаты.

Возвращается с бутылкой, двумя бокалами и начатой пачкой

«Мальборо».

— Расскажи мне, что случилось?

— Помнишь, ты говорила, что твой первый раз был медленным и страстным?

Она кивает и жестом указывает мне выпить до дна.

— У меня было по-другому.

— Ты сказала ему, чтобы он остановился?

Я качаю головой.

— Я хотела этого... Ведь два свидания — это достаточно, так ведь?

— Да.

— Мне кажется он просто... —

воспоминания о том, как мой первый парень Шон прижал меня к трибунам, после нашей короткой борьбы, заставляют меня снова плакать. — Он был очень груб, а потом он... назвал меня именем своей бывшей девушки, когда кончил... дважды.

— Ох, Эм...

Я чувствую, как она гладит меня по спине.

— Это хуево, но ты не должна из-за этого плакать, — говорит она.

Снова качаю головой и отодвигаюсь от неё. Теперь я плачу ещё сильнее.

— Лия, ты сказала, что это

будет приятно. Но это не так. На самом деле, это не так.

— На самом деле, в первый раз, всегда неприятно, Эм. Это все зависит от ваших чувств... Чем лучше вы знаете друг друга, тем лучше становится секс ... Я думаю, твой следующий раз будет лучше. Ты же говорила, что он целуется так себе?

Я киваю.

— Ну, вот, это уже полбеда, — она вытаскивает меня из кровати и выводит на балкон. — Видишь ли, это все взаимосвязано...

— Взаимосвязано? Это слово из шести слогов. Ты меня удивляешь.

Она закатывает глаза.

– В следующий раз перед тем, как переспать с парнем, убедись, что он целуется на пятерку с плюсом. Секс будет лучше. Поверь мне. А сейчас... – она вытирает мне слезы, пока я не перестану плакать. Потом она достает тушь из кармана и красит мне ресницы. – Это должно помочь. Как насчет того, чтобы допить со мной эту бутылку?

Я делаю последний глоток из бутылки, заканчивая первые пол литра. Моя промокшая рубашка прилипла к телу, но сейчас мне плевать.

Мне надо выспаться.

Я прячу бутылки и засовываю пачку сигарет в стол, на всякий случай, если бабушка или дедушка решат зайти ко мне в комнату. Заваливаюсь на кровать и натягиваю одеяло, медленно проваливаясь в знакомую темноту.

Из сна меня вырывает звук моего будильника.

Выключаю его и смотрю на время: 9 часов.

Ужин давно закончился, но я встаю с кровати и спускаюсь вниз.

К моему удивлению, моих бабушки с дедушкой нет перед

телевизором в гостиной, и их нет на кухне. Их, вообще, нет дома.

Они оставили мне записку на холодильнике:

«Эмерланд! Поздравляем! Ты работаешь в «Старбакс» больше 2 недель! Мы надеемся, ты продержишься ещё пару! Мы уехали на рыбалку с прихожанами из церкви. Звони, если что понадобится.

В холодильнике две тарелки с едой для тебя.

Помолись перед едой!

Любим тебя,

Генри и Вирджиния».

Качая головой, достаю из

холодильника ужин и беру
сегодняшнюю газету.

Мне снова нужно искать
работу, и лучше начать прямо сейчас.

Едва успеваю начать завтракать,
как мой телефон вибрирует. Мне
пришло сообщение:

*«Привет. Слышала, тебя
уволили, правда, я не сильно
удивлена. Ха-ха. Позвони, если
захочешь развеяться. Я могу
подсказать, где ты можешь найти
работу...»*

*Ах, еще Картер спрашивал про тебя
сегодня. Сказать ему, что тебя
уволили? Сара».*

Закатываю глаза и продолжаю

просматривать объявления о работе. Они ещё более непривлекательны, чем обычно, и в большинстве случаев, я уже звонила им и оставляла свой телефон.

В досаде я комкаю газету и кидаю на пол, пытаюсь придумать способ, чем бы заняться сегодня, чтобы не начать биться головой об стену.

Конечно, у меня осталась ещё 2-я бутылка, но я не хочу испытывать свою удачу. Мой инспектор не появлялся на этой неделе, а мне и так теперь придётся делать клизму, чтобы прочистить организм от первой бутылки.

Он точно придет в эти выходные...

У меня ещё есть сигареты, но я действительно пытаюсь бросить курить. Телевизионные программы как-то странно на меня влияют.

У меня есть несколько бутылок специального напитка для очистки организма, но...

А в Блайте есть травка?

Проверив свой телефон, сохраняю номер Сары, перед тем как позвонить ей.

— Алло? — она отвечает после 3 гудка.

— Привет, есть минутка?

– Для моей стервозной, бывшей коллеги по работе? – я чувствую, как она улыбается. – Конечно. Как дела?

– Где тут можно найти травку?

– Что?! – Сара начинает смеяться, и мне кажется, что она даже плачет от смеха. – О, Боже, Эмерланд... Ты просто... Ты просто нечто!

– Так можно или нет?

– Твои дедушка с бабушкой дома?

– Нет.

– Я буду у тебя через 15 минут, – и она отключается.

Я спешу наверх и достаю спрятанную пачку сигарет из

последнего ящика. Я режу сигареты на мелкие кусочки прямо над мусорным ведром, чтобы убедиться в том, что потом их не выкурю. Я хочу вылить алкоголь в раковину, но не могу так сразу отказаться от него.

Даже пытаться не буду.

В окно я вижу фары машины, которая подъезжает к дому, думаю, что это Сара. Чтобы спрятать остатки сигарет, я выкидываю в мусорное ведро пару бумажных полотенец и выхожу на улицу, прихватив с собой зажигалку.

Сара паркуется позади моей машины, но вместо того чтобы выйти, она сигналиит и машет мне

рукой из окна, чтобы я села в машину. Я подхожу к окну.

– Дай мне пару минут. У меня двадцатка в машине, но мне только на 5 баксов, у тебя сдача есть?

– Я плачу, садись.

Я не двигаюсь. Когда я курила с Лией, она говорила так: 1) Когда хочешь подумать о жизни, всегда кури одна; 2) Если хочешь покурить в одиночку, кури в одиночку.

– Нет... – я отрицательно качаю головой. – Ладно. Забудь.

– Да садись ты уже в эту чертову машину, Эмерланд, – Сара закатывает глаза.

Вздыхаю и сажусь в машину.

Она срывается с места еще до того, как я успеваю пристегнуть ремень.

В её динамиках звучит Jay Z: “99 Problems”, а на её запястье два новых браслета от Тиффани.

Кажется, что мы едем чуть ли не целую вечность. Сара останавливает машину в каком-то безлюдном поле, где только заброшенный рекламный щит и водонапорная башня. Она берет маленькую коробочку с торпеды и зовёт меня сесть с ней на капот.

— Возьми, — она протягивает мне тройную пачку яблочных сигарет. — Приготовь-ка это, пока я займусь травкой.

В тишине, пока нас кусают комары, мы сосредоточенно занимаемся каждая своей задачей. Когда всё готово, Сара распределяет травку в одинаковом количестве, и я сворачиваю её, облизывая края, чтобы убедиться, что они не развалятся.

Она достает зажигалку, поджигает одну из сигарет и глубоко затягивается, перед тем как передать мне.

– Мистер Вэс, хотя бы лично тебя уволил?

– Какая разница? Увольнение это увольнение. И совершенно не важно, как это было сделано.

— Откуда мне знать, меня никогда не увольняли.

— Везет, — я затягиваюсь, насколько позволяет мне мои легкие, затем выдыхаю, складывая губы в форме буквы «О», круги дыма таят в темноте. — Я найду что-то другое.

— Хм... — она достает сложенную салфетку из заднего кармана. — Это от твоего друга.

— Друга?— я разворачиваю салфетку и читаю:

«Я скучаю по твоему ужасному сервису и по твоему горькому кофе. Картер. Я больше не хочу оставаться незнакомцем. 555-0965».

Я прячу улыбку и кладу записку в карман.

Сара и я передаём косяк туда - сюда, пока он не становится настолько маленьким, что обжигает наши пальцы. Потом мы зажигаем второй.

— У меня есть вторая работа, — шепотом говорит она мне. — Я думаю, тебе она подойдёт.

— Это при помощи *второй* работы ты можешь себе позволить покупать дизайнерские вещи?

Она улыбается и снова откидывается на капот.

— Да. Тебе интересно?

— На меня уже открыто

судебное дело. Так что, если это нелегально, то нет, спасибо.

– Мужские клубы разрешены законом.

– Ты говоришь о стриптиз - клубе?

– Что-то вроде этого, – она протягивает мне визитку черного цвета. – В среднем выходит около 400 баксов за вечер, но бывают и вечера, когда можно заработать намного больше.

Я смотрю на визитку. На ней только одно слово «Феникс» и номер.

Ни адреса, ни какой-либо другой информации. Ничего.

– Там только раздеваются?

– Если это всё, на что ты согласна, то да, – она понижает голос. – Я только раздеваюсь, но это зависит от клиента. Денег мне хватает.

Я вздыхаю и кручу визитку в руках. Четыреста баксов за вечер, по пять дней в неделю, это легкие две штуки баксов. Если я проработаю всё лето, этих денег будет больше, чем достаточно, чтобы вернуться обратно в город.

– Будь готова к прохладному приему, когда начнешь работать, – она прерывает мои мысли. – Если ты решишь там работать, конечно.

– Почему?

– Стриптиз – это не обычная работа с почасовой ставкой. Слишком много конкурентов. Мы с тобой подруги и всё такое...

– Мы *подруги*?

– Я бы не курила с тобой травку, если бы мы не дружили, – она берет у меня косяк. – В любом случае, каждую неделю к нам приходит очередная новенькая, с красивыми глазками, и думает, что из-за того, что она красива, мы все должны ей кланяться, и что она заработает кучу денег. Этого так и не случается.

– Я не думаю, что я...

– Ага! – она смеется. – Тебе наверно никогда не приходилось добиваться чьего-то внимания, хотя бы раз в жизни.

– Это не так...

– Конечно, не так. У красивых людей всё всегда просто. Не надо врать.

Я перекатываюсь на капоте, чтобы посмотреть на неё. Она очень привлекательна, у неё светлые волосы, светлые голубые глаза, маленький нос кнопкой и высокие скулы. Я не понимаю, почему она не считает себя красивой.

Лия точно дала бы ей 9,5 по 10 бальной шкале. Я забираю у неё

почти догоревший косяк.

Легко затягиваюсь и понимаю, что не узнала никаких деталей о так называемом «клубе».

– Где это находится?

– Не могу тебе этого сказать.

– *Что?*

– Я не могу тебе этого сказать, – повторяет она. – Тебе надо позвонить и спросить самой.

– Ладно... Ты мне можешь хоть что-то рассказать?

– Неа.

Я закатываю глаза и смотрю на часы. Я просто поищу в интернете.

– Ты и в школе была сучкой, – говорит она, вздыхая. – Ты знаешь об

этом?

– Я училась в школе всего лишь пару месяцев в последнем классе. Мы были в одном классе?

– А то! – она хмурится. – Нам всем было жаль тебя, потому что мы знали, что случилось с твоей мамой, но...

А ещё, мы думали, ну, я думала, что ты королева сучек.

Я улыбнулась. Я хотела рассказать ей, что «Королева сучек» было моим прозвищем в моей старой школе, но сдержалась.

Она посмотрела на меня и засмеялась.

– Конечно, ты считаешь, что

это смешно. Я помню, как на третий день я спросила тебя, нужна ли тебе какая-то помощь. Ты помнишь, что ты мне ответила? Ты сказала: «Отъебись». Это было нечто.

– Мне жаль.

– Да, ладно. Если бы у меня умерла мама, мне бы тоже не хотелось, чтобы какой-то ботаник с косичками шатался вокруг меня.

– Скорее всего, нет, – вру я и снова ложусь на капот, выдыхая большое «О».

Когда последний косяк закончился, мы, лежа на капоте, смотрим в беззвездное небо. Сара поворачивается и смотрит на меня.

– Эмерланд, ты и твоя мама были близки?

– Я думала, что да, – в моей голове всплывает последнее письмо Лии. – Но в последнее время я начинаю в этом сомневаться.

– Я тебя понимаю. Моя мама умерла вчера, а я до сих пор не могу разобраться, какие у нас были отношения.

– Она умерла *вчера*? – я сажусь. – Тогда почему ты здесь со мной? Разве ты не должна быть со своей семьей?

– Я подумала, что лучшей компанией для меня, будет кто-то, такой же чокнутый, как и я...

– Я не чокнутая.

Она пожимает плечами и
смотрит в небо.

– Ага, ты самый собранный
человек, из всех кого я знаю.

Глава 5

По запросу «Феникс, Алабама», Гугл выдал мне подбор разных фотографий, наблюдений за птицами и ресторан, который находился в 320 километрах от моего дома. Тогда я решила добавить «мужской клуб» и «стриптиз», но ничего похожего о том, что говорила Сара, я не нашла.

Что было ещё интересней, так это то, что открыв список всех стриптиз клубов в штате, я не нашла никакого упоминания

о «Фениксе». Нигде.

Что-то явно было не так с этим клубом, и, если честно, я уже не была уверенна, что хочу знать, в чем тут было дело.

Я никогда не думала о Лии плохо из-за того, чем она занималась, чтобы содержать нас. Я так же знала, что если мне когда-нибудь придется этим заниматься, то я буду. Но судя по туманным разъяснениям Сары, я уже поняла, что «Феникс» не просто стриптиз клуб.

Она сказала, что всё, что она делает, так это раздевается, может, и я буду только раздеваться... Стоп, неужели я

*всерьез думаю о том, чтобы
заняться этим?*

– Может, присоединишься к
беседе, Эмерланд? – надоедливый
голос Тима прервал мои
размышления, и я вспомнила, что
мне еще оставалось 2 месяца до
окончания лечения.

– Неа.

– Ну же, давай, – настаивает он.
– Расскажи нам что-нибудь о себе.
Например, что ты обычно делаешь
дома или в какую страну ты бы
хотела поехать?

Я моргаю.

– Может, хотя бы попытаешься?

Я продолжаю молчать.

Сегодня я пришла рано - полила сотни цветов, вылизала всё здание от и до и приготовила всё в этой комнате для встречи. Это всё, что я обязана делать. Судебное постановление гласит, что я должна «посещать» собрания АА, там нет ничего об участии в беседах.

И я не собираюсь тут ничем делиться. Никогда.

— Ладно... — Тим вздыхает и начинает беседу с женщиной слева от меня. Мои мысли возвращаются к «Фениксу».

После собрания, закончив прибираться, я заезжаю на заброшенное футбольное поле, что

находится в трех кварталах от здания, где проходят встречи АА. Набрав побольше воздуха, набираю номер на визитке.

Трубку подняли после первого гудка.

– «Феникс», – только и сказал мне низкий мужской голос.

– Да, я... – я начала сомневаться. – Я хотела бы узнать, как мне проехать к клубу.

– Откуда вы едете?

– Блайт. Улица Фолсом.

– Вы потенциальный клиент? – ответил мне голос с секундной задержкой.

– Нет.

– Вы едете на сегодняшний мальчишник?

– Нет.

– Тогда зачем вам наш адрес? – голос стал резким, и я понимаю, что мужчина готов повесить трубку.

– Я ищу работу, – быстро говорю я.

– Возраст?

– Что?

– Сколько тебе лет?

– 21.

– Рост?

– Метр семьдесят.

– Цвет волос?

– Черный.

– Можешь сейчас приехать?

– Да, – я проверяю, сколько у меня бензина - пустой бак.

– Хорошо. Клуб находится в 100 км от Блайта. У тебя полтора часа, чтобы добраться сюда, – он диктует мне адрес и вешает трубку, не сказав больше ни слова.

Из-под сидения достаю свою последнюю заначку в 20 долларов и вспоминаю, что надо заехать в «Старбакс», чтобы забрать свои деньги.

Так как в Блайте всего три заправки, я выбираю заехать на самую дешевую. Останавливаюсь у колонки и жду, пока ко мне подойдет служащий. На заправках в Блайте,

так же как и в Нью-Джерси, нет самообслуживания. Но никто ко мне не подходит.

Я жду еще пару минут, все равно никого нет.

Я сигналию, как можно дольше.

В зеркало заднего вида я вижу, как полуголый мужчина направляется в мою сторону. Вместо того чтобы, сначала подойти к моему окну и взять деньги, он открывает бак моей машины и вставляет насос.

Меня нервирует его поведение, я опускаю стекло и обращаюсь к нему:

— Заправь только на 10\$, и не надо делать мне одолжений, чаевых

не будет.

Он поднимает голову и медленно снимает очки, на меня смотрят темно-голубые глаза.

Картер.

Какого хрена он тут делает?

Если бы не тот факт, что я тороплюсь, и не моё обещание не спать ни с кем в Блайте, я бы уже вышла из машины и пыталась соблазнить его ко всем чертям.

Прямо здесь.

Картер подходит к моему окну. Его брови подняты, и он мне улыбается.

— Тебе надо проверить тормоза.

— А тебе пора закончить

заливать мне бензин, – я протягиваю ему деньги. – Я не думала, что ты работаешь на *заправке*.

– Я тут не работаю, – отвечает он. – Я помогаю другу. И бензин за мой счет.

Я мельком смотрю на его вспотевшую грудь и снова ему в глаза.

– Подумай еще раз. Мне нужно 10 сдачи.

Он снова улыбается мне умопомрачительной улыбкой и отталкивает мою руку с деньгами.

– Тебя не было вчера в «Старбакс, – Картер немного приседает, чтобы его лицо было на

одном уровне с моим, и мой взгляд падает на его полные, красивые губы.

Он дотрагивается рукой до моего лица и гладит большим пальцем мою щеку. — Я заходил 3 раза... Ты уволилась или они, наконец, поняли какой из тебя хреновый работник и сами *увол*или тебя?

— Меня уволили.

— *Как неожиданно.* Твоя подруга передала тебе мою записку?

— Да.

— Ты умеешь *читать*?

— У тебя ужасный почерк.

Он ухмыляется и наклоняется еще ближе к моему лицу. Так близко, что теперь наши губы почти

соприкасаются.

– Мне придётся за тобой бегать, Эмерланд? – он делает ударение на каждом слоге моего имени. – А я буду.

Из-за того, что моё сердце стучит с бешеной скоростью, я не могу придумать, что бы такого остроумного сказать ему в ответ. И я уверена, что мои трусики мокрые только от одних его слов.

– Жду не дождусь, – говорит он мне и отходит от машины.

Он стряхивает шланг от насоса, перед тем как вынуть его из бака моей машины. Потом он стучит по багажнику, давая мне знать, что я

могу ехать.

Не задумываясь, жму на педаль газа, но все-таки бросаю на него взгляд в зеркало заднего вида. Картер улыбается, перед тем как одеть очки.

Черт...

Я гоню к окраинам Блайта, следуя схеме проезда, которую записала на обороте какого-то старого чека.

У меня вырывается стон, когда включив радио, я слышу музыку кантри. Я всё еще не привыкла к звонкому звучанию этой музыки. Сомневаюсь, что такое когда-нибудь произойдёт.

Пока я еду по шоссе, замечаю,

что по обеим сторонам дороги пусто - голые поля и маленькие деревянные домики, мелькающие очень редко.

Еду мимо стада коров, пасущихся на лугу. Когда я проезжаю совсем близко, одна из них поднимает голову и мычит.

Я сигналию и показываю средний палец.

Удовлетворенная тем, что показала, кто здесь хозяин, я выключаю радио, решаю слушать, как мои шины скользят по трассе. Даже *это* лучше, чем музыка кантри.

Ровно через час и двадцать минут, я оказываюсь перед огромным черным зданием. Здание скрыто за

заросшим оврагом и кирпичной стеной, увитой плющом.

Невидно никакого указателя или таблички с названием «Феникс», но это должен быть он.

Я уже решаю припарковать машину прямо перед зданием, так как не вижу ничего, напоминающего парковку, когда мне на встречу из здания выходит качек в сером костюме.

Он смотрит на машину в замешательстве, потом подходит к окну.

- Чем я могу вам помочь, *мисс*?
- Я приехала на собеседование.
- Собеседование? – у него

поднимаются брови. – У нас нет открытых вакансий.

– Что?

– Если вы ищете работу, там дальше по дороге налево, есть закусочная. Узнайте, может они ищут работников.

Я делаю вдох, чтобы не выйти из себя.

– Я приехала на чертово собеседование и не уеду, пока его не пройду. Примерно около часа назад, я договаривалась об этом по телефону с женщиной. Предлагаю вам выбрать одно из двух: или Вы связываетесь с тем мужчиной и узнаете, когда интервью, или Вы

находите кого-то, кто в курсе, что за хрень мужчина имел в виду, когда сказал мне приехать сюда! И я не двинусь с этого места, пока вы не выясните в чем дело.

Он моргает.

— Вы парковщик или мне просто оставить мою машину здесь? — я глушу мотор. — Я не дам вам чаевые.

Он начинает медленно улыбаться и достает телефон из своего кармана:

— Мистер Уотс? Да... У вас на сегодня назначено *собеседование*? Да? Ну, она только что приехала, — он делает паузу и делает шаг назад. — Зеленые. Её глаза темно-зеленого

цвета... Да... Нет... Да... Конечно, — он отключает телефон и открывает для меня дверь машины. — Оставь ключи в зажигании. Иди за мной.

Когда мы заходим в здание, я замечаю, что внутри это больше похоже на вестибюль дорогого отеля, чем на стриптиз-клуб. Честно говоря, это больше напоминает мне те отели, в которых Лия встречалась со своими клиентами: гладкие темно-серые стены, блестящие деревянные полы и картины, обрамленные хрусталем. То тут, то там расположены роскошные кушетки и диваны, которыми, судя по всему, редко пользуются.

— Мисс? — мужчина прочищает

горло и жестом указывает мне следовать за ним.

Он ведет меня по длинному коридору. Я слышу, как играет музыка, звуки которой доносятся, судя по всему, из помещения, расположенного под нами. Он стучит в дверь.

– Пусть проходит, – раздаётся голос из-за двери.

Мужчина открывает мне дверь, жестом предлагая войти. Дверь с шумом захлопывается за мной.

Делаю шаг вперед и начинаю рассматривать роскошный офис, игнорируя мужчину сидящего за столом.

– Ты девушка, которая звонила?
– не успеваю заметить, как мужчина уже стоит передо мной, заглядывая мне в глаза.

Ему примерно 20, у него красивые карие глаза, идеально уложенные светлые волосы и легкие морщинки от улыбки. Однако мне он не кажется привлекательным.

– Ага, это была я.

Он осматривает меня с ног до головы. Потом, улыбаясь, начинает обходить вокруг меня:

– Я мистер Уотс, но можешь называть меня Майкл. Присаживайся.

Я сажусь в кресло, наблюдая, как

он поправляет картину, перед тем как присесть напротив меня.

Майкл смотрит на меня какое-то время, постукивая пальцем по подбородку, не произнося при этом ни слова.

Вздыхая, достает две толстые сигары из маленькой деревянной шкатулки:

– Ты куришь?

– Стараюсь бросить.

– Достаточно честно, – он кивает и возвращает одну из сигар в коробку. – Я уверен, ты знаешь, что у нас тут за заведение и чем мы занимаемся, поэтому пропустим всё это дерьмо, и перейдем сразу к делу -

если я *решу* взять тебя на работу после прослушивания, я ожидаю от тебя сто десять процентов отдачи каждый рабочий день. Мне плевать, почему ты здесь, и на твою сопливую историю, которую ты будешь сочинять потом, тоже плевать. Это бизнес, и мои клиенты хотят видеть женщин, которым нравится то, чем они занимаются. Если ты относишься к тем женщинам, которые ноют каждый вечер, что им стыдно танцевать, убирайся на хрен из моего офиса сейчас же.

Я продолжаю сидеть, наблюдая, как он закуривает свою сигару.

– У нас есть несколько правил,

которые ты должна соблюдать, но я объясню их позже. У тебя есть какие-то вопросы?

— Почему вы прячете клуб?

— Прячем? — он морщит лоб. — Я полагаю, правильнее было бы сказать «не афишируем», наши клиенты знают, где искать наш клуб. Просто мы переехали год назад и сменили название.

— Почему?

— Какая любознательная. Нам понадобилось помещение побольше, мы решили поднять престиж нашего заведения, — отвечает Майкл, выдыхая дым от сигары.

Его объяснения очень расплывчаты, а

мне впервые в своей жизни было интересно узнать детали.

Как будто почувствовав мои сомнения, он наклоняется вперед.

— Ты можешь встать и уйти отсюда в любой момент. Последнее, что мне нужно, это неуверенная в себе женщина. Нам в «Фениксе» не нужны ненадежные женщины. Им тут не место.

— Я остаюсь.

— Я заметил. У тебя есть еще вопросы, до того, как мы перейдем к официальной части собеседования?

Отрицательно качаю головой.

— Хорошо, — Майкл откидывается назад и опускает

сигару, медленно выдыхая спиралями дым. — Покажи мне свои сиськи.

— Что?

— Покажи. Мне. Свои. Сиськи.

Я чувствую, как краснею.

— Прямо сейчас?

— Да. Сейчас, — он смотрит на мою грудь. — Ты думаешь, я разрешу тебе выйти на сцену, чтобы ты танцевала перед клиентами, не будучи уверенным, что тебе есть, что показать? Снимай рубашку.

Я сглатываю. Расстегиваю рубашку, затем расстегиваю свой лифчик третьего размера. Я ерзаю на стуле, и, глядя ему в глаза, понимаю, что он смотрит на меня так, будто не

может отвести взгляд.

— Встань и подойди к книжному шкафу, — говорит он мне.

Я делаю, как он сказал, продолжая смотреть ему в глаза.

— Брюки... — его голос охрип. — Сними брюки.

Расстегиваю джинсы, понимая, что он следит за каждым моим движением. Я медленно тяну молнию вниз и спускаю штаны. На мне остались только подвеска в виде сердечка и черные кружевные танга.

Он встает и подходит ко мне, медленно обходит вокруг меня. Вздыхая, Майкл нежно касается меня, обводя контуры татуировки,

которую я сделала на левом плече.

– Тебе придется это прикрыть,
– шепчет он мне, трогая мою шею
сзади, где у меня вторая татуировка.
– И это тоже...

Я киваю, а он гладит меня по
волосам.

– Я не беру на работу нервных
девчонок, *Эмерланд*...

Я застываю. Я не называла ему
своего имени. Уже хочу повернуться
к нему лицом и спросить, откуда он
знает моё имя, но он обнимает меня
за талию, не давая мне этого сделать.

– Мы пробили номер твоей
машины, как только ты подъехала к

зданию, – свободной рукой он всё ещё гладит мои волосы. – Все, что тут происходит, остается в этих же стенах. Это понятно?

Я киваю, но он поворачивает меня лицом к себе.

– Я хочу, чтобы ты сказала это вслух.

– Я поняла.

– Хорошо. Одевайся, – Майкл прочищает горло и снова наблюдает за мной. Когда я застегиваю рубашку, он берет меня за подбородок и смотрит в глаза.

– Ты умеешь танцевать?

– Да, – вру я.

– На 15-сантиметровых

каблуках?

– Да.

– Хорошо. У тебя две недели, чтобы смотреть и тренироваться, затем будет прослушивание. Потом, ты сама по себе. Первые три правила очень легкие:

- Правило номер один: не трахаться с клиентами.

- Правило номер два: не трахаться с клиентами.

- Правило номер три...

– Не трахаться с клиентами?

– Нет. Если нарушаешь первые два правила, я не несу никакой ответственности. Понятно?

– Понятно.

– Как ты хочешь, чтобы тебя здесь называли?

– Что значит *называли*?

Он улыбается.

– Тут никто не пользуется своим настоящим именем. Большинство наших клиентов – это бизнесмены и управляющие крупных компаний из больших городов, но иногда, бывает, появляется пара местных клиентов. Мы не заинтересованы, чтобы кто-то узнал кто ты такая и каково твоё настоящее имя. Если пройдя прослушивание, ты согласишься здесь работать, единственный раз, когда нам понадобится твоё настоящее имя,

будет день, когда ты принесешь свои права и карточку соцстрахования.

— Означает ли это, что я на стажировке?

— Нет, — решительно отвечает он. — Это означает, что тебе пора осмотреться.

Майкл обнимает меня за талию, и мы идем по другому коридору, через узкую металлическую дверь. За дверью две маленькие лестничные площадки, музыка становится всё громче и громче. Когда мы подходим к фиолетовым занавесам, я чувствую запах сигарет и пота.

— Не отходи от меня, —

приказывает он мне и подталкивает в темную комнату. – Я хочу, чтобы ты ушла сразу, как только почувствуешь себя некомфортно.

Из-за дыма и темноты, требуется несколько секунд, чтобы мои глаза приспособились. Когда это происходит, мне приходится ущипнуть себя, чтобы убедиться, что все происходящее реально.

В помещении расположены пять пьедесталов с шестами. Тот, что находится посередине, немного выше, чем остальные. Это явно главная сцена. На каждой платформе танцует полуголая девушка, одетая только в кружевные трусики. Они

уверенно крутятся на шесте.

— Для начала, мы пройдем к более «привычным» вещам... — Майкл показывает мне на тускло освещенный коридор. По каждую сторону располагаются двери, все окошки которых покрашены.

Несмотря на условную приватность, я уверена, что стоны, которые я слышала, исходили из-за двери. И они звучали достаточно проникновенно.

— Мы здесь воплощаем фантазии наших клиентов, — спокойно говорит Майкл. — Мужчина разводится с женой и хочет вернуть свои веселые холостяцкие деньки?

Ладно. Кто-то заводится, когда его связывают и наказывают? Сделано. И если кто-то из девочек нарушает первые два правила, чтобы заработать вдвое больше того, чем получает на сцене...

Он не заканчивает фразу. Просто выводит меня обратно в центральную комнату, где уже танцуют другие девочки. Когда я решила заехать в стриптиз клуб днем, я думала, тут никого не будет. Я ошибалась. Очень ошибалась. Тут находились пару посетителей в дизайнерских костюмах. Они сидели, развалившись в кабинках, расположенных вдоль стен.

Некоторые из них возвращались из частных комнат.

— Привет, Майк, — перед нами появляется женщина и протягивает поднос с рюмками. — Твоей новой подружке тут нравится? Может ей налить? — она ухмыляется. Тут я понимаю, что на ней нет ничего, кроме кружевных белых трусиков и стикеров на сосках.

Я ей не отвечаю. Продолжаю разглядывать помещение, наблюдая, как женщины грациозно извиваются вокруг шестов и заставляют мужчин изгибаться и терять контроль из-за того, что они вытворяют. Неожиданно, один из мужчин,

сидящий у центральной сцены встает, и направляясь к девушке, достает кошелек из нагрудного кармана. Танцовщица обвивает ногами шест и откидывается назад, теперь он стоит прямо над ней. У меня не стопроцентное зрение, но я почти уверена, что он засовывает двухсот долларовую купюру ей в рот. Удерживаясь на шесте всего лишь ногами, девушка протягивает руки к образовавшемуся бугру у него в штанах и поглаживает его.

— Ты можешь их трогать, но они не имеют права трогать тебя, — объясняет мне девушка с подносом, потом шепчет на ухо. — Только если

ты сама не захочешь... За это, они платят намного больше.

Тяжело сглатывая, я отвожу взгляд. Смотрю на дверь справа от меня. Полутолая женщина и мужчина в костюме, обнимаясь, проходят через дверь, и он точно *трогает* ее, *целует* ее. Я уверена, когда дверь за ними закроется, там будет иметь место не только приватный танец.

У меня куча вопросов к Майклу, и самый очевидный: «И что из происходящего тут легально?», но я не хочу давать ему повод считать, будто я передумала.

После того как мы наблюдаем, как женщина легким движением

спрыгивает с шеста, Майкл ведет меня к бару, который тянется во всю заднюю стенку.

За баром стоят девушки в сверкающих лифчиках золотого цвета и обрезанных черных шортах, через которые, при малюсеньком натяжении можно разглядеть их бельё. За их спинами находится огромная стеклянная стена с подсветкой, на которой можно найти любой вид алкоголя.

Мой рот наполнился слюной при одном взгляде на это разнообразие. Давненько я и капли в рот не брала. Я спокойно смогу доехать домой после одной рюмки.

– По номерам твоей машины мы пробили не только твоё имя, но и заключение суда о твоём лечении и клубе АА, – Майкл протягивает мне бутылку воды. – Тебе запрещено пить. У меня хватает проблем с законом.

Я вздыхаю.

– Если хоть одна камера, – говорит он, указывая на черные камеры, что висят на потолке. – Или хоть один из охранников скажут, что ты всего лишь посмотрела в сторону бара, я сам лично сдам тебя в участок. Тебе ясно?

– Ясно, – я открываю бутылку и пью, как можно больше воды.

После того, как Майкл бросает взгляд на часы, мы быстро проходим мимо кабинки диджея в сторону комнат для приватного танца и специальных банкетных залов для вечеринок «выпускников», в которых есть свои шесты. Майкл рассказывает мне о «Фениксе», пока ведет обратно вверх, но я понимаю лишь часть из того, что он говорит.

Я и до этого бывала в стриптиз клубах, пару раз с Лией и один раз в колледже с Паркером. Но «Феникс» не похож на стриптиз клуб. Это хуй его знает что такое.

Моя машина стояла на том же месте, где я её и оставила, но когда

черный «Ягуар» паркуется позади моей машины, мне почему-то становится стыдно, будто я не в своей тарелке.

— На будущее, — говорит Майкл, открывая дверь моей машины. — Парковка для работников расположена прямо за черными воротами.

Кивая, сажусь в машину, поворачивая ключ в зажигании.

— Сколько времени у меня есть, чтобы дать ответ?

— Приезжай в пятницу, в пять часов, — говорит он, отходя от машины.

Я уезжаю, полностью

ошеломленная тем, что только что увидела. Совершенно не замечаю ни скучных пейзажей, ни полей, ни стадо коров, перекрывающее мне дорогу, пока я еду домой. Всё о чём я думаю, так это о «Фениксе» и о том, стоит ли мне рассмотреть эту возможность или нет.

Глава 6

Три дня. Три дня, чтобы принять решение насчет «Феникса», а я сижу в книжном магазине и мечтаю о вещах, которые никогда не произойдут.

На протяжении последних шести месяцев я прихожу сюда сразу же, после открытия.

Я сажусь на своё излюбленное место, сзади у окна, и открываю свой ноутбук. Слова моей очередной истории так и льются. Каждый раз,

когда я прихожу, убеждаю себя, что вот оно, самое главное моё произведение. Именно о нём пойдет речь, когда мне будут звонить издатели из Нью-Йорка и умолять подписать с ними контракт. Но я прекрасно понимаю, что этого никогда не случится.

— Всё еще работаешь над своей книгой? — бариста приносит мне кофе и ставит на столик.

— Ага.

— Ты на обеде? Обычно тебя здесь после обеда не бывает.

— Сейчас у меня нет работы. Я безработная.

— А... — он проводит рукой по

волосам. — Знаешь, у нас есть открытые вакансии. Менеджеры достаточно снисходительные, и скорей всего, если мало посетителей, они разрешат тебе писать книгу, особенно если ты будешь работать в книжном отделе.

Я улыбаюсь, думая, что *вот* где я должна работать, а не в прокуренном и потном стриптиз клубе.

— Здесь есть свои плюсы, — продолжает он, присаживаясь. — Можешь брать бесплатно по 2 книги в месяц и бесплатный кофе во время работы. И, конечно же, ты можешь прочитать книжные новинки задолго до того, как они появятся в продаже.

– Это на полную ставку?

– Если ты хочешь, – кивает он.

– Сколько платят? Если, конечно, это не секрет?

– Конечно, нет, – он улыбается и скрещивает руки. – Довольно неплохо. Восемь с половиной в час.

Он только что сказал 8,5? 8 долларов и пятьдесят центов в час?!

– Ну, что скажешь? – он улыбается. – Неплохо, да?

Ага... Вот тебе и «подумала» о работе в «Фениксе».

– Ага, звучит замечательно. Я заполню анкету, когда буду уходить.

Он встает и уходит.

Оборачиваясь, он улыбается мне и выглядит очень довольным.

Закрываю свой ноутбук и достаю записную книжку, чтобы сделать несколько заметок: *Как, к чертовой матери, мне удастся скрыть от Вирджинии и Генри то, чем я буду заниматься в «Фениксе»? Стоит ли это того? Они что, действительно считают, что я научусь танцевать стриптиз за 2 недели? Какого хрена я соврала, что умею танцевать? Я всего лишь три семестра ходила на балет в старшей школе и то, у меня не очень получалось...*

Когда количество моих вопросов

ДОХОДИТ ДО ДВАДЦАТИ, Я
ОСТАНАВЛИВАЮСЬ.

На половину вопросов я так и
не узнаю ответа, если не соглашусь
работать в «Фениксе»...

Глава 7

Сегодня пятница.
Половина пятого вечера.

Я заезжаю на парковку «Феникса», и снова объясняю охраннику, что я тут делаю.

Он ждет, пока я припаркую машину, и провожает внутрь. Я его как будто раздражаю, он велит дожидаться какого-то Робина, а сам исчезает.

Некоторое время стою в пустом вестибюле, то и дело, поглядывая на часы, надеясь, что

Майкл не подумает, будто я отказалась от работы, потому что этот Робин опаздывает. И когда я уже решаю пойти и самой найти офис Майкла, напротив меня появляется женщина в облегающем белом платье. Она

умопомрачительно красива: её кожа цвета карамели, а глаза приятная смесь светло-коричневого и зелёного.

— Ты новенькая, правильно? — спрашивает она, но не дает мне времени, чтобы ответить. — Следуй за мной и слушай меня внимательно, я не повторяю одно и то же дважды, —

она ведет меня вдоль по коридору к маленькому лифту.

Лифт поднимается вверх.

— У нас тут немного не хватает персонала, поэтому твоё прослушивание перенесли на следующую пятницу.

— Что? Я думала, у меня есть две недели...

— Ты попала. На прослушивании тебе не придется танцевать у шеста, скорее всего, ты всё равно на нем не удержишься. Этому мы тебя потом научим. Наверно, ты будешь пока только разносить напитки, но пить тебе запрещено. Я уже знаю, что у тебя

проблемы с алкоголем, — она закатила глаза, — но на прослушивании тебе придется танцевать стриптиз, а именно, приватный танец на коленях. Нам сегодня поступил заказ о незапланированном мальчишнике, поэтому либо ты соглашаешься на прослушивание на следующей неделе, либо уходишь. Что выбираешь?

— Я остаюсь.

— Хорошо, — Робин показывает мне шикарную комнату, в которой расположены вельветовые кушетки и плюсовые диваны. Тут так же находится маленькая сцена с шестом,

расположенная в нескольких метрах от пола, неподалеку от мини бара с закусками.

Она щелкает выключателями на стене и свет в комнате приглушается. Начинает играть медленная музыка. Она плюхается на кушетку прямо напротив меня.

— Ладно, — она вздыхает. — Покажи мне, что ты умеешь.

— Что?

— Танцуй.

— Сейчас?

— Нет. Завтра, — Робин закатывает глаза.

Не двигаюсь, я совершенно не уверена, что должна делать. Я

никогда ни перед кем не танцевала.

— Представь, что я какой-то биржевой маклер, у которого жена уехала в командировку. Мне отчаянно хочется, чтобы у меня на коленях посидела какая-то красивая девушка. В моём нагрудном кармане сотни долларов, и ты хочешь, чтобы они все стали твоими. Танцуй.

Робин расставляет широко ноги, делая вид, что она мужчина, и откидывается назад. Её губы вытянуты в линию, как будто у меня ровно пару секунд, прежде чем она скажет мне убираться отсюда.

— Я думала, меня будут учить танцевать, — я сглатываю.

- Я уже учу тебя! Танцуй!

Все еще не уверенна, что именно надо делать, я глубоко вдыхаю и начинаю двигать бедрами, смотря ей в глаза.

На моём лице моё самое лучшее выражение: «Я знаю, как ты хочешь трахнуть меня» которое я репетировала годами. Это пока всё, что приходит мне в голову.

Я делаю шаг вперед, покачиваю бедрами и неловко пытаюсь двигать руками в такт музыке. Вспомнив, что должна раздеваться; я снимаю рубашку через голову и швыряю её в другой конец комнаты.

Я пробую воспроизвести

несколько движений, которые выучила на балете в старшей школе. Я становлюсь в пятую позицию и грациозно вытягиваю руки. Я уже хочу расстегнуть молнию на своей юбке, когда Робин поднимает руки и велит мне остановиться.

— Ты что действительно думаешь, что кто-то будет *платить*, чтобы посмотреть на *это*?

— Я не умею танцевать, — вздыхаю я.

— Это и ежу понятно! — она качает головой и встает. — Садись! Позволь мне показать, как это делается.

Я плюхаюсь на стул.

– Ладно, – она снова включает музыку. – Это не балет на Бродвее. Мужчинам наплевать, как *хорошо* ты умеешь танцевать. Они просто хотят, чтобы их соблазнили.

Робин смотрит на меня взглядом: «Я знаю, ты меня хочешь» и грациозно скидывает своё платье: стягивает его через голову и оно соскальзывает на пол.

На ней прозрачный красный лифчик и кружевные трусики. Только сейчас я замечаю её туфли, серебряные, шпилька минимум 17-18 сантиметров. Она подходит ко мне, садится мне на колени и запускает свои пальцы в мои волосы. Робин

откидывает назад свою голову, медленно покачивая своими длинными волосами, и начинает тереться своими бедрами о мои.

Она кладет свою руку мне на грудь и шепчет на ухо:

— Скажи, как сильно ты хочешь меня трахнуть.

— Что? — я, конечно, возбуждалась, но не настолько.

— Ты должна переходить сразу к делу, — она берет мои руки и опускает к себе на спину, прямо на застежку её лифчика. — Расстегни его.

Большим пальцем я расстегиваю её лифчик, затем она, почти касаясь

моих губ, говорит:

– Ты разрешишь мне быть твоей шлюшкой? – спрашивает она. – Ты трахнешь меня прямо здесь? Прямо сейчас? – она гладит мои плечи и качает своими бедрами, как будто мы уже занимаемся сексом. Она смотрит мне прямо в глаза и продолжает покачивать бедрами. – «Отвечай мне!» - требует Робин...

У меня нет слов. Музыка становится всё тише, и на финальном аккорде, Робин целует меня в шею. Она слезает с моих колен и встает передо мной, как будто то, что она делала до этого, было настолько

обычным, словно посуду помыть.

— Видишь? — она пожимает плечами. — Это не так уж и сложно. Я всегда заканчиваю свой танец поцелуем в шею. Это придает танцу больше чувственности, но тебе не обязательно делать то же самое. Со временем, ты найдешь способ, как растянуть танец как можно дольше, ну, если когда-нибудь кто-то закажет тебе приватный танец.

— А сколько он обычно длится?

— Ну, об этом ты узнаешь, *когда* научишься танцевать, — Робин тянет меня за руку, заставляя подняться со стула, садится на моё место и отдает мне свои туфли. — Я покажу тебе

пару основных движений, и ты будешь тренироваться. Будем учить тебя потихоньку. Сделай шаг назад и расстегни лифчик...

Несколькими часами позже я поняла две вещи:

1) из меня хреновая танцовщица;

2) грязные словечки - прямо — таки недооцененное искусство.

— Ты неплохо справилась для первого раза, учитывая то, что ты дерьмовая танцовщица, — Робин показывает мне примерную. — Никогда не уходи с работы сама, всегда проси кого-нибудь из охранников провести тебя к машине.

Если тебе кажется, что кто-то следует за тобой, разворачивайся и возвращайся в клуб. Майкл никогда не допустит, чтобы нас запугивали. Он сам позвонит в полицию.

Я киваю.

– Пусть это слишком рано, но тебе уже надо придумать себе два имени. Первое, для выступлений, второе, для клиентов, которые будут спрашивать твоё настоящее имя. Есть идеи?

– Кармен?

– Кармен? – Робин цокает языком. – Черт, нет. Я сейчас что-нибудь придумаю. В любом случае, когда ты приходишь на работу, ты

первым делом идёшь сюда. Расписание вечеринок всегда весит рядом с зеркалами. При любых незапланированных изменениях, кто-нибудь напишет тебе сообщение. Есть вопросы?

— Сколько часов я могу работать в неделю?

— Легально? — она улыбается и меняет тему. — У тебя очень красивые волосы. Такой редкий иссиня-черный. Это твой натуральный цвет волос?

— Да.

Она запускает свои пальцы в мои волосы.

— Твоё сценическое имя будет

Рэйвен (с англ. Ворона), а твоё *настоящее* имя будет...

Она задумывается.

– Отем. У меня фальшивые права на это имя.

– Мне нравится! Ты живешь одна, Отем?

– Нет. Я живу с бабушкой и дедушкой.

– Я уверена, они будут очень горды тем, где ты будешь работать, – Робин улыбается. – Разве они не будут возражать, что ты будешь возвращаться так поздно с работы?

– Мне 21, а не 15, – отвечаю я, прекрасно зная, что Вирджиния и Генри редко задают вопросы о моей

работе; они обычно рады, что я вообще работаю.

– Судя по всему, тебе придется многому научиться... – она смеется. – До пятницы приезжай *каждый день*, чтобы выучить как можно больше.

– Мне заплатят за эту неделю?

– Тебе не будут платить, пока ты не научишься все делать как надо! – Робин подталкивает меня к боковому выходу из гримерки. – Сядь в зале и смотри, как я работаю. Я официально твой новый пример для подражания.

Вздыхая, выхожу из гримерки, ища место, чтобы сесть. Я единственная девушка в зале, у

которой нет подноса в руках, и которая не танцует. Мужчины смотрят на меня с подозрением – наверное, гадая, почему я полностью одета.

Присаживаюсь на пустой диванчик, наблюдая, как свет в помещении меняется с тусклого желтого на провокационный красный.

– Джентльмены, – раздаётся голос в динамиках. – Представляю вам главную леди сегодняшнего вечера... Робин.

Раздаются громкие аплодисменты. Робин медленно разворачивается к зрителям, и ведет

себя так, будто это место принадлежит ей. Она смотрит в глаза сидящему в первом ряду мужчине. С каждым третьим ударом басов она расстегивает по еще одной пуговице своего коричневого плаща.

Очень медленно, дразнящими движениями, Робин разделась: скинула подвязки, потом длинные обтягивающие белые чулки и, наконец, свой лифчик.

Она закидывает одну ногу на шест и подтягивается на нем, проделывая все те основные движения, которые она показывала мне недавно, так сексуально и эротично, что сцену забрасывают

купюрами, а Робин ещё и половины танца не исполнила.

Завидуя, весь вечер я наблюдаю, как она и остальные девочки танцуют, будто не прикладывая особых усилий. Я вижу, как они зарабатывают сотни долларов.

В перерывах между выступлениями, проскальзываю в один из банкетных залов и наблюдаю, как правильно подается танец на коленях — замечаю, как все девочки выглядят уверенно и явно увлечены тем, что делают.

Ежедневно я езжу в клуб, позволяя Робин критиковать каждое мое движение, соблазнять меня

бессчётное количество раз, чтобы узнать, что же я делаю не так...

В пятницу мои нервы на пределе.

Если моё выступление будет хуже некуда, некому будет остановить музыку и дать мне совет. Я буду танцевать перед клиентами, которые придут, посмотреть на выступление профессиональной танцовщицы, я же понятия не имею, что мне делать. Я приезжаю в клуб, быстро прохожу в гримерку и переодеваюсь в очень короткое красное платье - оно плотно облегает

меня и доходит до середины бедер. Бретелька только на одно плечо, одного цвета с моим черно-карамельным лифчиком.

— Ну, как я выгляжу? — Подходя к Робин, спрашиваю я.

— Идеально. Я, ты и Аврил разносим напитки и исполняем танец на коленях. Майя танцует на сцене, а Сноу и Белла за главных, если будет ажиотаж. Все ясно?

Никто из девочек кроме Робин, ни разу не заговорил со мной за всю неделю, и я понятия не имею, что это значит, но я все равно киваю.

— Майкл будет наблюдать за твоим выступлением из кабинета.

Помни то, чему я тебя учила. Всегда смотри в глаза, у тебя уже довольно хорошо получается танцевать на каблуках. Если тебе закажут приватный танец, постарайся свести танцы к минимуму и веди себя так, будто занимаешься с ними сексом, у тебя это хорошо получается.

— Вечеринка начинается, — сообщает мужской голос сверху. — Оплата почасовая, так что пошевеливайтесь.

Девочки торопились пройти наверх, и я последовала за ними.

Помещение для частных вечеринок выглядит по-другому: свет настолько приглушен, что я еле могу

разглядеть, сколько мужчин в комнате; в воздухе привкус сигаретного дыма.

Внезапно, маленькую сцену озаряет слабый желтый свет прожектора, и танцовщица подходит к шесту. Она медленно поднимает руку, чтобы распустить свои волосы.

Её движения гипнотизируют меня: с огромной уверенностью, она прогибается назад, пока её голова не касается пола и, с легкостью закинув ноги, оказывается на шесте. Так же легко и медленно она начинает кружиться вокруг него.

У меня так никогда не получится, — думаю я.

Я слышу, как один из мужчин просит сигару. Чтобы не стоять без дела, я подхожу к коробке с сигарами и борюсь с желанием прикурить. Я не успеваю взять в руки сигару, как кто-то дотрагивается до моего плеча.

— Да? — отвечаю я, поворачиваясь.

— Новичкам везет, — Робин улыбается мне и забирает шкатулку с сигарами. — Тебе заказали приватный танец. Он сидит в левом углу. Голубая кушетка.

— Уже?

— Давай, — она подталкивает меня, и я чуть не падаю.

Дым в помещении стал

намного плотнее, а освещение стало тускло-красного цвета. Девочки кружат вокруг мужчин. Главный парень вечера, жених, находится на сцене и ему танцуют показательный приватный танец на коленях.

Пока я иду, несколько уже подвыпивших мужчин просовывают мне купюры в мои подвязки, говоря, как сексуально я выгляжу.

Подхожу к кушетке в углу, и вижу, что там никого нет. Думая, что Робин ошиблась, иду к кушетке в правом углу, но там тоже никого нет.

Я улыбаюсь, меня пугает перспектива моего первого танца, поэтому я радуюсь, что не буду

танцевать прямо сейчас. Тут кто-то неожиданно хватает меня за руку. Рука явно мужская: сильная и теплая. Меня тянут к левому углу и пустой кушетке.

Мужчина отпускает мою руку и медленно поворачивается ко мне лицом. Он улыбается мне, заставляющей замирать сердце, улыбкой, и я теряю от нее дар речи.

Картер?

В моей памяти мелькают картинки с заправки, когда струйки пота стекали по его голой груди. Сейчас он выглядит ещё сексуальнее. На нем обычная майка с V-образным вырезом и джинсы. А его волосы

выглядят так, как будто он только что встал с постели и забыл причесаться.

Он откидывается на кушетке, вопросительно приподнимая бровь. Я просто стою и смотрю на него.

– Может, станцуешь для меня, *Рэйвен*? – спрашивает он, ухмыляясь.

– Ты платишь?

– Конечно, – он явно издевается. – *Двойную* цену.

Я прикрываю глаза и представляю, что это просто репетиция с Робин. Я стараюсь забыть, что мы находимся в помещении с другими людьми и смотрю прямо в глаза Картеру. Мои бедра двигаются в темп медленной

музыке, льющейся из динамиков. Облизываю свою нижнюю губу.

Я встаю между его ног и медленно стягиваю с себя платье. Мне интересно, почему он продолжает смотреть мне в глаза, вместо того, чтобы рассматривать мое тело. Медленно поглаживаю свою талию и поднимаю руки к груди, сжимая её, и снова покусываю губу. Картер не отрываясь смотрит мне в глаза, его глаза сверкают. Его поведение сбивает меня с толку. Я наклоняюсь к нему и сажусь ему на колени.

Я жду, что он скажет что-то вроде того, что я слышала, когда

наблюдала за девочками всю эту неделю: «О, да...» или «Да, детка». Но он молчит.

– Тебе нравится? – шепотом спрашиваю я его.

Картер продолжает молчать.

Я чувствую, как он возбудился и стараюсь не выдать своей реакции. Мне не обязательно смотреть вниз, чтобы понять, какие у него внушительные размеры. Я опускаю руку между нами и поглаживаю его рукой. Как же мне хочется, чтобы на нем не было штанов.

Картер продолжает смотреть мне в глаза. Я убираю руку и начинаю тереться об него, чувствуя,

как он возбуждается еще больше.

Боже мой...

Наклоняюсь к нему и шепчу в миллиметре от его губ, не в состоянии заставить себя отвести взгляд.

— Как сильно ты хочешь меня трахнуть?

Он улыбается, но вместо ответа обнимает меня за талию и гладит руками.

Когда его руки находят застёжку моего лифчика, я чувствую, как мне не хватает воздуха. Картер что-то шепчет мне на ухо, удерживая одной рукой меня за бердо, просовывает свой большой палец

другой руки под застёжку моего лифчика.

Несмотря на то, что мне нравятся его прикосновения, я не хочу, чтобы меня неправильно поняли другие клиенты, поэтому убираю его руки.

Я уже готова расстегнуть лифчик, но он снимает меня с колен и встает. Он достает из кармана купюры по 50 долларов и засовывает их мне под правую бретельку лифчика.

— Большое тебе спасибо, *Рэйвен*, — прежде чем уйти, он оглядывает меня с головы до ног.

Какого хрена?! — думаю я.

Еще несколько секунд я стою, не двигаясь, пытаюсь осознать, что только что произошло. Всё еще в замешательстве, я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, куда он ушел, но прежде чем делаю шаг за ним, передо мной появляется Робин.

— Неплохо, — смеется она. — Только что, тебе заказали еще один приватный танец. Кушетка в горошек, что находится напротив.

— Я ещё не закончила с этим парнем. Мне нужно знать, почему он встал и ушел до того, как я разделась.

— *Что?*

— Я не закончила с моим клиентом. Мне нужно у него кое-что

спросить.

– Было похоже но то, что ему не понравилось? – спросила она, скрещивая руки.

– Нет, я думаю, ему понравилось.

– Он заплатил тебе?

– Ага.

– Тогда ты закончила. Кушетка в горошек, напротив нас. *Сейчас же.*

Я не спору. Направляюсь к новому клиенту, оставив платье лежать на полу, стараясь не показать своего разочарования.

Мой клиент оказался отцом жениха. Об этом говорил его галстук и то, что на нем не было

обручального кольца. На нем костюм от Карла Лагерфельда, что доказывает его состоятельность. А еще он ведет себя так, будто слишком хорош, чтобы находиться тут, как будто он на голову выше всех находящихся в этом зале.

— Вы готовы? — я улыбаюсь ему, становясь перед ним.

— Очень даже, — отвечает он, опуская свой бокал на столик.

Я запускаю руку в свои волосы, делая вид, что расчесываю их, и медленно качаю бедрами. Как только понимаю, что он весь внимание, я делаю шаг к нему и глажу себя руками, наблюдая, как его взгляд

следует за моими движениями. Я очень медленно сажусь ему на колени, обвиваю его шею своими руками и начинаю медленно качать бедрами.

— Как сильно ты хочешь меня трахнуть? — шепчу я ему.

Он хрипит в ответ.

— Как сильно? — повторяю я игривым голосом.

Он снова хрипит в ответ, и я чувствую сквозь штаны, как он возбуждается.

— Очень сильно... Я хочу оттрахать тебя в задницу.

Я заставляю себя не отвести взгляд, и продолжаю тереться об

него. Запускаю свою руку в его волосы и спрашиваю, нравится ли ему. Он хватает меня за бедра. Мне больно.

— Сколько ты хочешь за то, чтобы я трахнул тебя в задницу? — я вижу, как по нему течет пот. — Я готов поспорить, что она упругая и узкая...

Я улыбаюсь, стараясь сфокусироваться на танце, игнорируя его вопросы.

— Сколько? — он повторяет свой вопрос, и, судя по его взгляду, он готов кончить в штаны прямо сейчас.

— Я не продаюсь, малыш, — шепчу я ему ответ, которому меня

научила Робин. Она говорит, что ласковое обращение, немного смягчает их реакцию на отказ, когда они делают такие вызывающие предложения.

– Малышка, я могу тебе дать всё, что ты захочешь, – умоляет он. – Все, что ты захочешь...

– Ммм, – я делаю еще несколько движений и прижимаю свои губы к его горлу, когда песня подходит к концу.

Он кончает, и я позволяю ему сжать мою талию руками.

– Черт... – его дыхание прерывисто. – Если ты разрешить мне делать с тобой всё, что я захочу,

это будет того стоить... Я могу увезти тебя отсюда и тебе больше никогда не придётся танцевать, чтобы заработать денег.

Я соскальзываю с его колен, поправляю лифчик и стараюсь не смеяться. Робин говорила, что некоторые мужчины будут пытаться играть в игру «Спаси шалаву», обещать увезти и предлагать работу, как будто этим они спасут нас от этого греховного мира, от которого нас якобы надо спасать.

— Все хорошо, малыш, — я целую его в шею. — Ты хочешь еще один танец или ты уже закончил со мной? — я оттягиваю чашечку моего

лифчика, молча указывая, куда положить деньги.

Он вздыхает, глядя мне в глаза, и достает свой бумажник. Поглаживая мое бедро, он засовывает деньги за тесьму моих трусиков.

— Я оставлю тебе свою визитку, Красотка, — говорит он, вставая. — Если ты вдруг изменишь своё решение... А скорее всего, ты так и сделаешь, я вижу это по твоим глазам... — он улыбается. — Как тебя зовут?

— Рэйвен.

— Мило. Но как твоё настоящее имя? — он наклоняется ко мне и шепчет, — я никому не скажу.

Я делаю вид, что колеблюсь и хмурюсь.

— Отем, — отвечаю я со вздохом.

— Я так и думал. Надеюсь, ты свяжешься со мной, Отем, — он бросает на меня последний взгляд и идет к своему сыну, который все еще находится на сцене.

— Я впечатлен, — говорит Майкл, с ухмылкой подталкивая меня в угол.

Сегодня он не похож на владельца клуба: на нем тенниска и джинсы. Он выглядит намного моложе.

— Слабачки сдаются сразу после первого танца, — говорит он. — Обычно мне приходится вылавливать

их на парковке.

– Я не слабачка.

– Это уже и так ясно, – он снова улыбается. – Тебе нужно подучиться танцевать, но думаю, ты нам подходишь. Приходи завтра за расписанием и начнешь учиться танцевать на шесте. Занятия на шесте намного важнее. Если ты научишься танцевать у шеста, это обеспечит тебе основной заработок. У меня такое предчувствие, что ты будешь пользоваться спросом, – он дотрагивается пальцами до бретельки моего лифчика. – Можешь идти домой.

– *Что?* Это все на сегодня?

– Да, – он подает кому-то знак, и около него появляется один из охранников клуба. – Проводи Рэйвен до её машины. Она вернется завтра.

– Да, сэр, – охранник кивает и жестом указывает мне идти вперед.

Разочарованно оглядываю комнату через плечо, другие девочки продолжают танцевать и зарабатывать деньги.

Пока мы идем в примерку, чтобы я переоделась, я понимаю, что сегодняшний вечер не был таким уж плохим, каким я его себе представляла. И хотя я рада, что меня взяли на работу, я немного расстроена.

Во-первых, там, наверху, кто-то еще мог бы заказать мне приватный танец, и я бы заработала еще больше. Во-вторых, мне очень хочется знать, почему Картер ушел до того, как я закончила танцевать.

Я действительно расстроена его уходом. От меня еще никто так не уходил, особенно, когда я была почти раздета.

И то, как он на меня смотрел... Он явно был возбужден... Ничего не понимаю...

— Рэйвен? — охранник прокашлялся, чтобы напомнить о себе.

– Да?

– Ты будешь садиться в машину?

– Что? – я настолько задумалась, что не заметила, как мы оказались на парковке, и он открыл водительскую дверь для меня. – Извини...

Сажусь в машину и жду, пока он закроет ее.

Охранник обходит мою машину и становится позади неё, проверяя, чтобы за мной никто не поехал.

Я завожу мотор, но перед тем как отъехать, пересчитываю деньги: четыреста долларов. *Четыре. Сотни. Долларов.*

На хуй мне другая работа?

У меня появилось новое
призвание.

Глава 8

Две недели спустя...

– Эй, Шекспир! – Робин кричит так, что я роняю ручку.

– Что?

– Ты выйдешь на сцену показать этим мужикам как умеешь писать или как умеешь танцевать? Я тут пытаюсь тебе помочь.

Я вздыхаю и откладываю блокнот. Робин и Сара (сценическое имя «Огонёк») просматривают запись моей тренировки.

– На последнем вращении тебе нужно удержать ногу подольше, – Робин вскакивает на сцену и становится у шеста. – Попробуй сделать это так... – она вращается вокруг шеста и грациозно вытягивает ногу, удерживая её на весу около 10 секунд.

– Найди себе фокус в зале, смотри в глаза одному из мужчин и не отводи взгляда, – говорит Сара. – Представь твой самый лучший секс, который у тебя был. Я так делаю.

Робин постукивает по губам, кивая.

– Если ты этого не сделаешь, будет казаться, что ты нервничаешь.

А это будет полным провалом.

Кивая, готовлюсь повторить все, что она показала, но вместо этого Робин идет со мной в примерку и начинает делать мне макияж.

Последние две недели я приезжаю на занятия каждое утро. Бабушке с дедушкой говорю, что меня взяли на работу в закусочной, что находится дальше по дороге от клуба, и у меня обучение утром и ночная смена вечером. Чтобы как-то обосновать это, я даже привезла пару кусков пирога.

Сначала они не понимали, почему я согласилась на эту работу, так как до нее ехать два часа, но

когда я им объяснила, что мне платят двойную ставку за сверхурочные, они согласились, что это замечательная идея.

Они сказали, что молятся, чтобы я продержалась на этой работе больше двух недель.

Старички были так довольны, что предложили оплатить мне мотель, который находится недалеко от работы, чтобы сократить время на проезд, но я отказалась. Я не хочу привыкать к этому городу, и, судя по тем клиентам, с которыми я сталкивалась последние две недели, я лучше буду спать дома.

— Сиди спокойно, — Робин

щелкает пальцами. – Эта тушь специально для выступлений, она легко может размазаться, пока не высохла.

Замираю и стараюсь держать глаза широко открытыми. Я нервничаю из-за моего первого выступления на сцене. Во время репетиций я дважды упала, поэтому весь день стараюсь психологически настроиться.

Так как сегодня пятница, клуб забит, что означает, мужчины будут очень щедры.

Когда Робин заканчивает с моим макияжем, Сара протягивает мне рубашку, которую я должна

надеть поверх комплекта моего блестящего, черного белья. Девочки поправляют мне волосы, пока я застегиваю рубашку на все пуговицы, и надевают мне длинную нитку жемчуга на шею.

— Само совершенство, — говорит Робин смеясь. — Классический образ.

Они с Сарой в последний раз оценивают мой вид и велят идти прямо за кулисы. Я должна буду ждать там, пока пройдут все основные выступления, которые длятся *часами*.

Так как я новенькая, я исполню один танец, вместо обычных трех. Это такой ритуал для новичков, плюс

негласный всеобщий игнор со стороны девочек, которые так и не разговаривали со мной.

С окончанием каждого выступления моё сердце начинает биться быстрее. Я надеюсь, что когда приблизится время моего выступления, интерлюдия песни затянется подольше, и я смогу собраться с мыслями.

— А сейчас... — низкий мужской голос раздается в динамиках. — «Феникс» встречает нашу новую танцовщицу... — слышались легкие аплодисменты, и когда начинаются аккорды моей песни, мужчина продолжает. — Красивая и

талантливая... Рэйвен.

Отсчитывая аккорды, я жду, пока поднимется занавес и, минуя маленький помост, направляюсь прямо к шесту.

Я быстро бросаю взгляд на зрителей, пытаюсь найти кого-нибудь, с кем бы хотела заняться сексом. *Когда-либо.* Большинству мужчин, сидящих в зале, примерно сорок.

Мой взгляд останавливается на столике, который расположен прямо у сцены, за ним сидит темноволосый мужчина с красивыми зелеными глазами. Я присматриваюсь к нему и уже собираюсь сосредоточиться на нем, чтобы

начать свой танец, но в этот момент Картер отодвигает соседний стул и садится прямо рядом с ним.

Он смотрит на меня, наклонив голову. На долю секунды мне кажется, что он колеблется, но потом, появляется свойственная ему самонадеянная ухмылка, и я фокусирую свой взгляд на нем.

Он, пиздец, как сексуален...

Встав спиной к залу, начинаю расстёгивать рубашку, покачивая волосами. Как только я расстегиваю последнюю пуговицу, поворачиваюсь к зрителям, давая им рассмотреть моё бельё.

Я смотрю Картеру в глаза,

представляя, что он выйдет сейчас ко мне, и с этой мыслью я медленно опускаюсь на сцену. Мне действительно очень хочется, чтобы он именно так и сделал, затем я снимаю жемчуг и бросаю его в зал, который бурно реагирует возгласами.

Скоро будет припев, а это значит начнется часть моего выступления, непосредственно у шеста.

Прикусывая губу, направляюсь к шесту, представляя, как Картер трахает меня у стены одной из частных комнат. Грациозно подтягиваюсь на шесте. Представляя губы Картера на моих губах, верчусь

на шесте, погружаясь полностью в забытие своей фантазии, и переношу свой вес на ноги.

Я медленно кручусь и выгибаюсь головой к сцене. Вися вниз головой, смотрю в полные желания глаза Картера.

Замечаю несколько купюр, появившихся на сцене, и позволяю себе скользнуть вниз по шесту, спускаясь на сцену. Когда моя голова касается пола, я переворачиваюсь и встаю на ноги.

Медленно покачивая бедрами в такт музыке, завожу руки за спину и расстегиваю лифчик, позволяя моей груди освободиться от него.

На сцене появляется еще больше купюр.

Возвращаясь к шесту, цепляюсь одной ногой за него, руку поднимаю выше своей головы, хватаюсь за шест. Расставляя ноги, глажу себя свободной рукой, начиная от шеи и заканчивая низом своего живота, прямо у резинки моих прозрачных трусиков.

Потеряя трусики руками, я откидываю голову назад, как будто мастурбирую, а сама представляю, как Картер трахает меня. Я тяну за ленточку на боку и улыбаюсь отчаянным выкрикам: «Снимай!», «Продолжай!», «Не

останавливайся!»), которые раздаются со всех сторон.

Я тяну сильнее, и понимаю, что наслаждаюсь каждой секундой происходящего: вниманием, властью, желанием!

Поглаживая свою грудь, замечаю, что Картер улыбается, глядя на меня, и я улыбаюсь ему в ответ.

Продолжаю трахать его глазами, пока подтягиваюсь на шесте для заключительной серии вращений.

На последних, затихающих аккордах музыки, замедляя вращение, я стараюсь удержать позу — одна нога согнута и удерживает

меня на шесте, а вторая вытянута вперед. Улыбаясь, гляжу в зал.

Как только музыка заканчивается зал взрывается аплодисментами, и количество банкнот на сцене увеличивается. На секунду закрываю глаза и, молча, хвалю себя за то, что все-таки справилась с основными движениями, выучила и отточила их. Затем я медленно спускаюсь с шеста.

Стараюсь не смотреть в зал, пока собираю заработанные деньги и свой лифчик. Прежде чем уйти со сцены я вытираю рубашкой шест.

— Вот, черт! — когда я захожу в гримёрку, Робин качает головой. — У

меня такое ощущение, что я залетела, увидев это.

– Что? – я смеюсь. – Ты о чем?

– Кто, черт подери, был твоим фокусом? – ко мне, улыбаясь, спешит Сара. – Ты танцевала в 10 раз лучше, чем на всех своих репетициях! И то, как ты их дразнила бантиком! Супер! Не буду врать, у меня намокли трусики, когда я смотрела твоё выступление.... Иду переодеваться, – она хлопает меня по спине, и уходя, показывает два больших пальца.

– В любом случае... – говорит Робин, помогая мне застегнуть лифчик. – Это был охуенный дебют. Я действительно под впечатлением,

ты превзошла все мои ожидания.

— Означает ли это то, что я буду еще танцевать сегодня?

— Черт, нет! — она хмурится. — Ты новенькая. Займись делом, иди, возьми пару заказов на выпивку из частных комнат.

— Мне нельзя приближаться к бару, помнишь?

— Тебе запрещено сидеть в баре и гипнотизировать напитки. Но ты можешь взять заказы у клиентов в частных кабинках, отдать их официанткам — не — алкоголичкам, и продолжать в том же духе.

Я закатываю глаза и иду к своему шкафчику, чтобы переодеться.

Фантазируя о Картере, я полностью намочила свои трусики для выступления. Надев блестящий белый топик, я возвращаюсь в зал, к частным кабинкам. Когда я выхожу из первой, чувствую, как меня хватают за руку и разворачивают.

Картер притягивает меня к себе так, что мы почти касаемся друг друга.

— Рад снова тебя видеть.

— Хотела бы я ответить тем же.

Как Вам сегодняшнее шоу, мистер Блэк?

— Замечательно, — искренне отвечает он. — Мы можем поговорить

наедине?

– Тебе придется заплатить.

Он закатывает глаза и тянет меня в ближайшую комнату для частных танцев. Открывает дверь, вталкивает меня в комнату и закрывает её за нами.

– Ты же знаешь, я не шутила на счет оплаты, – говорю я бесстрастным голосом. – Если прямо сейчас ты не заинтересован в частном танце...

– В чем я действительно заинтересован, так это в тебе, – он делает шаг ко мне, прижимая к двери и касаясь своими бедрами моих. – Ты здесь работаешь на полную ставку?

– А это важно?

– Ответь на вопрос.

– «Никогда не давать своего расписания незнакомцам» – по-моему это правило номер один в Руководстве Стриптизерш.

– Эмерланд...

– Меня зовут Рэйвен, – я вдруг занервничала, поняв почему никто из девочек не хочет, чтобы их настоящее имя произносили в этих стенах. Это личное. А переходить на личности здесь, не очень хочется. – У тебя минута, чтобы сказать то, что ты хочешь сказать, или я включаю счетчик.

– Хорошо, *Рэйвен*, – говорит он,

сядась в кресло. – Но я хочу, чтобы ты отработала все, что я тебе заплачу.

Черт... Он должен был согласиться и выпустить меня из комнаты, а не настаивать на танце.

Я не готова оставаться наедине с ним, и то, как он смотрит на меня, лишь подтверждает мои опасения.

– Один танец, – говорю я.

– А что, если мне захочется большего, чем танец?

– Тогда я попрошу кого-то другого обслужить тебя, тебе же так тут нравится, почему бы тебе не попробовать *всех*?

– Ты возьмешь деньги также и за то, что я выслушиваю твои

остроумные комментарии? Если уж я плачу деньги, можно обойтись без твоего острого язычка?

– *Что?* – я скрещиваю руки.

– Это ты, та, кто не хочет разговаривать, – говорит он суровым голосом. – Я жду... – он откидывается на кресле и смотрит на меня прищуренными глазами.

Я проверяю, заперта ли дверь и выбираю на музыкальной панели, встроенной в стену, короткую инструментальную мелодию, под которую я тренировалась.

Направляюсь к нему, стараясь избегать его взгляда, фокусирую свой взгляд на верхней пуговице его

рубашки. Я стягиваю топик и начинаю выполнять стандартные движения: качаю волосами и закусываю губу. Он не дает мне закончить, нагибается и сажает меня к себе на колени.

Я медленно начинаю тереться своими бедрами об него, не глядя ему в глаза и концентрируюсь на мысли о том, как скорее всё это закончить.

Неожиданно Картер хватает меня за бедра и не дает двигаться.

– Посмотри на меня.

Я игнорирую его.

Тогда он нежно касается пальцем моей щеки и заставляет меня повернуть голову. Он смотрит

мне в глаза и начинает гладить меня руками, от его прикосновений по спине бегут мурашки.

– Ты всем своим клиентам разрешаешь себя так трогать?

Он целует мое плечо, и я не могу сдержать вздоха.

– Я так понимаю, это ответ «нет», – он улыбается.

– Понимай, как хочешь, – он притягивает меня еще ближе к себе.
– Я скажу все что угодно, только бы ты заплатил.

– Ты задашь свой вопрос?

– Что?

– Вопрос... – Картер почти касается своими губами моих, когда

произносит охрипшим голосом. — Вопрос, насколько сильно я хочу тебя трахнуть?

Я задерживаю дыхание и откидываю голову назад.

— Дай мне немного времени. Мне нужно сделать вид, что ты привлекательный, и что мне есть дело до твоих фантазий... — наигранно вздыхаю. — Так что там за вопрос, который ты хочешь, чтобы я задала?

— Хммм... — он поднимает меня со своих колен и встает.

Картер обнимает меня за талию и разворачивает к себе спиной прижимая к своей груди и я чувствую

его возбужденный член. Потом шепчет мне на ухо:

– Значит сейчас, ты просто *притворяешься*, что хочешь меня?

– Да.

– Ты уверена? – он сжимает меня сильнее.

– Сто процентов.

– Тогда... – его рука оказывается между моими бедрами, и он поглаживает мои мокрые трусики. – Ты очень хорошая актриса.

Я вырываюсь из его объятий и поворачиваясь к Картеру лицом, протягивая руку.

– Тридцать долларов.

Ухмыляясь, он достает из

кармана стодолларовую купюру и аккуратно вкладывает её мне в руку. Картер наклоняется, легко целует меня в лоб и уходит, оставляя меня еще более озадаченной его поведением, чем когда-либо.

Когда я считаю свою выручку за вечер, у меня получается 820 долларов. На выходе, я кладу сотню в шляпу на чаевые барменам.

Почему-то мне хочется, чтобы меня на улице ждал Картер, но его там нет.

Я вздыхаю и, зевая, еду по улочкам, стараясь не думать о Картере, но у меня плохо получается.

Обычно, мне нужно несколько

секунд, чтобы определить, что за человек передо мной, но с Картером у меня это не получается. Он настойчивый, непоследовательный, и увлекательный одновременно. Я повторяю себе в сотый раз, что мужчины такого типа наиболее опасны, и что мне нужно держаться от них подальше. Но если Картер еще раз будет меня трогать, как он это делал сегодня, я отдамся ему при любых обстоятельствах.

На полпути к дому, я замечая синие огни полицейской машины. Я проверяю спидометр, я не превышаю скорость и мои номера в порядке.

Я так думаю.

Черт...

Съезжаю с дороги и выключаю двигатель. Достāju из бардачка документы, которые у меня попросят: страховку и регистрацию на машину.

– Мэм? – офицер стучит по стеклу.

– Да, офицер?

– Вы в курсе, что Ваш задний боковой габарит не работает?

Я отрицательно качаю головой, зная, что он рабочий.

– Я только вчера его починила.

– Он *не работает*.

– Хорошо... – я отдаю ему документы. – Я завтра еще раз

проверю.

Он берет мои документы, светит на них фонариком и быстро отдает мне их обратно.

— Я видел твоё выступление сегодня в «Фениксе», — он колеблется и улыбается. — Ты очень... *талантливая*.

Я нервно сглатываю.

— Спасибо...

— Ты же не местная, да? — он засовывает руки в карманы и откидывает туловище немного назад, покачиваясь на каблуках. — Я бы не забыл, если бы увидел такую красотку.

Я молчу.

Хотелось бы, чтобы он остановил меня поближе к следующему светофору, там есть маленькая закусочная и заправка. Полицейский смотрит на меня взглядом одного из худших спонсоров Лии, который заезжал за ней.

– Вы мне выпишите штраф, офицер? – наконец спрашиваю я.

– Зависит.

Я медленно качаю головой и стараюсь говорить ровным голосом.

– Выпишите мне штраф. Со всем уважением, офицер, мне надо домой.

– А дом, это где?

Я не отвечаю.

– Что? – он опирается руками на край моего окна и нагибается поближе. – Где ты живешь?

– В двух округах отсюда.

– Хммм. Ну, если ты так торопишься домой, то я могу посоветовать, как добраться по - быстрее. Ехать еще через два округа довольно долго, мне бы не хотелось тебя задерживать.

– Чего Вы хотите? – спрашиваю я очень тихо.

– Ты похожа на сообразительную девочку... – он смотрит мне в глаза. – В трех милях отсюда, слева есть мотель.... Ты же понимаешь, о чем я.

Бросаю взгляд в зеркало заднего вида, гадая, записывает ли происходящее камера в патрульной машине, но он не на патрульной машине. Это, одна из обычных белых машин для работы под прикрытием, которые я иногда вижу на парковке; из тех машин, которые водят люди, обязанные *защищать* нас.

– Я поеду за тобой, – говорит он, не дожидаясь моего ответа.

– Нет, спасибо.

– Что?

– Я еду домой, офицер, – я стараюсь говорить вежливо, хотя я в бешенстве. – Вы же не хотите, чтобы люди узнали, что Вы предлагаете

секс несовершеннолетней.

— Черта с два ты несовершеннолетняя, — сквозь зубы говорит он. — Езжай к мотелю или я арестую тебя.

— За *что*?

Он отходит от моего окна и подходит к багажнику моей машины. Я уже думаю отъехать, но тут слышу звук разбитого стекла, и разворачиваюсь, чтобы узнать, в чем дело. Он разбивает мои задние габариты своей полицейской дубинкой.

— Какого хрена ты делаешь?! — кричу я в шоке.

— Все ещё думаешь над моим

предложением, малышка? —
спокойно говорит он и убирает
дубинку на пояс, подходя ко мне
ближе. — Я знаю кое-кого в городе,
кто починит тебе габариты еще до
завтрашнего утра, когда мы с тобой
закончим. Не будь душой.

Я сильно сжимаю руль,
уговаривая себя молчать и, резко
рванув с места, уехать. Потом
разберусь с этим. Но понимаю, что я
в любом случае в дерьме.

К черту всё это...

— Я не поеду в отель, *офицер*, —
говорю я сквозь зубы. — И я никогда
не буду трахаться с таким
отвратительным кретином без яиц,

как ты.

Он щурит глаза, смотря на меня, кивает и улыбается. Снимая рацию с ремня, он говорит:

— Офицер, запрашиваю подкрепление. Подозреваемая оказывает сопротивление. Несколько миль севернее от 31 шоссе. Подозреваемая враждебно настроена, и поверьте мне, ... *вооружена*.

— Уже выезжаю.

— Вас понял.

— Высылаю двоих для подкрепления.

Раздаются голоса через несколько секунд.

— Выйти из машины, — говорит

он ровным голосом.

Я вздыхаю и отстегиваю ремень безопасности. Мне не хочется на него смотреть, пока открываю дверь и выхожу из машины. Не успеваю захлопнуть дверь, как он хватает меня и прижимает к машине так резко, что выбивает весь воздух из моих легких.

— Это должно было быть так легко... — он протискивает свое колено между моих ног. — Ты раздеваешься за деньги, но ты слишком хороша, чтобы с кем-то трахаться?

Он с силой заводит мне руки за спину и защелкивает наручники на

моих запястьях.

Пока мы идем к его машине, и он объясняет мне, как я пожалею, что не приняла его предложение, я изо всех сил стараюсь игнорировать тот факт, что он сжимает мою задницу.

Он запирает меня на заднем сидении, и я закрываю глаза. До меня доносится вой приближающихся сирен.

Я уже знаю, что меня лишат прав. Утром, судья отберет у меня права первым же делом, еще и залог потребуют за освобождение внести. Снова.

Хотя сейчас я ни в чем не виновата, мне действительно хочется,

чтобы в этот раз это было
заслужено...

Глава 9

Я тысячу раз благодарю Сару по пути домой, после того как она забрала меня из тюрьмы. Мои запястья до сих пор саднят от наручников и, скорее всего, у меня останутся следы на несколько дней.

— Я отдам тебе деньги завтра, — говорю я, глядя в окно.

– Не переживай. Я могу подвозить тебя на работу, когда у меня выходные, ну а в будние дни я работаю в «Старбакс». Рутина, сама понимаешь, – она вздыхает. – Не хочу, чтобы меня уволили.

Я киваю, прекрасно зная, что настоящая причина, по которой она до сих пор там работает, это то, что так она меньше думает о смерти матери. Но не мне ей об этом говорить.

– У тебя действительно отобрали права? – она быстро меняет тему разговора.

– Да, на 60 дней.

– А что с твоей машиной?

— Временно является собственностью штата. И мне придется *заплатить*, чтобы мне её вернули.

— Сколько?

— Сейчас я не хочу этого знать.

Мы останавливаемся около моего дома.

— Ты возьмешь пару выходных?

Ну, знаешь, немного подумать, расслабиться. Можешь позвонить Майклу, оставить сообщение. Скажи, что тебе нужно время, чтобы выяснить, как добираться до работы без машины.

— Уже. Я буду ездить на автобусе.

– Что? Тебе же нужно будет ездить на 3 автобусах.

– А у меня есть выбор? Идти пешком? После происшедшего вчера, мой долг еще больше, чем был до этого. Я не могу себе позволить брать выходные.

Она вздыхает и качает головой.

– Если ты быстро переоденешься, я могу довезти тебя до остановки автобуса. Так тебе придется ехать только на 2 автобусах.

Я моргаю.

– Почему?

– Что *почему*?

– Какого хрена ты так добра ко мне? Что тебе нужно от меня? – у

меня давно были подозрения, но мне нужно знать, чего она от меня ждет. Я не могу так и дальше с ней общаться. — Просто скажи, какого хрена тебе надо от меня. *Сейчас же.*

— *Хватит*, Эмерланд. Почему я вытащила тебя из тюрьмы и предложила подвезти до остановки? Потому что я якобы хочу, чтобы ты была мне должна? Потому что мне что-то *нужно* от тебя? Думаешь, я как-то пытаюсь тебе навредить?

— Разве нет? Разве ты не ждешь подходящей возможности?

— Господи... — она закатывает глаза. — Я хочу подружиться с тобой. Разве у тебя нет друзей?

– Вообще-то, нет.

– Давай, Эмерланд, иди, переодевайся, – Сара зевает. Кое-кто разбудил меня в 7 утра и попросил внести за нее залог, так что я вроде как устала. И, это, принеси мне пару печенюшек, которые печет Вирджиния, ты вчера сказала, там осталось немного.

Еще раз благодарю её и спешу зайти в дом. Поднимаюсь на цыпочках на второй этаж, чтобы не разбудить Вирджинию или Генри. Я быстро принимаю душ и надеваю чистые джинсы с черно-белой рубашкой в клетку, в моей сумке набор нового блестяще-розового

белья. Беру iPod и электронную книгу, а увидев в окне серое небо решаю захватить с собой пиджак и зонтик. Торопясь, спускаюсь вниз и вижу, что Сара заснула на руле.

– Вот, держи, – я трогаю её за плечо и протягиваю печенье с сыром. – Хочешь, я поведу до остановки, а ты пока поспишь?

– Конечно, нет. Я не разрешу тебе водить мою машину, ты практически потенциальный преступник, – шутит она, когда мы отъезжаем.

Остаток дня проходит медленно: я долго добираюсь до работы на 2 автобусах, потом пешком

под моросящим дождем и, наконец, долгожданная свобода.

Смена начнется только через несколько часов, но мне плевать. Я стараюсь чем-то себя занять - помогаю прибраться на сцене, в центральных комнатах, помогаю навести порядок в кладовой с реквизитами и тренируюсь на шесте.

К тому времени, когда мне пора выходить на сцену, я совсем не нервничаю. Я могу проделать все основные движения во сне, и я с легкостью исполняю свой номер.

Каждое движение и кручение дается мне без труда, и каждый заработанный доллар оправдывает

это.

Как только я заканчиваю, пересчитываю деньги и одеваюсь. Говорю Майклу, что мне надо уехать пораньше. Последний автобус уезжает через двадцать минут, и я не могу его пропустить.

— Я отвезу тебя до закусочной, — сообщает мне охранник, когда я раскрываю свой зонтик на стоянке.

— Нет, все нормально...

— Слушай, — твердо говорит он и указывает на свою машину. — Это моя работа.

На протяжении короткой поездки до закусочной он со мной не разговаривает, и перед тем как

отъехать ждет, когда я зайду в закусочную. Как только его машина скрывается за углом, я бегу до пешеходного перехода, чтобы перейти на другую сторону улицы, где находится остановка. *Пять минут...*

Я сажусь на лавочку и жду. Жду. И жду...

Проходит целый час, но автобус так и не приезжает. Я звоню в службу поддержки, которая работает круглосуточно, чтобы узнать, почему автобус так сильно опаздывает. Оказывается, расписание уже месяц как поменялось, последний автобус

уехал 2 часа назад.

В бешенстве бросаю зонтик в грязь, а сама стою и мокну под дождем. *Эти выходные просто не могут быть еще хуевее!*

Я думаю, что могу вернуться в клуб и попросить Майкла, чтобы я переночевала в его офисе, но тут вспоминаю, что сегодня воскресенье – «Большое воскресенье».

А это значит, что у нас три мальчишника. Насколько бы мне не нравилась моя работа, но сегодня я просто хотела побыть одна. Чтобы мне не хотелось разрываться между желанием помочь.

Полностью промокнув, я перехожу дорогу, захожу в закусочную и присаживаюсь в ближайшую кабинку. Я собираюсь дожидаться, пока Робин закончит смену, и умолять её подвезти меня в Блайт.

Заказываю два кусочка вишневого пирога и достаю свою старую электронную книгу. Сейчас мне так хочется стать кем-нибудь из героев одной из книг.

Когда я заканчиваю читать свою любимую книгу, я понимаю, что лишь одиннадцать часов вечера. До окончания смены Робин еще несколько часов.

Выбираю следующую книгу и заказываю еще пирога.

Как хорошо, что закусочная работает круглосуточно...

Когда я дохожу до самой интересной части, слышу низкий мужской голос.

— Можно я присяду?

— А что, все остальные столики заняты? — я даже не поднимаю головы.

Я слышу, как мужчина вздыхает и тихо ухмыляется. Когда я медленно поднимаю голову, передо мной стоит Картер. Снова.

Он садится напротив и, улыбаясь мне, открывает меню.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает он.

– Ты что, установил на мне жучек? Тут куча свободных кабинок.

– Я в курсе.

– Ну... – я взглядом показываю ему на кабинку напротив, давая понять, чтобы он пересел, но он просто продолжает сидеть. – Трудный день? Или ты всегда тут ешь, после того как насмотрелся на голых девушек «Феникса»?

Он закатывает глаза.

– У тебя перерыв?

Я уже начинаю отвечать ему, но тут звонит мой телефон. Это Робин.

– Да?

– Привет, только что прочла твоё сообщение. Что случилось?

– Можешь подвезти меня домой после работы?

– Конечно. Где ты сейчас?

– В закусочной, что за углом.

– Я заканчиваю в три утра. Ты же знаешь, у нас сегодня несколько вечеринок.

– Ничего страшного, я подожду,

– облегченно вздыхаю и благодарю её.

– Ты долго здесь сидишь? – заинтересованно спрашивает Картер.

– Не так уж и долго, – вру я. – Пока ты не появился, я наслаждалась тишиной и покоем, поэтому...

— Что с твоими запястьями? — он гладит красные отметины на них своим большим пальцем. — Наручники?

— Что я могу сказать, моему парню нравится жесткий секс.

Под моей тарелкой он замечает билет на автобус и достает его, чтобы рассмотреть. Он вздыхает и качает головой.

— Давай я отвезу тебя домой.

— Нет, спасибо. Одна из девочек подвезет меня после смены. Но, спасибо за предложение.

— Это не было предложением.

Я закатываю глаза и начинаю снова читать. Каким бы сексуальным

Картер мне не казался, мы не слишком хорошо знакомы, чтобы принять его предложение.

– Эмерланд... – у него низкий голос и он уже стоит около меня.

– *Картер...*

– Идем, я отвезу тебя домой.

Я продолжаю читать, игнорируя его. Он скоро сдастся и уйдёт.

В следующий момент он поднимает меня, перекидывает через плечо и выносит из закусочной. Когда до меня доходит, что происходит, он уже усаживает меня в свою машину, классический красный мустанг, и захлопывает дверь.

– Тебе *удобно*? – он улыбается,

когда садится за руль.

Я издаю стон неудовольствия, пытаюсь открыть дверь, но она заблокирована.

— Издеваешься? — я смотрю на него. — Ты же знаешь, что это называется *похищением*?

— Не в том случае, когда жертва добровольно соглашается, — мы выезжаем со стоянки и направляемся к трассе.

Я вздыхаю и включаю книгу, снова погружаясь в лучший мир. Через полчаса мы останавливаемся на светофоре. Я отрываю взгляд от книги, мы заезжаем в соседний округ, нам еще долго ехать до Блайта.

– Что читаешь? – голубые глаза Картера смотрят на меня.

– «Свет в Августе».

– Вильяма Фолкнера, – говорит он, кивая. – Ты не похожа на любителя Готической Южной литературы.

– Я люблю *любую* литературу.

Он забирает мою книгу и ставит в отделение двери со своей стороны.

– Сколько книг ты обычно прочитываешь за неделю?

– Пять или больше, зависит от настроения.

– Хммм, – включается зеленый, и мы трогаемся. – Ты изучаешь

Американскую литературу?

Хочу сказать ему, чтобы он не задавал личных вопросов, но он не включает музыку и забрал мою книгу, поэтому я отвечаю.

— Меня отчислили из университета.

Я жду, что он спросит почему, чтобы ответить, что это не его дело, но он не спрашивает.

— Ты знаешь, что Вильям Фолкнер был пьяницей? — спрашивает он.

— Обычно, все лучшие писатели пьяницы. *Ты* пьешь?

— Иногда. Ты?

Я молчу.

– Включи обогрев.

Картер нажимает кнопку и переключает щетки стеклоочистителя на более интенсивный режим.

– И давно ты встречаешься со своим парнем?

– С Фолкнера и алкоголя ты перешел к моему парню? Не очень-то плавный переход.

– Я подумал, перейти сразу к тому, что меня интересует. У вас с ним серьезно?

– А тебе какое дело?

– Для меня это *важно*, – Картер сбавляет скорость, так как светофор впереди переключается с

желтого на красный. Он поворачивается ко мне. – Мне нужно знать, что мне нужно сделать, чтобы доказать, что я *лучше*, чем он.

Я кладу ногу на ногу.

– Как мило.

– Так у вас с ним серьезно?

– Очень.

– Как его зовут.

– Зеленый. Езжай.

Он переключает машину в режим парковки.

– Назови его имя.

– Брайан. *Езжай*.

– Сколько ему лет?

– *Что?! Это не твоё дело.*

– Это потому что он не

существует или ты не хочешь, чтобы я знал?

– Я не хочу, чтобы ты знал.

Он молчит некоторое время, потом откидывается.

– Это твой парень – *Брайан*, позволяет тебе сидеть в закусочной *часами*, пока ты ждешь свою подружку, чтобы она подвезла тебя домой?

Я не отвечаю.

– Даже если ему действительно нравится жесткий секс, отметины на твоих запястьях выглядят так, как будто это было больно. Не очень-то похоже, чтобы это сделал твой парень.

— Именно поэтому я не сажусь в машину к незнакомцам, — я вздыхаю. — Я все выдумала. У меня нет парня, а отметины на запястьях остались от наручников, когда меня вчера арестовали. Не спрашивай за что, так как это не твоего ума дело. Я буду очень тебе благодарна, если ты отдашь мне мою книгу, чтобы я продолжила читать.

— Я подумаю над твоим предложением. Так как давно ты живешь в Блайте?

— Я не ответила на этот вопрос в первый раз, когда мы встретились, с чего ты взял, что я отвечу тебе сейчас?

– Потому что ты хочешь мне рассказать, – Картер делает паузу. – И, как бы ты не отрицала, но ты думаешь обо мне с первого дня нашей встречи.

Не могу сдержаться и смеюсь, мой смех переходит в истерику. Я закрываю глаза и откидываю голову назад, обнимая себя руками, я давно так не смеялась. Когда я, наконец, успокаиваюсь, понимаю, что он выключил двигатель и смотрит на меня, подняв брови.

– *Что?* – спрашиваю я.

– Что такого смешного?

– Ты. Думаешь, ты мне понравишься только потому, что ты

сексуален?

Замечаю, как напрягается его челюсть, и решаю воспользоваться моментом. Нам нужно выяснить все раз и навсегда.

— Думаешь, раз ты такой сексуальный, я откроюсь тебе и расскажу что-то личное, о чем я никогда никому не говорила? Ты считаешь, что я заблудшая овечка, которая вынуждена раздеваться за деньги, что мне нужен сказочный принц или рыцарь в сияющих доспехах, который спасет меня от этого разврата? Если ты так думаешь, то ты попал на совершенно не ту девушку. И если ты считаешь, что

подвезя домой, заставишь меня изменить моё отношение к тебе, дай мне знать, чтобы я вышла из машины, и я пойду дальше пешком. Ты мне не *нужен*, и, несмотря на твои предположения, я тебя не *хочу*.

Он моргает. Качает головой и смотрит мне в глаза.

— К твоему сведению, Эмерланд, я не хочу быть твоим сказочным принцем или рыцарем в сияющих доспехах. Ты слишком ебнутая, чтобы я *думал*, что я могу спасти тебя. И не думаю, что я сделал неправильные выводы насчет тебя. Я не жду, что ты откроешься мне и расскажешь больше того, что я

уже знаю. Я уверен, что ты точно не из Блайта, и мне просто интересно, откуда ты приехала.

Повисла тишина.

Я вздохнула.

— Мои бабушка с дедушкой живут в Блайте. Я из Нью-Джерси. Я переехала к ним пару месяцев назад. И, несмотря на твою уверенность, я совершенно о тебе не думала. Я просто считаю тебя очень привлекательным. Это все, что я могу...

Он касается моих губ своими и запускает руку в мои волосы, шепча мне «заткнись», и целует меня.

Картер обнимает меня за шею и

притягивает к себе, легонько покусывая мою нижнюю губу.

Звук капель бьющихся о крышу его машины и его язык, изучающий мой рот, единственное, на чем я могу сосредоточиться.

Он медленно отстраняется от меня. Я очень хочу продолжения, но не позволяю себе дать ему это понять.

– Не переживай, – шепчет он. – Я всё равно докажу тебе, что я достоин быть твоим парнем, и ты поймешь, *как сильно* я тебя хочу.

Резко поворачиваюсь к окну, делая вид, что меня очень интересует пейзаж за окном.

Пока Картер снова выезжает на дорогу, я, молча, корю себя за то, что разрешила себя поцеловать, и за то, что это мне *понравилось*.

Мы оба молчим, он только спрашивает мой точный адрес. Когда он подъезжает к моему дому, я бормочу «до свидания» и пытаюсь открыть дверь, но у меня снова ничего не получается.

— Ты куда-то собралась? — спрашивает он.

Даже не поворачиваясь к нему, я знаю, что Картер улыбается.

Я слышу, как он выходит из машины и через несколько секунд он уже стоит у моей двери с открытым

ЗОНТИКОМ.

Он открывает дверь и подает мне руку. Когда я выхожу из машины, Картер обнимает меня за талию и провожает до крыльца.

Я ищу ключи в сумочке, но он касается моего подбородка и заставляет меня посмотреть ему в глаза.

– Что с твоей машиной?

– Она... Я не хочу об этом говорить.

– Хочешь, я подвезу тебя на работу завтра?

– *Что?*

– Тебя завтра подвезти?

– Ты же знаешь, что я работаю

в стриптиз-клубе, да? В том, который находится в двух часах езды отсюда?

Картер ухмыляется.

— О, да, я в курсе.

— Вообще-то, у меня завтра выходной, но... — снова ищу ключи в сумочке.

— *Но?* — он берет мое лицо в свои ладони и гладит щеки большими пальцами.

— Но если твоё предложение будет в силе после-после завтра, я могу согласиться.

— Хорошо, — он дает мне свой телефон. — Запиши свой номер.

Я вбиваю свой номер в его записную книжку и отдаю ему

телефон.

– «Не твоя золушка»? – читает он имя, под которым я сохранила свой номер и закатывает глаза. Он набирает мой номер, и телефон звонит у меня в сумке. – Можешь записать меня как «Не твой сказочный принц».

Я улыбаюсь и наконец-то нахожу свои ключи.

Картер продолжает стоять на крыльце, пока я не захожу в дом.

Я благодарю его и быстро закрываю дверь, но выглядываю в окно, наблюдая, как он уходит и улыбается, оборачиваясь через плечо.

Глава 10

– Эмерланд? – слова Тима возвращают меня в реальность, где Картер не целует меня. Я не в его машине. Я в комнате полной алкоголиков.

– *Что?*

– Как часто ты выпивала?
Я вздыхаю.

– Почти каждый день.

– И *сколько*?

– Это действительно важно?

Он кивает, и все снова смотрят на меня.

– Столько, сколько я могла выпить, – отвечаю я, – зависело от того какой выдался день.

– Ты когда-нибудь говорила с родителями о своей проблеме с алкоголем?

– Сколько раз я должна повторять, что у меня никогда не было *проблем с алкоголем*? – сегодня мне действительно не хочется здесь находиться, еще немного, и я уйду до окончания сеанса. – У меня не было

отца, чтобы поговорить с ним; а моя мама выпивала вместе со мной. *Всегда.* Так что я уверена, что если бы у меня были *проблемы* с алкоголем, она была бы первым человеком, который мне об этом сказал.

— Так твоя мама была твоим *катализатором*? — Тим был удивлен.

— Пошел ты нахуй, — я встаю и беру сумочку. — Мне это на хер не нужно.

— Эмерланд...

— Звони судье. Скажи ей, что уж лучше я буду сидеть в тюрьме, чем здесь.

Я выбегаю из помещения,

игнорируя всеобщие возгласы «Не уходи», «Вернись».

Я автоматически направляюсь на парковку. Потом вспоминаю, что у меня нет машины. Вздыхая, думаю, не вернуться ли назад и извиниться, но на данный момент я на взводе и мне не нужно, чтобы он или кто-нибудь анализировал меня или мою жизнь.

Иду по улице, решая пойти в пожарную часть к Генри, чтоб он отвез меня домой.

Пока я иду к участку, мой телефон постоянно вибрирует, но я не обращаю внимания, так как знаю, что это Тим.

Когда прихожу в часть, новобранцы улыбаются и машут мне.

В любой другой день я бы улыбнулась и помахала им в ответ, но не сегодня. Я киваю им и захожу внутрь.

— Здравствуй, Эмерланд, — дежурная на стойке улыбается, увидев меня. — Как твои дела?

— Все хорошо. Генри здесь?

— Нет, он вышел. Он сегодня угощает свою команду. Хочешь, я позвоню ему?

— Нет, спасибо. Мне можно подождать его в кабинете?

— Конечно, — она улыбается и кивает в сторону его кабинета. —

Дорогу ты знаешь!

Я улыбаюсь ей в ответ и закрываюсь в офисе Генри, открыв все жалюзи. В эти несколько оставшихся дней, мне нужно использовать любую возможность успеть насладиться солнцем, так как меня точно скоро засадят за решетку.

Достаю телефон, чтобы очистить историю вызовов, но у меня нет пропущенных звонков, только сообщения:

«Эмерланд, мне очень жаль, я обидел тебя на сегодняшнем собрании, но мне кажется, что сейчас у тебя переломный момент. Спасибо за то, что поделилась с

нами. Я скажу судье, что у тебя, наконец-то, намечается прогресс. Надеюсь, что ты придёшь на следующее собрание, чтобы мы смогли капнуть глубже... Тим»

А я уже настроилась отведавать тюремное желе... – подумала я.

Я сохраняю сообщение и вижу еще одно непрочитанное:

«Не твой сказочный принц, хотел бы знать, есть ли у тебя купальник?»

«Передай ему, что это, ему следует спросить у моей злой мачехи» – отвечаю я ему.

«Эмерланд, да или нет?»

«Или».

«В таком случае, это свидание. Я заеду за тобой позже. Будь в джинсах».

«Разве не понятно, что я хочу сказать тебе "отсоси"?»

«Жду не дождусь, когда ты сделаешь это мне лично. Буду в 6 часов».

Я не отвечаю ему, просто улыбаюсь.

Пока я пытаюсь вспомнить, есть ли у меня купальник, в кабинет

входит Генри.

— Эмерланд, что случилось? — он с озабоченным видом садится за свой стол. — Твой терапевт звонил мне полчаса назад, сказал, что ты ушла с собрания.

— Он вывел меня из себя, — я пожимаю плечами, — я не алкоголичка и мне там не место. Я просто выпила больше обычного в тот вечер, и все пошло кувырком. Ты должен мне верить...

Он вздыхает и складывает ладони вместе.

— Ты помнишь ту неделю, когда Вирджиния привезла тебя первый раз в Блайт? Тебе было 17.

— Ага, — отвечаю я, но я не помню этого. Я вообще ничего не помню о моем первом *месяце* в Блайте, ничего кроме похорон Лии и еще нескольких первых месяцев в Нью-Йоркском университете.

— Первые несколько дней ты просто спала, и мы считали, что это нормально, — я видела, его беспокойство, — но потом, ты начала отключаться прямо во время ужина. Ты кричала на нас, стоило нам только спросить, как ты себя чувствуешь, но потом ты медленно пришла в себя. Следующие несколько месяцев ты выглядела нормальной, и мы уже думали, что это просто была

реакция на смерть Лии, что все хорошо, и мы отпустили тебя в университет...

– Так то, что я переживала смерть моей матери, делает меня *алкоголичкой*?

– На следующий день, после того как Вирджиния привезла тебя домой, нам пришлось вызвать скорую, чтобы они промыли тебе желудок. Один из новобранцев нашел тебя без сознания на заднем дворе.

Я отрицательно качаю головой, отказываясь верить его словам

– Это не правда. Я никогда бы не выпила *столько*, чтобы вам пришлось вызывать скорую. Я всегда

прихожу в себя. У меня просто была депрессия.

— Твои ящики были забиты пустыми бутылками из-под водки и пива. Я пытался сосчитать их, когда мы их выкидывали, но бросил это занятие, когда мы дошли до 50... — понимаю, что еще немного и Генри заплачет. — Мы смотрели на все сквозь пальцы и относились ко всему снисходительно, потому что мы любим тебя и боимся, что ты уйдешь из дома, как Лия, но... Эмерланд, у тебя *проблемы*. Тебе пора перестать отрицать это, и признаться себе в этом.

Он отводит взгляд и смотрит в

окно. Замечаю, как он моргает, чтобы не заплакать, и думаю, может Генри ждет, что я выйду из себя и выбегу из офиса, но я не делаю этого.

Глядя в окно, стараюсь вспомнить время, о котором он говорит, но не могу. Я хочу сказать ему, что не могу быть алкоголичкой, потому что мне не *нужен* алкоголь, что я могу жить и без алкоголя.

Больше того, я не всегда пью, когда мне грустно или я зла на кого-то. Не всегда, когда я злюсь, моим первым желанием бывает напиться и проспать весь день, я не надеюсь, что алкоголь поможет мне справиться с моими чувствами. У

меня были дни, когда я не прибегала к алкоголю, чтобы справиться с эмоциями (эти последние несколько недель) и я не просыпаюсь с мыслью, что мне нужно, *необходимо* выпить.

В «Фениксе» я спокойно приносила алкоголь клиентам, даже не отхлебнув и без мысли о том, чтобы проскользнуть в туалет и напиться. Вчера, когда девочки наконец решили разговаривать со мной и выпили в мою честь (они дали мне бутылку воды), мне совсем не хотелось ни капельки того дорогущего шампанского, которое было в их бокалах; я спокойно

довольствовалась водой.

И вот эта последняя ложь добивает меня.

Я и *есть* алкоголичка...

Эта мысль приводит меня в ступор, я молча стою, несколько секунд, снова вспоминая последние несколько месяцев или точнее то, что я из них помню.

Письма с отказами. Выпивка. Электронные письма с отказами. Выпивка.

Дождливое утро. Сто грамм водки. Солнечное утро. Сто грамм джина. Мне больно это осознавать.

— Генри, так почему же вы

ничего не говорили об этом?

– Ты устроилась на работу и все, вроде бы, шло на поправку, – он поворачивается и смотрит на меня, будто удивляясь, что я еще здесь, – по крайней мере, мы так думали, пока не произошла авария. Я действительно не хотел говорить тебе что-то, что заставило бы тебя... – его голос срывается, и я понимаю, что он до сих пор страдает из-за того, что позволил Лии сбежать из дома. – Пообещай мне ходить на собрания АА и, не смотря на то, что эти люди не сказали бы тебе, не будешь сбегать.

– Я обещаю, – говорю я

медленно.

– И ты попытаешься как-нибудь сходить с нами в церковь?

Мое лицо превращается в маску, и он смеется.

– Я так и думал, – Генри смеется еще громче и обходит свой стол, чтобы обнять меня. У меня такое ощущение, что он не хочет меня отпускать. – Ты уверена, что хочешь продолжать работать в той закусочной, до которой так далеко добираться? Неужели они платят так хорошо, что из-за этого стоит ездить на всех этих автобусах?

– Абсолютно.

Когда через несколько часов мы

подъезжаем к дому, Генри говорит мне, что он пробудет в церкви до самого закрытия.

– Я люблю тебя, Эмерланд, – говорит он, включая заднюю передачу.

Ошарашенная его словами, я вспоминаю тот момент в офисе, когда он обнял меня так крепко и не отпускал, пока мне самой тоже не захотелось, чтоб Генри никогда меня не отпускал.

Время уже 5:30, и как бы мне не хотелось увидеть Картера, я пишу ему сообщение: *«Мне не хочется выходить из дома сегодня... Давай отложим свидание? Дай мне знать,*

если ты всё ещё хочешь подвезти меня завтра на работу...»

Когда кто-то неожиданно стучится в дверь, я закатываю глаза. Если это Картер, я позвоню копам, после того как насмотрюсь на него.

Я нервно открываю дверь. Передо мной стоит офицер, отвечающий за моё досрочное освобождение. Он почти под два метра ростом и весит не меньше 130 килограмм. Его короткая стрижка и футболка с аббревиатурой морской пехоты выдает его военное прошлое.

— Как дела, будущая преступница? — спрашивает он.

— А судья знает, как вы меня

называете?

– Конечно, – он проходит мимо меня в дом, – а ты думаешь, кто дал тебе эту кличку?

– Супер.

– Давай покончим с этим.

Я вздыхаю и беру контейнер, позволяя ему обыскать меня, пощупав подмышками и мои ноги, перед тем как пройти в туалет.

– Не смывай воду в туалете, не включай кран ни в раковине, ни в ванной, и если ты не справишься за 60 секунд...

– Это автоматически засчитывается, как положительный результат, – я закатываю глаза, – я в

курсе. И, между прочим, какой смысл во всех этих правилах, если дверь всё равно остается открытой? Разве ты не *услышишь*, если я смою воду в туалете?

— Писай давай, бушующая преступница, — и он поворачивается ко мне спиной.

Я поднимаю юбку и держу контейнер между ног, пока писаю. Прихожу к выводу, что все эти выборочные проверки всегда будут унижительными.

Когда я заканчиваю, ставлю контейнер на туалетный столик и закрываю его.

— Я закончила.

Он поворачивается и берет контейнер.

— Можешь помыть руки, — говорит он, направляясь в коридор.

Я медленно мою руки, разглядывая себя в зеркало. Сегодня я очень похожа на Лию: у меня такая же прическа, помада и такое же беспокойное выражение темно-зеленых глаз. Я с грустью распускаю ленту и пытаюсь сделать что-то вроде хвостика на один бок, вместо пучка. Однако, от этого женщина в зеркале не стала меньше похожа на Лию.

Я качаю головой и чувствую, как в горле собирается ком. До того,

как я начну плакать, открываю ящик и достаю тушь. Аккуратно наношу тушь и моргаю, чтобы она высохла и не размазалась.

– Бушующая преступница! – зовет из кухни офицер. – Иди сюда!

Глубоко вздыхаю, перед тем как пройти на кухню.

– Что?

– Не хочешь мне ничего сказать, перед тем как я сделаю тест? «Облегчить душу»?

– Тебе не идут белые футболки.

Он смеется и одевает перчатки. Помещает в контейнер пять разных полосок-тестов. На протяжении всех трех минут, он не сводит с меня глаз

и напивает припев «Блюз тюрьмы Флоссом» Джонни Кэша.

– Все чисто! – он убирает контейнер и полоски в красную, медицинскую био-сумку. Думаю, там находятся все остальные анализы, сделанные сегодня.

– А тебя не беспокоит, что тебе платят за то, что ты весь день носишь сумку с мочой?

– Меня больше беспокоит, что ты всё ещё на свободе, а не в тюрьме, где тебе и *место*, – он надувает и лопаёт шарик своей жвачки. – Когда – нибудь ты сорвешься, вот это и будет мой счастливый день.

Он врёт. Хотя и он козёл, я

заметила, как на долю секунды, на его лице промелькнула гордость, когда все тесты показали отрицательный результат.

— Не мог бы ты в следующий раз предупредить меня, перед приездом? — спрашиваю я. — Это очень облегчило бы мне жизнь. Я обещаю, больше не буду пить.

Он так смеется, выходя из дома, что держится за живот.

— А я-то думал, что уже слышал все! Но алкоголик, который обещает больше не пить — это что-то. Мне надо будет рассказать это судье! Я приеду, когда сочту нужным.

С этими словами он уходит и

запрыгивает в свою машину,
отправляясь сделать еще пару
выборочных проверок.

В ту же секунду, как я
захлопываю дверь, в нее снова стучат.

... ДВОЙНАЯ проверка?

Серьезно?!

Такое было две недели назад и
меня это почти довело до ручки.

Качаю головой и пытаюсь
успокоиться, чтобы скрыть моё
раздражение.

Это Картер.

— Ты, что не читал моё
сообщение? — я скрещиваю руки. —
Там было написано, что я никуда не
хочу идти.

— Ты что не читала *моё* сообщение? — он улыбается, и я понимаю, что не проверяла телефон, с тех пор как отправила ему свое сообщение.

Я достаю мобильный из кармана и читаю новое непрочитанное сообщение: *«Тогда мы никуда не пойдём. Тебе все равно понадобится купальник. Буду через 20 минут»*.

— Ты думаешь, что можешь *заставить* меня выйти из дома?

— Заставить подразумевает принуждение тебя сделать, что-либо против твоей воли, — он заходит в дом и обнимает меня за талию одной

рукой, смотря мне в глаза.

Я стараюсь не улыбаться, пытаюсь заставить себя не чувствовать.

— Даже если бы я хотела пойти куда-нибудь, мне не *стоит*. У меня сегодня был действительно трудный день, так что...

Он целует меня и запускает свободную руку в мои волосы. Не отпуская меня, он прижимает меня к стене и целует меня так неистово, как меня еще никогда не целовали.

Я стону и сильно прикусываю его губу, надеясь, что он отпустит меня, но он этого не делает. Картер кусая меня в ответ, опускает свои руки на

мои бедра. Мои трусики сразу же становятся мокрыми.

– Давай, иди, переодейся в свой купальник, – говорит он, и перед тем как отпустить меня, сжимает мою задницу.

– Ох... Хорошо... – я вдыхаю и медленно выдыхаю.

У меня немного кружится голова, но я иду в свою комнату. Роюсь в новой летней одежде, которую заказала за последние несколько недель и выбираю белый с золотом бикини.

Глядя на себя в зеркало, замечаю, что мои губы распухли и покраснели от этого безумного

поцелуя. Я улыбаюсь.

Надеваю потертые джинсовые шорты и короткий красный топик, который дает возможность хорошо разглядеть пирсинг в моем пупке.

Беру с собой свою электронную книгу, на всякий случай, если его идея свидания окажется очень нудной, и спешу вниз.

– Это твоя мать? – спрашивает Картер, указывая на огромное фото, висящее над камином.

На этом фото Лии 15 лет. Её выбрали королевой средней школы. Она одета в шикарное белое бальное платье ручной работы и на её лице играет её самая лучшая улыбка, та

самая, которой она научила меня.

— Ага, это она.

— Хмम्म, — он переводит взгляд с меня на фото и обратно. — Ты ее точная копия, кроме цвета волос.

— Наверное, он достался мне от моего отца, — я все время забываю, что натуральный цвет волос Лии — блонд. Она так часто красилась, что все вокруг думали, что черный цвет — её натуральный. — Я не думаю, что блонд мне пошел бы...

— Скорее всего, нет, — говорит он и берет меня за руку. — Черный больше соответствует твоему характеру.

Закатываю глаза, молча ругая себя за то, что вообще что-то рассказала ему про Лию. Даже разговор о цвете ее волос, кажется мне очень личным, чтобы с кем-либо об этом говорить.

Катер закрывает за мной дверь, и я включаю свет на крыльце, перед тем как запереть ее. Как обычно, он открывает для меня дверь пассажирского сиденья и ждет, пока я сяду в машину.

– Тебе не обязательно все время открывать мне дверь, – говорю я, когда он садится в машину и включает передачу.

– *Обязательно.*

— Как хочешь, — я пожимаю плечами и сажусь удобнее.

Не помню, чтобы кто-нибудь из ухажеров Лии открывал для неё дверь своей машины; и никто из моих парней в школе этого тоже не делал. Пару раз, это еще приемлемо, но каждый раз? Это кажется странным, и я не могу понять, зачем он вообще это делает или почему он *хочет* это делать? Это же не является необходимостью.

Картер делает музыку громче и берет меня за руку, пока ведет машину.

Он гладит большим пальцем костяшки моей руки, и я чувствую,

как мое сердцебиение учащается. Несмотря на то, что это маленькое проявление внимания очень милое, оно не должно на меня так действовать.

Начинаю вспоминать, когда кто-то последний раз держал меня за руку, и какова была моя реакция, может это просто моя эрогенная зона. Нет, ничего такого. Со мной такое в первый раз.

— Что-то не так? — он подносит мою руку к своим губам и целует её.

— Ты только что поцеловал мою руку?

— Тебе *понравилось*?

— Нет, — вру я. Сжимаю его руку

и откидываюсь на сиденье, с нетерпением ожидая, когда мы приедем, куда бы мы ни ехали.

Мне не приходится долго ждать. Он проезжает дом наших соседей, что живут дальше по улице и выезжает на дорожку, что ведет к их озеру.

— Ты идёшь? — спрашивает он, держа открытой мою дверь.

Совершенно сбитая с толку, я киваю и выхожу из машины, надеясь, что это какая-то шутка. Но Картер достает из багажника холодильник и сумку.

— Идем, — говорит он.

Он выводит меня к маленькой

пристани и, расстелив покрывало, хлопает по месту рядом с ним, приглашая присесть. Достает из сумки два полотенца и открывает кулер.

– Итальянский сэндвич сойдет?

Я киваю, и он протягивает мне сэндвич.

– Это то, что ты планировал на сегодня?

– Нет, – признается он, – но это *намного лучше*.

– Почему это?

– Так у меня есть возможность узнать тебя лучше, – Картер улыбается. – На публике, ты отвлекаешься и отмахиваешься от

моих вопросов. Сегодня такого не будет.

Я покраснела, и он выгнул бровь.

— Я и не думал, что ты способна *краснеть*, — он легонько меня целует, достает из кулера пиво и протягивает мне.

Я очень хочу взять банку, но просто смотрю на пиво, вспоминая сегодняшний незапланированный тест.

— Что-то не так с пивом? — спрашивает он. — Ты не любишь эту марку?

— Я люблю, — плоско отвечаю я, — но я не думаю, что *алкоголичка*

должна пить какое-либо пиво, особенно если она все ещё ходит на терапию...

Его глаза расширяются от удивления.

— *Что?*

— Я в завязке... — я делаю паузу.

— Я алкоголичка.

Он в шоке смотрит на меня, потом, как будто догадавшись, что я не хочу разговаривать на эту тему, ставит пиво обратно в кулер.

— Читаешь сейчас что-нибудь хорошее?

Я благодарно улыбаюсь его тактичной смене темы разговора.

— Я откладываю деньги на

книги, которые мне действительно понравились, а пока качаю бесплатные отрывки из книг.

– *Отрывки?*

– Ага. Отрывок – первые десять процентов электронной книги, которые можно прочитать бесплатно. Я сохраняю те, которые мне действительно понравились и, когда у меня есть лишние деньги, я покупаю всю книгу.

Он моргает.

– Электронные книги стоят 2-3 доллара.

– И? Это, блин, все суммируется! – я смеюсь. – У тебя есть электронная книга?

– Да. Наверное, мне стоит начать читать отрывки книг, перед тем как покупать.

– Ага...

Мне хочется спросить его, что он сейчас читает, чтобы поддержать разговор, но у меня это никогда не получалось. Всё, на что я способна, это ответить ему насмешкой.

Он обнимает меня за плечи и притягивает к себе.

– Сейчас я читаю «Хиросима» Джона Херси, читала?

Я отрицательно качаю головой, и он начинает рассказывать мне сюжет: шесть выживших людей, после сброса бомбы на Хиросиму, и

как меняется их жизнь, после произошедшего. Он рассказывает все в деталях, называя каждого героя по имени и описывая проблемы и борьбу, с которыми они сталкиваются, и мне вдруг хочется самой прочесть эту книгу.

Когда он начинает описывать последствия трагедии, он достает две стеклянных кружки с чаем из кулера, протягивая одну мне.

— Ты не должен отказываться от пива ради меня... — тихо говорю я.

— Я и не отказываюсь, — он ухмыляется, — чай, приготовленный дома, *намного* вкуснее пива.

Я закатываю глаза и делаю

глоток. Закрываю глаза от удовольствия, наслаждаясь чаем. Я не пила такой хороший чай уже несколько лет, с того самого раза, когда Лия украла немного из дорогущего ресторана.

— Ну как, вкусный? — голос Картера прерывает мой транс.

— Очень. Ты *заваривал* сам?

Он кивает, и мы допиваем чай молча, иногда поглядывая друг на друга и улыбаясь, что подтверждает мои мысли, что в конце дня он захочет заняться со мной сексом.

И я соглашусь.

Это происходит на самом деле...

– Почему ты так смотришь на меня? – спрашивает он, заправляя локон мне за ухо.

– Просто так.

– Хммм.

Картер встает и снимает свою рубашку, показывая свой идеально-рельефный пресс, как будто знает, как сексуально выглядит и как я уставилась на него. Он проводит рукой по животу, улыбаясь мне, а затем ныряет в воду.

Выныривая из воды, Картер подплывает ближе к пирсу.

– Присоединишься?

– Может, попозже.

– *Попозже* – это когда?

– *Никогда.*

Он смеется.

– Я купил тебе кое-что на выходных. Это красная коробка, на дне моей сумки. После того как я разогреюсь, присоединяйся.

Я даже не успеваю ответить «Нет», как он отплывает. Я наблюдаю, как он одним сильным рывком приподнимает своё тело над водой и переплывает озеро.

Когда Картер доплывает до другого берега, я роюсь в его сумке и нахожу блестящую красную коробку. На ней открытка, которая подписана: «Для Эмерланд, которая любит любую литературу».

Так читается намного лучше...»

Я заинтригована. Разрываю обертку в клочья, открываю коробку, и охаю, видя новенькую версию электронной книги за 300 баксов, которая вышла всего две недели назад. Тут есть камера, увеличенная в три раза память, и Картер уже закачал на нее сотни книг.

Когда включаю экран, вижу, что Картер установил потрясающую заставку одинокого ворона.

Никто из парней никогда ничего мне до этого просто так не дарил – ничего не требуя взамен, и я не уверена, как мне реагировать на подарок. В недоумении, я ложусь на

одеяло и начинаю читать «Когда я лягу умирать».

Время от времени я отрываю взгляд, чтобы посмотреть, как плавает Картер, непроизвольно улыбаясь, когда он замечает, что я смотрю на него.

— Ты умеешь плавать? — он брызгается.

Садясь, я качаю головой.

— Нет.

— Никогда не хотела научиться?

— Никогда не хотела *утонуть*.

Закатывая глаза, он взбирается на пирс. Забирает у меня книгу и кладет её в коробку.

— Твой купальник не должен

просто так валяться. Раздевайся.

– Что?

– *Раздевайся.* Или мне придется тебе заплатить?

У меня отвисла челюсть.

– Ты действительно сказал это вслух?

Он смеется.

– У тебя пять секунд.

Я вздыхаю и снимаю футболку. Как только я снимаю шорты, он обнимает меня за талию и тянет в воду.

Я дергаю ногами, пытаюсь нащупать дно, но озеро слишком глубокое.

– Расслабься, – говорит он,

крепче прижимая меня к себе.

Он ждёт, пока я перестану барахтаться, а потом медленно приподнимает меня и оставляет на плаву, придерживая одной рукой голову, а другой мои бедра.

– Сначала тебе надо научиться держаться на воде.

Мое сердце бьётся с бешеной скоростью, и я чувствую, как мои руки начинают судорожно подергиваться. Я понимаю, мне надо было объяснить, что я не столько боюсь утонуть, сколько боюсь глубины.

Закрываю глаза и пытаюсь лежать неподвижно, но он целует

меня, что только мешает мне.

– Теперь ты расслаблена? – спрашивает он.

– *Нет!*

– Ну, уже неплохо, – Картер снова меня целует. – Постарайся сосредоточиться на мне. Я не отпущу тебя.

Я молчу.

– Эмерланд, ты боишься глубины?

– Нет, блядь. Ты самоубийца?

– Зависит от времени суток.

Мое сердце стучит так громко, что я не слышу, что он говорит. Я просто стараюсь сосредоточиться и не двигаться, не открывая глаз.

– Открой глаза, – властно говорит он.

– Нет.

Я сжимаю глаза еще сильнее. Тут он целует меня так, что я забываю, где нахожусь.

Я чувствую, как он убирает руку с моей талии, как будто отпускает меня.

– Не надо... – я открываю правый глаз.

– Открой второй глаз, – шепчет он над моим ртом.

Я не открываю.

Картер покусывает мою нижнюю губу, а другой рукой мягко дотрагивается до моей груди.

– Эмерланд... – его рука спускается ниже.

Я испытываю незнакомое ощущение в районе живота, и открываю глаза, цепляясь за него, понимая, что он таки *отпустил* меня.

Он смеется, обнимая меня за талию, и относит на мелководье, где я уже могу стоять на ногах.

– Ты *соврал* мне, – мой голос похож на шипение, я начинаю выходить из воды, направляясь к пирсу, но он обнимает меня сзади и притягивает к своей груди.

– Мне очень жаль, – он целует меня в шею, пытаюсь успокоить, – я

не знал, что ты *настолько* боишься.

– Теперь знаешь, – я стараюсь не сорваться, глубоко дышать и вести себя так, как будто ничего не произошло. – Я никогда не училась плавать и не хочу. *Никогда.*

Картер тихим голосом извиняется, говорит, что никогда меня не отпустит, и я медленно успокаиваюсь.

– Ты в порядке? – его голос звучит очень искренне.

– Да...

– Что означает татуировка сзади, на твоей шее?

Я вздыхаю, когда он пальцами нежно обводит контуры серо-черной

ручки-пера.

– Это знак писателя. Моя мама настояла, чтобы я сделала ее, когда мне было 15.

– А цитата на твоём плече? – он целует меня там, прежде чем прочитать вслух. – «Жизнь меняется в мгновение. В одно обычное мгновение».

Это слова Джоан Дидион. Она написала эти строки, после того, как во время ужина, её муж умер ... Мама умерла спустя несколько часов после того, как мы поужинали вдвоем, и я поехала в магазин.

Я напрягаюсь, после того как понимаю, что сказала все это вслух.

– Мне жаль.

Я не отвечаю. Я просто благодарна ему за то, что он обнимает меня еще крепче.

На миг, когда мои глаза закрываются, я вижу безжизненное тело Лии, вижу, как она оставляет меня, не предупредив, не заботясь о моих чувствах.

Забывать, забывать, забывать...

Я делаю глубокий вдох и медленно поворачиваюсь к нему.

– Это твой план - затащить меня на середину озера и *заставить* меня отвечать на личные вопросы?

– А это работает?

– Нет, – я закатываю глаза и снова отворачиваюсь. Мне хочется поднять себе настроение. – Спроси меня о чем-нибудь *еще*, о *чем-то смешном*.

Он тянет одну из резинок моего купальника под водой.

– Почему ты начала работать в «Фениксе»?

– Мне нужны деньги. Почему ты там так *часто* появляешься? Ты помешан на голых женщинах?

– Нет, у меня нет зависимостей, – он целует мои волосы. – Первый раз я там был на мальчишнике у друга, а во второй раз я пришел узнать, будет ли моя любимая

стриптизерша выступить.

— А когда мы встретились в закусочной? Ты разве не ехал из клуба?

— Я был в том районе, и так *случилось*, что я проголодался. Я не был в клубе, со дня твоего первого выступления.

— Это почему же?

— Не думаю, что мне позволят оттрахать тебя на сцене.

Я снова краснею.

— О...

— Ага. О, — он смеется и отпускает меня, беря за руку и направляясь к пирсу.

Когда мы вылезаем на пирс, он

обнимает меня и сажает на край.

– Тебе нравится раздеваться? – он берет полотенце и начинает меня вытирать.

– Это лучшая работа, которая когда-либо у меня была, – я кусаю губу, когда он дотрагивается до внутренней стороны моего бедра. – Я знаю, ты считаешь, что это грязное и недостойное занятие, но...

– Я так не думаю. Я считаю, что каждый должен получать удовольствие от своей работы.

– Тебе нравится то, чем ты занимаешься, чтобы зарабатывать на жизнь?

– Иногда, – он вытирает мой

жизнь и заставляет подвинуться, чтобы он сел рядом.

Я наблюдаю, как он вытирается, и мне очень хочется стать полотенцем. Я так заморожена, что не замечаю, как он уже сидит рядом и, обнимая меня, сажает к себе на колени, лицом к нему.

— Ты намного добрее, когда вокруг никого нет, — он гладит большим пальцем мои губы, — и более *открыта*...

— Не привыкай.

— Не буду, — он смотрит мне в глаза.

— Так как ты посвятил целый день расспросам, во время нашего

свидания...

– Это не свидание, – отвечает он.

– Так было сказано в твоём сообщении, – напоминаю я.

– Это было до того, как ты написала мне, что у тебя нет *желания* никуда идти, и до того, как мне пришлось поцеловать тебя, чтобы *заставить* выйти со мной, – сказал он охрипшим голосом. – Если бы это было *свидание*, я бы старался *намного* больше, чтобы привести тебя в чувство, – он губами касается моего плеча, языком обводя слова. – Что ты хотела сказать, до того, как я тебя перебил?

– Ммм... Я думаю, будет честно, если я тоже задам тебе пару вопросов.

– Спрашивай что хочешь, – он обнимает меня за бедра и притягивает еще ближе к себе так, что наши лбы соприкасаются.

– Почему ты меня до сих пор не трахнул?

– *Что?*

– Мне нужен ответ. У тебя было куча возможностей, и я уже начинаю чувствовать себя уродиной... – мне не хотелось произносить последние слова вслух, но это было правдой.

Обычно, мне удавалось заставить парня трахнуть меня после

первого свидания, или на втором, но Картер до сих пор не переспал со мной, поэтому я чувствовала себя неуверенно. Это одна из тех вещей, когда Лия знала, о чем она говорит. Один-два раза наедине с парнем достаточно, чтобы узнать, заинтересован ли он в тебе.

— У тебя нет причин считать себя уродиной, — он пытается поцеловать меня, но я уклоняюсь от него.

— Скажи мне честно, это потому что я стриптизерша? Или потому что ты думаешь, что я сплчу с клиентами?

— Эмерланд...

– Не ври мне. *Ответ на вопрос.*

– Мне похуй, с кем ты спала, и тем более мне всё равно, что ты стриптизерша. Если уж на то пошло, я *рад*, что ты стриптизерша - ты занимаешься тем, что у тебя хорошо получается, и ты *очень* далека от сферы обслуживания, – глаза Картера потемнели, и он выглядел оскорблённым. – Я *хочу* тебя трахнуть, и я трахну тебя. Я *трахну* тебя так, как ты даже не можешь себе представить.

Я ничего не отвечаю. Обнимаю Картера за шею и целую, я просто не могу больше справляться с

желанием.

Я хочу этого. Он целует меня страстно, завладевая моими губами и прижимая к пирсу. Он прикусывает мою нижнюю губу, и я стону от удовольствия. Картер забирается на меня.

— Черт... — шепчет он, когда я запускаю свои руки в его шорты.

Он отрывается от моего рта и целует меня в шею, я стону еще громче, я очень хочу его. Я чувствую бедром его член, и тяну его шорты, страстно желая сорвать их с него. Я уже почти получилось стянуть их, как вдруг Картер хватает меня за руки, не давая мне двигаться. Он

встает.

– Что ты делаешь? – я тяжело дышу.

– Идем, я отвезу тебя домой. Прямо сейчас.

– *Что?* Я думала, ты хочешь меня трахнуть.

– Да, – он улыбается и нагибается за кулером. – Но ты еще не готова.

– *Что?* – я просто уверена, что ослышалась. – *Я не готова?*

– Ты слышала, что я сказал.

– Я что, должна пройти какие-то тесты, чтобы быть *достойной* твоего члена?

Картер смеется, и нежно

притягивает меня к себе, чтобы поцеловать.

— Я не сплю с едва знакомыми мне девушками.

— Какого лешего тебе надо знать обо мне, Картер? Что ты хочешь обо мне знать?

Он игнорирует меня и складывает покрывало. Он подходит к машине и открывает пассажирскую дверь.

Я не могу поверить, что вся эта хуйня происходит на самом деле...

Продолжаю смотреть на него, надеясь, что это какая-то тупая шутка и, что захлопнув дверь

машины, он набросится на меня, прямо на пирсе.

Вместо этого Картер еще шире распахивает дверь.

— Поехали.

Пока мы едем домой, я молчу, находясь в полном недоумении, гадая, что с ним не так.

— Эмерланд? — мы около моего дома, и он уже открыл мне дверь и протягивает руку.

— Картер, ты *гей*?

Он смеется и расстегивает мой ремень безопасности. Он помогает мне выйти из машины и провожает до входной двери.

— Во сколько завтра за тобой

заехать?

– Я не буду психовать, если ты гей. Мне просто нужно знать.

Он берет мое лицо в свои ладони и целует меня так, что у меня перехватывает дыхание. Он, молча, отвечает на мой вопрос.

– Во сколько?

– В шесть...

– Я буду в шесть, – Картер целует меня на прощание и подталкивает к двери. – Увидимся завтра, Эмерланд.

Глава 11

Я уже заканчиваю свой танец, стою в центре сцены, одна рука на бедре, вторая высоко над моей головой.

Мужчины выкрикивают: «Не останавливайся!», «Ещё!» и кидают деньги к моим ногам. Несколько мужчин подошли к сцене, маня меня шелестом денег, уговаривая подойти к ним поближе и нагнуться, чтоб они смогли сами засунуть мне деньги в трусики.

Клубы сигаретного дыма наполняют весь зал, музыка

становится все громче и громче.
Вожделение почти осязаемо.

Мне нравится каждый момент происходящего.

— Джентльмены... — слышен охрипший голос ди-джея. — Поаплодируем напоследок Рейвен...

Так громко мне еще не аплодировали. Прежде чем скрыться за кулисами, я собираю все до единой купюры и посылаю публике воздушный поцелуй.

— Кто-то быстро учится, — Робин протягивает мне салфетку для снятия макияжа, когда я сажусь за туалетный столик.

— Явно не достаточно быстро. Я

до сих пор выступаю всего лишь *один* раз....

Она закатывает глаза.

— Звонила Сара. Хочешь выступить вместо неё в полночь?

— Черт! Конечно! — мне не верится, но тут я начинаю задумываться. — Я видела Сару утром. У неё что, нервный срыв?

С тех пор, как мы с Сарой знакомы, я поняла, что она не из тех, кто будет прогуливать работу. Сара из тех подчиненных, которые никогда не опаздывают и никогда не нарушают правила.

Что-то напевая, Робин наклоняется ближе к зеркалу.

— Она осознала, что ее мама только что умерла. Это для нее, как гром среди ясного неба.

У меня замирает сердце.

— Ты с ней разговаривала? У неё все хорошо?

Она выгибает бровь.

— Что случилось? Тебе не все равно? Она что, твоя подруга?

— Да, она моя подруга, — я думаю, — ты ведь тоже... так?

— Ты - милашка, — Робин улыбается, — с ней все в порядке. Ну, настолько насколько может быть в порядке, в такой ситуации. Завтра утром я поеду проведать её, могу и тебя по дороге забрать. А пока, ты

будешь танцевать или нет? Через десять минут, мне надо сказать Майклу, кто будет танцевать вместо Сары.

— Буду.

Она кивает и указывает мне на гардероб, говоря переодеться во что-то более провокационное.

Я так взволнованна, когда достаю из гардероба короткое блестящее черное платье. Оно такое короткое, что похоже на майку. Подбирая к платью украшения, вспоминаю, что сказала Картеру, что я заканчиваю в 11. *Черт...*

Понимаю, что, скорее всего, он

уже выехал за мной, но я не собираюсь уходить с работы, пока не станцию второй номер. Достāju из своего шкафчика телефон и набираю его номер.

– Эмерланд, – отвечает он.

– Есть какая-либо причина, по которой ты не можешь сказать «Привет»? Как нормальный человек?

– Ты позвонила, чтобы обсудить, как мне с тобой здороваться по телефону? – я слышу по голосу, что он улыбается. – В «Фениксе» что, совсем нет народа сегодня?

– Ммм, нет. Я звоню, чтобы

сказать, что не закончу к 11. Я буду танцевать вместо Сары, так что это почти как все *три выступления*, – стараюсь вести себя так, как будто это не самое волнующее событие для меня. – Я знаю, что ты уже на полпути, но можешь за мной не заезжать. Я ммм... Меня Робин подвезет, а я отдам тебе деньги за потраченный бензин, так что...

– Я хочу посмотреть твоё выступление, – обрывает он меня.

– Что?

– Во сколько твоё выступление?

– В полночь.

– Я буду там и *отвезу* тебя домой.

Я молчу.

— Эмерланд? — Картер единственный мужчина, который может заставить меня намочить трусики, просто услышав его голос.

— Да?

— Можно мне сказать тебе «Пока»?

Когда нажимаю «Отбой», я улыбаюсь. Я действительно очень взволнована тем, что Картер увидит моё выступление. Так как до выступления два часа, у меня куча времени, чтобы переодеться и привести себя в порядок.

Расчесываю волосы,
намереваясь сделать строгий

хвостик. Швыряю блестящее черное платье обратно в гардероб и переодеваюсь в юбку телесного цвета, чулки-сеточку и белый топ, со скрытой молнией спереди.

– Ты идешь на свидание или всё-таки будешь танцевать стриптиз?

– Майкл появляется позади меня, пока я оглядываю себя в зеркале.

– Тебе что, надоело наблюдать за голыми сиськами на экране? Что ты тут делаешь?

Он смеется.

– Смешно. Скажи мне вот что, эта работа для тебя временная?

– Любая работа – временная.

– Хорошо. Пожалуйста, скажи

мне, что ты на самом деле не *разговариваешь* с клиентами во время частных танцев, — он прикуривает сигарету. — Из-за своей дерзости ты теряешь как минимум половину своего заработка. Так это временно для тебя или нет?

— Я не знаю. Почему ты спрашиваешь?

— Ну... Я обычно не повышаю никого так быстро, особенно кого-то с таким острым язычком, но у нас хорошие отзывы о *Рейвен*, так что...

— Я буду танцовщицей на всю ставку?

— Временно, — он хлопает меня по плечу, — поговорим об этом позже.

После твоего свидания, как я понимаю, — он осматривает меня с ног до головы. — Ты же понимаешь, что все хотят увидеть тебя без одежды? Это не гребанный Бродвей.

Я смотрю на него пустым взглядом, пока он смеется над своей шуткой. Затем он прочищает горло и выпрямляется, наверно до него доходит, что он не так крут, каким хочет казаться.

— Ты должна быть на сцене через три минуты, — говорит он твёрдым голосом.

Я прекрасно это знаю, но так как Майкл обычно настаивает, чтобы последнее слово было *всегда* за ним,

я киваю и жду, пока он выйдет. Проверив, что он действительно ушел, я начинаю прыгать от радости, как маленький ребенок, пока никто не видит.

Мне не верится, что он взял меня на полную ставку. Это означает, что я на шаг ближе к тому, чтобы уехать из Блайта, то есть на шаг ближе к тому, что я действительно что-то сделаю в своей жизни.

— Джентльмены, у нас маленькое изменение в сегодняшнем расписании... — голос ди-джея заставляет меня прекратить моё бурное ликование, и я спешу за кулисы. — Второй раз на сегодняшней

сцене... – он продолжает, и я вдруг понимаю, что понятия не имею, под какую музыку буду танцевать. – Приветствуйте, Рейвен...

Занавес поднимается, и раздаются бурные аплодисменты. Когда мелодия начинает играть, узнаю ее – «Пара с космического корабля» (прим. переводчика: оригинальное название “Spaceship Coupe” – Justin Timberlake) – длинная, восьмиминутная мелодия, я должна уложиться.

Я медленно иду по черному пролету, морально готовясь исполнить свои основные движения, которые я тайно репетировала в

течение этих нескольких недель. Оглядываю зал, ища Картера. Улыбаюсь, когда вижу, что он сидит в первом ряду, прямо по центру. У него такой вид, как будто он хочет стащить меня со сцены и утащить из клуба. Идеально.

Зная, что Картер наблюдает за каждым моим движением, я с легкостью исполняю всю свою программу. Танцую так, как будто он единственный мужчина в зале. Каждым прогибом своего тела, даю ему понять, что хочу, чтоб он оттрахал меня. Сегодня.

Я не слышу аплодисментов и не замечаю купюр, которые летят на

сцену. Каждый раз, замирая для эффекта или кружения на шесте, я смотрю на Картера. Только на Картера.

Он ерзает на стуле, и я могу поклясться, что он что-то говорит мне, но я не могу разобрать.

Когда песня заканчивается, начинается короткая инструментальная мелодия, и я начинаю дразнить публику. Я очень хочу указать пальцем на Картера, чтобы он был в центре моего внимания, но не делаю этого.

Выбираю парня, сидящего справа от Картера. Подзываю его пальцем подойти ближе к сцене. Он тыкает в

себя пальцем, жестом как бы уточняя: «Кто? Я?» и я киваю. Улыбаюсь ему своей самой подбадривающей улыбкой.

Подползаю к краю сцены на коленях, останавливаясь напротив него. Я прекрасно знаю, что заставлю его отдать мне все до последнего цента. Картер будет бешено ревновать.

Парень нервничает, он явно пришел сюда с друзьями, я нежно глажу его лицо и наклоняюсь к нему.

— Что бы ты сделал со мной, если бы мы были наедине? — шепчу я ему на ухо.

Он сглатывает и у него

вырывается нервный смешок.

– Я... я...

– Ты не привык, чтобы женщина проявляла инициативу, не так ли?

– Я... не...

Я откидываюсь назад, положив руки на его плечи. Замечаю, что его глаза не отрываются от моей груди, и принимаю легкое решение.

– Можешь оставить деньги, где хочешь... – я кусаю губу и ложусь на спину, соблазнительно сдвигая и раздвигая ноги.

Его глаза шарят по моему телу, и краем глаза я замечаю, как один из вышибал пристально наблюдает за

мной. На этой неделе я разрешаю клиентам немного больше вольностей, чем стоит, но мне плевать.

Парень нервно достает бумажник и, как я и подозревала, достает несколько купюр. Пятидесятидолларовых купюр.

Он гладит меня по бедру и нежно засовывает деньги за резинку трусиков.

Я улыбаюсь ему и выгибаю спину, чтобы подняться с пола.

Он стоит как околдованный и ошеломленно наблюдает за каждым моим движением.

На последних аккордах я глажу

себя руками — я очень жажду большей реакции зала. Мысленно улыбаюсь, заметив, как челюсть Картера сжимается.

Медленно поднимаюсь, смотря ему в глаза. На тридцать секунд мне кажется, что во всем клубе находимся только я и он, и часть меня, которую я не понимаю, хочет, чтобы он увез меня отсюда прямо сейчас.

Я стою как будто в трансе и даже забываю, что на сцене лежат мои деньги, пока голос ди-джея не просит поаплодировать мне в последний раз.

Как обычно, я посылаю в зал

воздушный поцелуй и собираю деньги. Мне очень интересно, насколько много я заработала, ведь это выступление длиннее обычного.

Еле себя сдерживаюсь, чтобы еще раз не пересчитать деньги, так как мой заработок на сегодняшний вечер составил 1600 долларов.

Я достаю несколько сотен для диджея и барменов и оставляю деньги в их шкафчиках. Меня сегодня не просили помочь в частных комнатах, поэтому я сообщаю всем, что иду домой и переодеваюсь. Пишу Картеру, что мы встретимся на улице.

– Ты знаешь этого парня? – наш
новый вышибала, Чарли,

перекрывает мне выход, когда я подхожу.

– Какого парня?

– Того, который стоит на парковке, – он указывает пальцем на Картера. – Он говорит, что ждет тебя.

Я киваю, и Чарли провожает меня. Он осматривает Картера с ног до головы, как будто пытается запомнить, как тот выглядит. Чарли даже обходит машину Картера и записывает ее номер.

– Можете ехать, – говорит он, скрестив руки на груди.

– Я рад, что ты разрешил, – Картер закатывает глаза, и открывает мне дверь.

Когда он садится в машину, мы смеемся. Чарли становится перед машиной, как будто он регулировщик, намекая, чтобы Картер включил заднюю передачу.

— Ваша охрана всегда себя так ведет? — спрашивает Картер.

— Я думаю, что им приходится, — я смеюсь, — иногда они едут за нами несколько километров, убедиться, что за нами никто не следует.

Он кивает, и мы выезжаем на шоссе. Картер включает радио.

Он долгое время молчит. У меня создается впечатление, что моё выступление было не настолько

успешным, как мне показалось. Или он очень зол на меня.

— Тебе понравилось моё выступление? — я смотрю на него и вижу, что он улыбается.

— Да.

— Да? Это все, что ты можешь мне сказать?

— Что ты хочешь, чтоб я сказал?

— Как насчет: *Спасибо*, Эмерланд. *Спасибо*, что сообщила, когда твоё первое большое выступление, и что вписала меня в список гостей, чтоб мне не пришлось платить за вход. Ты очень *хорошо выступила*, и я чуть не кончил в штаны, смотря на твою сексуальную

задницу.

Картер подавляет смешок и сбавляет скорость, чтобы съехать с дороги и остановить машину. Он поворачивается ко мне и берет моё лицо в свои руки.

– *Спасибо*, Эмерланд. Спасибо, что сказала, когда твоё первое большое выступление, и вписала меня в список гостей, чтоб я не платил за вход, хотя, я бы заплатил в *три* раза больше, лишь бы увидеть, как ты танцуешь, хотя бы 5 секунд. И ты *действительно* очень хорошо выступила! Мне жаль тебе это говорить, но я *не* кончил в штаны, пока смотрел на твою сексуальную

задницу.

– Ты даже не заплатил за танец.

– Нет, не заплатил, – Картер притягивает меня к себе и целует.

Я закрываю глаза, когда его язык проникает мне в рот. Он расстегивает мой ремень безопасности и усаживает к себе на колени. Прижимается своим лбом к моему.

– Мне пиздец как понравилась каждая секунда твоего выступления.

Я чувствую, как он гладит меня по спине, и я вздыхаю, надеясь, что он чувствует, как я хочу его, что он понимает, как озадачил и обидел меня, отказав мне вчера на озере.

Он запускает пальцы в мои волосы и наклоняет голову, чтобы поцеловать моё левое плечо, целует мою ключицу, он колеблется перед каждым поцелуем.

Никогда раньше меня не целовали так, чтобы я онемела от удовольствия. Вообще-то, меня никогда *так* не целовали. Его поцелуи были чувственными и медленными. Не теми дикими и грубыми, к которым я уже привыкла.

— Картер... — я откидываю голову, пока он целует меня в шею и расстегивает мою рубашку.

Он не отвечает. Шквал его мучительных поцелуев

продолжается, и он уже расстегивает мой лифчик. Он кусает мой сосок, и я еле сдерживаю стон. Он обводит мои соски языком и притягивает еще ближе к себе так, что даже через одежду, я чувствую подо мной его член.

Опускаю руки на выпуклость его шорт, пытаюсь нащупать его руками, чуть ли не выдергивая его. Когда, наконец, у меня это получается, и я уже готова вытащить его член из шорт и получить то, чего я жду уже несколько недель, он хватается меня за руку.

— Хватит.

— Хватит? — спрашиваю я,

задыхаясь.

Вздыхая, Картер отталкивает меня от себя. Молча, поправляет мой лифчик и застегивает рубашку. Я стараюсь дышать ровно, пока он приподнимает меня и усаживает на пассажирское сидение.

— Пристегнись, — Картер заводит машину и ждет.

Я качаю головой, стараясь не замечать боли в груди.

— Сейчас же, Эмерланд.

Застегиваю ремень и откидываюсь на сиденье, смотря прямо перед собой.

Я его совершенно не понимаю. Он постоянно, направо и налево

выкидывает разные финты, но *это?*
Это конец.

Меня никогда, *никогда*, так часто не отвергали. Сегодняшний вечер был последней каплей. Я больше не буду с ним общаться. Между нами все кончено.

Не смотрю в его сторону пока мы едем до Блайта. Хочу, чтобы эта ночь закончилась, чтобы я забыла его и все, что с ним связано. Это его «я хочу-не хочу тебя».

Лия рассказывала мне о таких придурках как он. Она говорила, что если мужчина отвергает тебя в моменты, когда он на взводе, то он либо гей, либо ты вообще его никогда

не интересовала.

Мне действительно стыдно, что я не раскусила его раньше, потому что это очевидно, как никогда: Я ему не нравлюсь. Ему просто жаль меня.

Когда через полчаса мы останавливаемся у моего дома, я замечаю, что у дома припарковано много машин. Чуть позже я вспоминаю, что сегодня вечер изучения Библии.

Опуская окно, открываю свою дверь сама, пока Сказочный принц не успел выйти из машины и открыть мне дверь. Я хлопаю дверцей машины.

– Спасибо за очередную никуда

не ведущую сессию поцелуев. Теперь мне придется оттрахать себя руками. Не звони и не пиши мне больше.

Разворачиваюсь и спешу к дому, не обращая внимания на то, что он зовет меня.

К моему облегчению, входная дверь открыта, и я проскальзываю внутрь. Я оказываюсь перед моими бабушкой с дедушкой и их гостями, и все смотрят на меня.

— О, Эмерланд! — Вирджиния складывает ладони вместе. — Думаю, вы все знаете мою внучку — Эмерланд. Её часто нет дома, так как она работает далеко от дома, в «Закусочной Флорентины», что в

Талапасе. Мы с Генри очень ею гордимся. Она очень много работает, и я уверена, что она нашла работу благодаря тому, что мы все усердно молились об этом.

— Слава тебе, Иисусе! — произносят они хором.

О, Боже...

— Спасибо вам всем за мм... ваши молитвы.

Они молча улыбаются и продолжают смотреть на меня.

— Пойду наверх, — обращаюсь я к Вирджинии, — я устала.

— Конечно! Конечно! — она жестом отпускает меня, а сама поворачивается к остальным. — Так,

где мы остановились? Ах, да! Презервативы используют во время секса, а сексом могут заниматься только женатые люди!

— Слава тебе, Иисусе!

Беру колу из холодильника и, пока я еще не передумала мастурбировать, собираюсь принять душ. Со вздохом я снимаю одежду и залажу душ - я смываю со своей кожи запах «Феникса» и нежные прикосновения Картера.

Стараюсь не думать о нем. О его губах, о поцелуях, от которых я почти кончаю, о его...

Прекрати!

Выключаю душ и одеваю халат.

Я беру свечи, что на прошлой неделе мне купили Сара и Робин. Свечи в форме красного куба, с белой розой в центре. По их словам, свечи помогают «настроиться и завестись».

Я зажигаю, ставлю их на свой стол и снимаю халат. В комнате сразу пахло черешней.

Выключаю свет и залезаю под одеяло, думая только об одном человеке, который заводит меня моментально. О человеке, о котором лучше не думать.

Я закрываю глаза, представляя, как бы это было на самом деле, если бы мы занялись сексом, как ...

Звонит мой телефон.

Блин!

Я издаю стон. Знаю, что это Вирджиния хочет, чтобы я спустилась вниз и помолилась с ними, эта мысль заставляет меня чувствовать себя грязной. Я вздыхаю и беру трубку.

– Да?

– Ты уже оттрахала себя? – это Картер.

– А, это *ты*? Это явно то, чем ты занимаешься каждый вечер.

Он смеется.

– Ты ушла не попрощавшись.

– Да, ну! Я говорила серьезно.

Я не хочу больше с тобой общаться.

– Почему же ты до сих пор не повесила трубку?

Я не отвечаю.

– Ты уже ласкаешь себя?

– Пока, Картер.

– Ответь мне.

– Да, – признаюсь я. – Я ласкаю себя, потому что мужчина, с которым я встречалась – гей, и я узнала об этом в последнюю очередь.

– Он далеко не гей.

– У него *проблемы с эрекцией*?

Он снова смеется.

– Нет. Все как раз наоборот.

– Тогда, может быть, ты мне объяснишь, почему он не спит со

мной? Почему он все время заводит меня, и мои трусики постоянно намокают, как только я вижу его?

— И насколько же ты мокрая сейчас?

— Могу затопить пустыню.

— Парень, которого ты хочешь трахнуть, не спит с девушками, которые возбуждаются так легко.

— Этот парень вообще ничего не делает.

— Я *остановился* сегодня вечером, зная, что если начну трахать тебя, я не останавлиюсь. И когда я, наконец, закончу, ты *поймешь*, что я имею в виду...

Я молчу.

– Ты все еще мокрая, как пустыня после дождя?

– Нет... – бормочу я.

– Ты специально выбрала парня, который сидел рядом со мной?

– Да.

– Чтобы я ревновал?

– Да.

– Ты не думаешь, что это жестоко?

Я закрываю глаза. Не хочу об этом разговаривать. Я просто хочу слушать его голос, пока мои пальцы играют с клитором.

– Скажи что-нибудь, Эмерланд?

– Если ты приревновал, тебе

надо было что-то сделать.

– Ты ушла до того, как я смог что-либо сделать.

Одной рукой я обхватываю свою грудь и сжимаю сосок, представляя, что это Картер кусает его, а другой рукой продолжаю ласкать свой клитор.

– И что бы ты сделал?

– До или после того, как ты отымела меня, выбрав другого парня?

Я снова не отвечаю.

– Ты сбила меня с толку. Когда ты вышла на сцену, посмотрела прямо мне в глаза и прошептала: «Не могу дождаться, когда трахну тебя».

Я задохнулась от удивления. Я

не думала, что он прочтет это по моим губам.

– Но потом ты подошла к придурку сидящему около меня.

– Нет, это... Нет, это было не так...

– Ты уверена? – спрашивает он.
– Потому что мне показалось, что ты хотела его *больше*, чем меня.

– Я уверена...

– Наверно это даже хорошо, что ты выбрала его, – Картер колеблется, – не уверен, что дал бы закончить твоё выступление, когда ты раздвинула свои ноги прямо передо мной. Я бы получил как раз то, чего хотел.

– Лжец... – шепчу я.

– Нет, – его голос твёрд, – когда ты прогнула спину и сказала, что можно оставить деньги, где пожелаешь, я бы тебе просто вставил.

Я откидываю голову назад и вздыхаю.

– Я бы сделал так, чтобы все в том здании поняли, что ты – моя.

Мои пальцы проскальзывают всё глубже и моё дыхание сбивается.

– Я не люблю такие игры, Эмерланд, – его голос теперь низкий.
– И в следующий раз, когда ты пригласишь меня посмотреть своё выступление и разрешишь кому-то

другому тебя касаться, я залезу на сцену и оттрахаю тебя прямо у шеста.

— *Картер...*

— Я припомню тебе это... — его голос звучит грустно, но потом он улыбается. — Я припомню тебе это *несколько* раз и разными способами.

— Я... Я согласна...

— Ты сожалеешь об этом настолько, что позволишь мне услышать, как ты кончаешь? Ты уже близко?

Я киваю, как будто он может это увидеть.

— Ты этим занимаешься с первого дня нашей встречи?

Мастурбируешь, пока не заснешь?

Мне уже не до разговоров. Мои мысли разбегаются, я кончу через несколько секунд. Слышу, как Картер просит называть его по имени снова и снова, как он просит меня пообещать, что я больше не буду делать такой хуйни на сцене, но все это затягивается дымкой и моё тело дрожит.

— Аххх... — стону я в трубку.

— В следующий раз, *лично* заставлю тебя кончить.

Я прихожу в себя только через несколько минут, вытягиваюсь на кровати и сбрасываю телефон на пол. Я поднимаю его и прислушиваюсь.

Картер все еще на линии. Я не знаю, что сказать.

– Ты всё еще думаешь, что я гей? – спрашивает Картер, как будто ничего не произошло.

– Нет, но может, ты би.

– В следующий раз, когда мы увидимся, ты раз и навсегда убедишься в моей ориентации.

– Жду не дождусь.

Я забираюсь на кровать и обнимаю подушку. Мне никогда не нравились телефонные разговоры или секс по телефону, мне постоянно приходилось притворяться, до сих пор. Но не с Картером. Я не хочу заканчивать этот разговор. Мне

понравилось, что он слушал, как я кончала.

— Ты завтра свободна? — спрашивает он.

— Нет, — отвечаю я. — У меня встреча АА.

— Весь день?

— Скорее всего, да, — я делаю паузу, раздумывая, стоит ли рассказать ему. — Завтрашнее собрание называется «Взгляд в прошлое», обычно оно длится восемь часов.

Я сдерживаю стон. Вообще каждому участнику дают 20 минут, чтобы выговориться, но они всегда превышают это время и мы

заканчиваем только после полуночи.

— Позвони мне, когда закончится собрание.

— Что? Я не слышала вопроса. Я думаю, ты хотел спросить, позвоню ли я тебе, когда закончится собрание.

Он смеется.

— Если в следующий раз выйдешь из машины до того как я открою тебе дверь, я поймаю тебя.

— И будешь меня щекотать?

— Я буду не только щекотать, — Картер делает паузу. — Ложись спать.

— Почему я должна тебя слушаться?

— Потому что ты живешь не одна, и если я продолжу с тобой

разговаривать, мне захочется
приехать к тебе и сделать с тобой все
то, что я должен был сделать пару
часов назад.

Я невольно улыбаюсь.

– Спокойной ночи, Эмерланд.

– Спокойной ночи, Картер.

Глава 12

Последние две недели моя память, как будто специально блуждает в самых потаенных и неприятных уголках моего прошлого.

Все то время, пока я пытаюсь думать о чем-то хорошем, например, когда Робин и Сара позвали меня с ними поехать в Джорджию за покупками, мне на ум приходит «ебанная Эми Хьюстон», будто не давая мне поверить, что и у меня могут быть друзья.

Или когда я думаю о том, как Картер заставляет меня чувствовать, пока мы часами разговариваем с ним по телефону, или когда от одного его

поцелуя у меня подкашиваются колени, я вспоминаю свои последние отношения, и парня на видео, который кончая, зовет меня по имени.

И сегодня, когда я хочу убедить себя, что не такая, как остальные алкоголики, потому что моя мама меня любила, мне вспоминается ситуация, которую я не хочу вспоминать, могу поклясться, что забыла, что такое было на самом деле.

— Эм? — *передо мной стоит Лия.*

— *Да?*

— *Как тебе это платье?*

Я смотрю, как она кружится по комнате, показывая легкое желто-синее летнее платье. Ее волосы собраны в хвостик и закручены, как всегда она выглядит идеально. Слишком красиво, чтобы описать словами.

— Мне нравится, — отвечаю я, — тебе идет.

— Хорошо, — она закатывает глаза и прекращает своё дефиле. — Что с тобой на этой неделе? Сначала, ты отказываешься выпить со мной в понедельник, потом не едешь за «Версаче» с Винсентом, а сейчас ты назвала это платье «хорошим»? Что такое? Обычно ты

*сбиваешь меня с толку своими
этими – п... одним из этих слов...*

– Прилагательные.

*– Точно, – она пожимает
плечами. – Что случилось?*

*Я откладываю ручку на стол и
опираюсь на спинку стула.*

– Как думаешь, я красивая?

*– Ты пиздец какая
сногшибательная. Ты точная копия
меня, – она смеётся до тех пор, пока
не осознает, что я не смеюсь вместе
с ней. – Извини.*

*– В прошлую пятницу меня
номинировали на участие в конкурсе
«королева вечера встречи
выпускников».*

– Что? Почему ты мне об этом не рассказала? Мы бы поехали и выбрали тебе платье!

– Я сняла свою кандидатуру.

– Что? Почему?

– Во время жеребьевки имена всех участниц кроме моего, были написаны правильно. Кто-то перечеркнул моё фото... и вместо моего имени написал «уродливая, ебнутая шлюха».

Директор школы очень извинялся и обещал, что поменяет карточку до начала следующей недели, но я сказала, что все в порядке, что я точно не буду участвовать в конкурсе. Даже не

смотря на то, что он обещал узнать, кто это сделал, мой имидж пострадал, и уже ничего нельзя было исправить. По крайней мере, я так думала...

– Шлюха? – Лия выгнула бровь.

– Я переспала с двумя парнями, а мне только 16, – я стараюсь не плакать, потому что знаю, что это бессмысленно. – И все знают, кто были эти два парня... Ладно один парень, это понятно, но ДВА? Никто не будет голосовать за шлюху школы, Лия. Даже я бы сама за себя не проголосовала.

Она скрещивает руки на груди.

– Ты хочешь сказать, что сняла

свою кандидатуру, потому что какие-то тупые завистливые сучки испортили твою карточку участницы?

— А ещё, у меня нет друзей. Чтобы выиграть, нужны друзья. Все равно это все напрасно, особенно, когда уже все знают, что я шлюха.

— Во-первых, то, что ты с кем-то спала, еще не делает тебя шлюхой. Единственные люди, которые верят в это — это фригидные сучки-девственницы, которые трясутся над своей невинностью и хранят её до свадьбы, чтобы потом узнать, что их муж даже оттрахать их не

может, как полагается. И чтобы как-то скрасить своё ничтожное положение, они объединяются и пытаются унижить остальных, называя их шлюхами. Пошли их нахуй.

Она протягивает мне тушь, и я киваю.

— Во-вторых, ты будешь учувствовать в конкурсе, и мы сделаем все для того, чтобы ты выиграла, независимо от того, есть у тебя друзья или нет. И мне даже не обязательно видеть кого-либо из этих девочек, чтобы знать, что ты красивее их всех.

Я слушаю и ничего не говорю.

– Эмерланд, внешний вид всегда поможет тебе выиграть, – Лиа достает свой телефон, – сколько раз мне нужно это повторять тебе?

Она выходит из комнаты и возвращается только через 20 минут. Я не знаю, кому Лиа звонила, и чем она может мне помочь в этой ситуации.

– Хорошо. Поехали, купим тебе платье для твоего главного вечера.

Две недели спустя меня выбирают королевой вечера встреч выпускников школы Тианек. Новый директор школы (бывший, неожиданно уволился по - семейным обстоятельствам, несколько дней

назад) одевает корону мне на голову, и я машу зрителям.

Я ожидаю, что Лия будет хлопать громче всех. Я думаю, что она помашет мне в ответ, особенно после того, как она уговорила меня учувствовать в конкурсе. Но Лии нет в зале.

Когда вечером я приезжаю домой, Лия нюхает кокаин на нашем столе.

— Как дела, королева вечера встреч выпускников? — улыбается она.

— Ты обещала прийти.

— Ой, извини, Эм! В последнюю минуту мне позвонил Арни, у него

была депрессия, и я подумала, что возьму с него вдвое больше, чем обычно. И что ты думаешь?

– Что?

– Он заплатил втрое больше обычного! – она встала. – Сегодня вечером мы обе в выигрыше! Пиво или вино? Нужно это отметить!

– Вино, – вздыхаю я. Нет смысла расстраиваться.

– Хороший выбор! Ой, слушай, у меня осталось немного травки с утра, не могла бы ты скрутить мне косячок, пока я ищу штопор?

Я трясую головой, останавливаю себя как раз перед тем, как сказать Лии, что меня досрочно приняли в

Университет Нью-Йорка, как раз, перед тем как Лия ответит, что я слишком красивая, чтобы учиться в колледже, мне самое место на подиуме.

Когда я открываю глаза, я понимаю, что нахожусь на собрании «Анонимных Алкоголиков». Сегодня суббота.

Это уже третья сессия «Взгляд в прошлое», так как предыдущие две мы не успели закончить вовремя.

Я уже призналась сама себе, что я - алкоголичка, но все равно чувствую, что мне здесь не место, со всеми этими, постоянно ноющими людьми. Хотя, я уже привыкла

приезжать на эти глупые мини-сессии пораньше. Я расставляю стулья, пишу мелом всякие вдохновляющие фразы на старой доске и даже покупаю напитки за свои деньги.

В прошлом месяце я узнала у всех, кто какой кофе любит, и поэтому всегда заезжаю в «Старбакс», чтобы забрать специальный заказ. К сожалению, этот милый и дорого обходящийся мне жест, не отмазывает меня от посещения АА.

Я уже пыталась. Несколько раз.

— В общем... — у нас в группе новая девочка, всего лишь на

несколько лет старше меня, она начинает реветь, как на похоронах. — В общем, мы с моей мамой были лучшими подругами. Мы все делали вместе. Вечеринки, наркотики, выпивка. *Особенно выпивка...*

— Все хорошо, — ободряет ее Тим, — успокойся. Мы подождём.

— Когда мне было тринадцать, она угостила меня моим первым пивом. Это было противно, но после нескольких бутылок, я привыкла. Первые несколько лет были ничего, но когда мне исполнилось 18, стало хуже. Я пила каждый день... Мне *необходим* был алкоголь. Он был *необходим* нам *обеим*. Алкоголь

помогал нам справиться, когда жизнь была дерьмом...

Я закатываю глаза. Не хочется слушать эти бредни.

— Когда мне было 15, мама сделала мне фальшивый паспорт, чтобы я могла ходить с ней по клубам. Она подтолкнула меня лишиться девственности с каким-то парнем, которому было плевать на меня, только потому, что она сказала, что мне понравится. Просто, чтобы покончить с этим. Она говорила, что парням нравятся опытные девушки...

— Вы когда-нибудь разговаривали о чем-то серьезном? О ваших чувствах? — говорит Тим,

протягивая ей салфетку.

– Нет, – девочка тяжело дышит.
– Если я приходила к ней в слезах, она все время пыталась меня отвлечь. Она никогда не обнимала меня. Никогда не утешала. Она просто говорила «Смирись и заткнись» и протягивала мне пиво... Или советовала вытереть лицо и накраситься.

Я встаю и хватаю свою сумку.

– Эмерланд, ты куда-то собралась? – Тим смотрит на меня.

– В туалет, – бормочу я и бегу в туалет.

В туалете, прежде чем закрыться, я проверяю все кабинки, и

ополаскиваю лицо холодной водой.

Я решаю остаться здесь еще минут на 20, потому что не хочу слушать её жалкую историю. После окончания собрания я вообще предложу, чтобы её перевели во вторую группу АА; туда, где собираются все нытики у которых проблемы с их мамочками.

Еще 40 дней... 40 дней...

Кто-то стучит в дверь. Сделав глубокий вздох, открываю ее. Передо мной именно эта плакса.

– Привет... – я пропускаю её в помещение.

– Привет... – она хлюпает носом. – Тим хотел удостовериться,

что ты не сбежала.

– Ну, конечно.

Она подходит к умывальнику и берет пару салфеток.

– Эмерланд, почему ты ничего о себе никогда не рассказываешь?

– Ты в группе только три недели. Откуда ты знаешь, рассказываю я или нет?

– Все знают, что ты ничего о себе не рассказываешь. После каждой встречи кто-нибудь обязательно говорит: «Мне интересно, когда же Эмерланд что-нибудь расскажет?», это явно означает...

– Это означает, что это моё

личное дело.

– Я не хотела тебя обидеть.

– У тебя это не получилось, – закатываю глаза. – Так как у нас явно есть группа *сплетников* АА, можешь передать им, что я ничего не рассказываю, потому что в отличие от вас, пытаюсь отвечать за совершенные поступки, как, например, напиваться до беспамятства. Никто не *заставлял* тебя пить. Твоя мать держала пистолет у твоего виска, заставляя пить пиво? *Ты* сама принимала решение пить, и чем раньше ты осознаешь это и поймешь, что сама же являешься причиной того, что

здесь находишься, тем раньше ты закончишь все это.

— Я ни в чем не *виню* мою мать,
— её голос внезапно стал резким. —
Она не знала что делает, и как мне
помочь, но она делала все, что в её
силах. Просто, этого было
недостаточно. Поэтому сейчас она в
тюрьме, а я — здесь. С *тобой*, — она
подошла ближе ко мне, сощутив
глаза. — Это ведь и тебя касается, не
так ли? С твоей матерью все было
точно так же? Именно поэтому ты
выбежала, когда я рассказывала? С
тобой было *то же самое*, не так ли?

Я нервно сглатываю.

— Готова поспорить, что я

права, — она кивает. — Уверена, что твоя мама была твоей лучше подругой так же, как и моя. И ты не хочешь о ней говорить, потому что считаешь, что она была идеальной. Потому что ты считаешь, что *ты* такая же, как она — идеальная.

Кровь стучит у меня в висках и мне хочется дать ей пощечину за то, что она заговорила о моей матери, но она не отступает.

— Моя мать не была плохой матерью, — продолжает она, — она воспитывала меня, *как могла*. Но это испортило мне жизнь. Точно так же как и твоя мать испортила жизнь тебе.

Я отталкиваю её так, что она охает.

– Можешь передать Тиму, чтоб он поцеловал мой зад, – я говорю это сдавленным голосом, – а тебе лучше бы присоединиться к группе нытиков. Я не посещаю эти встречи.

Я выбегаю из помещения и иду к автобусной остановке, что находится дальше по улице.

Я обещала Генри и Вирджинии, что больше не буду сбегать с собраний, поэтому не могу еще поехать домой. Они дома, готовятся к очередной распродаже пирогов, а я сейчас не в настроении отвечать на шквал их вопросов.

Мой телефон вибрирует, и я достаю его, ожидая прочесть, что Тим грозит позвонить судье, но все как раз наоборот: «Эмерланд, Тина рассказала мне, что она наговорила тебе в туалете. Мне очень жаль, что так случилось, и на следующей встрече она извинится перед тобой при всех. Я понимаю, что тебе так не кажется, но ты делаешь успехи и ты очень близка к переломному моменту. Пожалуйста, напиши, что с тобой все в порядке».

«Все хорошо», — пишу я ему в ответ и выключаю звук на телефоне.

Через десять минут я выхожу из автобуса, чтобы зайти в магазин.

Покупаю бутылку воды и сажусь на тротуар.

Я не смогу попасть домой еще 5 часов, чтобы бабушка с дедушкой думали, что я весь день провела на встрече АА. Думаю позвонить Саре или Робин, потому что у них сегодня выходной, но у меня нет настроения.

Мне нужно подумать.

Все это время я полагала, что мои отношения с Лией были хорошими. У нас были разные взгляды, но в чем-то мы думали одинаково. Все воспринимая как должное, я никогда не думала, что все могло бы быть по - другому. Или *лучше*.

Конечно, было бы неплохо, если бы Лиа могла – она должна была проводить больше времени со мной, но ведь никто неидеален. И это её прощальное письмо, я до сих пор помню всё, что там было написано. Это же неправда.

Это не может быть правдой.

Если бы это было на самом деле так, то всё, что было между нами, было бы ужасной ложью, а я не могу это принять.

Неужели она действительно была «красивым ничто»? А я, неужели я тоже «красивое ничто»?

Я следовала всем её советам: я

никогда ни с кем в действительности не дружила, никогда ни с кем ничем не делилась, кроме алкоголя, и всегда знала, что используя свою внешность, я получу все, что захочу.

И это работало, до недавнего времени.

Мне плевать, что происходит вокруг, я ложусь на тротуар и смотрю в небо. Первый раз в жизни я задумываюсь над тем, что, если Лия ошибалась...

– Она что, пьяна?

– Я так не думаю.

– И давно она так лежит?

Я слышу голоса и открываю глаза.

– С тобой все в порядке? – управляющий магазина хватает меня за руки и помогает сесть. – Может позвонить кому-нибудь, чтоб тебя забрали?

– Нет, спасибо, – я смотрю на часы. Только пять часов вечера.

– Ну... Ты можешь *сидеть* здесь, но я не могу позволить тебе спать здесь. Я не разрешаю бомжам спать на моей территории.

– Я не *бездомная*, – закатываю глаза и встаю. – Я сделала покупку в вашем магазине пару часов назад, – я отхожу от него, так как от него несет алкоголем.

– Если через час ты всё ещё

будешь здесь, я позвоню в полицию,
— он машет в мою сторону рукой и
уходит.

Я решаю позвонить Картеру.
Сейчас, он единственный человек,
которого я смогу вытерпеть рядом с
собой.

Первый гудок.

Второй.

Третий.

Какого черта я делаю?

— Эмерланд, — отвечает Картер,
— рано закончили?

— Что занимаешься? — я
игнорирую вопрос.

— Готовлю ужин.

— В пять вечера?

– Это сложный рецепт.

Мы оба молчим.

– Эмерланд?

– Да?

– Собрание закончилось раньше обычного?

– Что-то типа того... – я хочу спросить, готовит ли он на двоих, но слова застревают в горле.

– Хочешь помочь?

Я киваю и понимаю, что он улыбается.

– Где ты?

– «Магазин Стива», в нескольких километрах от улицы «Фолсом».

– Уже выезжаю.

Через час он паркуется у магазина и открывает мне дверь. Он берет моё лицо в свои ладони, как будто чувствует, что что-то не так. Картер ждет, что я что-то скажу, но я не могу.

Я в замешательстве. Прежде чем что-то говорить, мне нужно разобраться со всем этим дерьмом самой.

– Все будет хорошо, – шепчет он, и мы отъезжаем.

Очень не хочу вспоминать тот день, я хочу думать о чем-нибудь другом – о чем угодно, но не могу этого избежать и вспоминаю «совет» Лии:

– Эм, тебе не нужны друзья. У тебя есть я! И я буду всегда рядом, всегда! – ответила она мне, когда я сказала ей, что все в классе бегают парами на физкультуре, кроме меня.

– Если ты с кем-то спишь – это должно быть ради какой-то цели, хорошо? – она отчитывает меня, блюющую в туалете, после того как я пожаловалась как мне стало действительно плохо от того, что я переспала с мужчиной, с которым Лиа меня познакомила, – Это было ради денег... Не потому что тебе он нравится. Никогда не трахайся просто потому, что он нравится. Это всегда плохо

заканчивается.

— Эм, Эм, Эм... — она открывает бутылку шампанского, мне только исполнилось 16. — Я знаю, я обещала отвезти тебя на дамбу на эти выходные, я только что говорила с Винсентом... Он даст нам деньги, чтобы я свозила тебя в Нью-Йорк! Не забудь взять своё фальшивое удостоверение, потому что мы будем ходить на вечеринки каждый день! И тебе надо попробовать кокс хотя бы раз!

— Эмерланд? — поток моих воспоминаний прерывает голос Картера. Он уже открыл мне дверь и протягивает руку. — Ты зайдешь

внутри или посидишь в машине?

– Зачем нам в «СВС»?

– Мне нужно купить штопор.

– Ты предлагаешь мне вино? – я хмурюсь. – Знаешь что, просто отвези меня домой, после того, как купишь все, что тебе надо.

Он тянет меня из машины и обнимает за талию.

– Мне нужен штопор для сидра.

– Ты отвезешь меня после этого домой?

Картер молча заходит со мной в магазин.

– Тебе лучше? – спрашивает он, когда берет корзину.

– Так себе...

– Ты расскажешь мне, в чем дело или я все еще для тебя *незнакомец*?

– Твой статус поменялся несколько недель назад...

– Я теперь твой *друг*?

– Один из немногих, – отвечаю я, и он целует меня.

Он берет две бутылки сидра и штопор. Когда мы идем к кассе, я беру упаковку презервативов.

Он смотрит на меня, выгнув брови, его лицо расплывается в улыбке. Я краснею и отворачиваюсь от него. Сегодня я не потерплю отказа.

Когда мы подходим к кассе, там

никого нет. Мы оба громко говорим «привет», но нам никто не отвечает и не выходит.

— Я сейчас вернусь, — он вздыхает. — Я все равно забыл бумажник в машине.

— Не переживай, — я ставлю все, что мы взяли в свою сумку и выхожу из магазина.

Я не успеваю дойти до машины, как Картер хватает меня за плечо и разворачивает лицом к себе.

— Твоя мама не говорила тебе, что воровать *нехорошо*?

— Судя по всему, моя мать вообще не заебывалась, чтобы чему-то меня научить...

Наверно, Картер понимает, что я говорю правду, а не издеваюсь на ним, как обычно, потому что сейчас, он долго смотрит на меня перед тем, как легко поцеловать в лоб.

– Я рад, что ты наконец-то говоришь со мной, – тихо говорит он.

Картер открывает мне дверь машины, и я сажусь. Он возвращается в магазин.

– Ты вернулся и *заплатил* за все, да? – смотрю я на него, когда он садится в машину.

– Да.

– Почему? Они бы даже не заметили пропажи. Я все равно завтра заплатила бы.

– Я рожден и воспитан на юге.
Честность – врожденное чувство.

Я закатываю глаза и стараюсь не улыбаться, пока мы отъезжаем.

Пока мы едем по закоулкам Блайта, он кладет руку на моё колено и гладит его.

Мы подъезжаем к маленькому домику, который находится на берегу огромного озера. Когда он выключает мотор, я механически тянусь, чтобы открыть дверь, но потом останавливаюсь.

– Когда ты устанешь от обязанностей сказочного принца, дай мне знать, – откидываюсь на сидении и жду, пока Картер откроет

мне дверь.

Не думаю, что ему следует знать, что мне начинает нравиться эта его привычка. Последнее время я смотрю очень много старых фильмов и заметила, что мужчины всегда открывают двери главной героине, куда бы она ни пошла. До сегодняшнего случая в магазине, я не замечала, что, пока мы вместе, Картер не разрешает мне ничего делать самой. Он никогда не позволяет мне заплатить за ужин, когда он забирает меня после работы.

Единственный раз, когда я сама заплатила за ужин, я поскандалила с

ним и стрелой вылетела из закусочной. Он прижал меня к машине, отшлепал в два раза больше, чем я его и зацеловал меня до беспамятства, сказав, чтобы я больше никогда так не делала.

– Наверно мне надо отвезти тебя к доктору, чтоб диагностировать твое постоянное зависание, – Картер улыбается, отрывая дверь своей квартиры. – Наверное, у тебя приступ.

– Ха-Ха, – я прохожу мимо него, и у меня отвисает челюсть.

Его квартира совершенно не похожа на типичный дом южанина. Она скорее типична для какого-

нибудь Нью-Йоркского небоскреба или обложки какого-нибудь журнала об интерьере.

Строгие белые стены и круглые колонны, огромные мольберты, стоящие повсюду в гостиной. У меня ощущение, что я нахожусь в музее.

Я подхожу к мольберту у стены, и замечаю, что мазки еще не высохли. Картина, изображающая закат на заброшенном озере, еще не закончена, но я уже могла сказать, что она будет замечательной.

– Ты рисуешь? – спрашиваю я.

– Иногда, – он кладет ключи на стойку.

– У тебя очень хорошо

получился камыш. Я даже подумала, что это акрил... Я лично не знаю никого, кто мог бы так искусно рисовать маслом. Это просто потрясающе.

– Ты пишешь *и* рисуешь?

– Я не рисую с тех пор как вылетела из универа.

Картер посмотрел на меня, и я могла поспорить, что он хочет узнать больше, но вместо этого он спрашивает:

– Хочешь поужинать?

Киваю, подхожу к стойке и сажусь на стул, который он мне отодвинул. Я не успеваю сесть, он берет меня на руки, целует и

усаживает на стул.

— Эмерланд, ты любишь лазанью?

— Обожаю.

— Часто готовишь ее?

— Черт, нет. Я не умею готовить, — я смеюсь. — И моя мама тоже не умела готовить. Когда мы хотели поесть лазанью или что-нибудь из итальянской кухни, мы делали заказ в «Риззоли». Правда она не разрешала мне начинать есть, пока она не вынет еду из упаковки и не выложит на тарелку, как будто она сама приготовила.

— Мы теперь можем говорить на личные темы? — Картер улыбается и

достаёт противень из духовки. – Моя мама была расстроена тем, что у неё родился четвертый мальчик, – он даёт мне приборы. – Каждое воскресенье она учила меня новому рецепту. Она хотела, чтоб её рецепты сохранились в семье.

– Она умерла?

– Нет, она жива. Просто она любит все делать заранее, – он качает головой и ставит передо мной полную тарелку.

– Это у них с моей мамой общее, – бормочу я. Последнее время я что-то слишком много говорю, мне это не нравится.

Беру вилку в руки и пробую

лазанью. Она потрясающая. А соус Тартар с сыром был просто идеален, и явно был натуральным. Должен был быть.

— Это действительно вкусно, — я жадно глотаю её, даже не взглянув на Картера. Бабушка с дедушкой дома готовят обычную сельскую еду.

— Я приготовил целый противень, — говорит он. — Если хочешь, я заверну тебе с собой все, что останется.

Он садится напротив меня.

— Смешно. Ты, конечно, не задавайся, но это наверно лучшая лазанья которую я когда-либо ела.

— *Наверно?*

Я краснею и снова набираю полную вилку.

– Что ты рисовала в колледже?

– В основном абстракцию, иногда натюрморты или пейзажи.

– Какие пейзажи?

– Аудитории, здания и деревья.

Много деревьев.

– Модели?

Я качаю головой.

Это было бы в следующем семестре, если б я не вылетела...

– Понятно, – он нагибается и заправляет локон мне за ухо. – А ты согласишься, чтоб я нарисовал тебя?

– Да...

– Любую картину?

– Да... – я чувствую, как краснею.

– Интересно, – Картер отпивает из стакана. – Хорошо.

Глядя в свою тарелку, я продолжаю есть, ругая себя за то, что чувствую к нему. Когда я поднимаю голову, он все так же смотрит на меня, улыбаясь.

– Что смешного?

– Ты уверена, что не хочешь то, что осталось?

– Спасибо, но нет – вру я.

Его улыбка становится еще шире и сексуальней, он берет мою тарелку и ставит её в раковину.

– И давно ты рисуешь? – я

встаю и подхожу к мольбертам, стараясь успокоить порхающих бабочек в животе.

– Очень давно.

– Ты специально не отвечаешь на вопрос?

– Нет, – Картер встает рядом со мной. – Я рисовал, сколько себя помню, но серьезно начал относиться к этому только после травмы, – он вздыхает, – я повредил колено. Восстановление шло медленно, поэтому рисование стало моей отдушиной.

– Ты играл в футбол за колледж?

Он кивает и берет мое лицо в

свои ладони.

— Это будут обоюдные отношения?

— Кто сказал, что у нас *отношения*?

Вместо того чтобы ругаться со мной, он целует меня. Сначала, он просто прижимается своими губами к моим, потом хватается меня за бедра и целует все неистовей, даже не давая мне возможности вздохнуть. Я уже думаю, что мне пора начать вырываться, но тут Картер отходит, смотря мне в глаза. Я хватаю воздух и уже думаю, что бы такого колкого ответить ему, но на ум ничего не приходит, поэтому я просто смотрю

на него.

Картер берет меня за руку и ведет в маленькую, хорошо освещенную комнату, которая выходит окнами на озеро. В одном конце комнаты кремовая кушетка, а на другой стоит белый мольберт.

— Ещё не передумала? — спрашивает он, шепча около моего уха, из-за чего у меня начинают бегать мурашки по спине.

— Нет, — стараясь не замечать, как часто бьётся моё сердце.

Картер подходит к кушетке и поворачивается лицом ко мне. Он гладит меня по щеке.

— Это будет *голая* натура, — его

глаза потемнели. – Всё еще согласна?

Я сомневаюсь и поэтому пытаюсь контролировать ситуацию.

– Я раздеваюсь на работе, каждый день. В чем разница?

– Ты никогда *полностью* не раздеваешься. И ты прекрасно знаешь, что те мужчины никогда не зайдут с тобой далеко, – он придвигается еще ближе ко мне и напряженно смотрит мне в глаза. – Независимо от твоего ответа, сегодня не тот случай... Так да или нет?

Я киваю, хотя на самом деле ужасно нервничаю.

– Можешь помолчать, пока я работаю? – Картер прижимает палец

к моим губам.

Я снова киваю.

Делая шаг назад, Картер смотрит на меня несколько секунд. Он рассматривает меня с ног до головы. Без слов он берет за край моей рубашки и снимает ее. Моя рука тянется к молнии на джинсах, но Картер останавливает мою руку, не давая мне расстегнуть молнию.

— Лучше я, — пока он расстегивает мне джинсы, целует меня в шею.

Когда штаны падаю на пол, он легко меня кусает. Непонятно по какой причине я вся трясусь, и то, как он на меня смотрит, не очень

меня успокаивает.

– Я никогда бы не подумал, что ты стеснительная, – одной рукой он расстегивает мне лифчик.

– Я *не* стеснительная, – отвечаю я, заикаясь.

Картер улыбается, пока его руки скользят по моей талии. На мне мои любимые сиреневые трусики. Он медленно тянет за завязки. Когда они падают на пол, он всасывает мою нижнюю губу и кусает её. Меня начинает трясти еще сильнее.

– Это нормально – быть уязвимым, – Картер отпускает мою губу и целует меня до потери сознания. Мне уже кажется, что все

поплыло.

Следующее, что я помню так это то, что он берет меня на руки и усаживает на кушетку. Я все еще в трансе и только и могу делать, что смотреть на него, пока он дает мне указания: «Положи свою правую руку так, а свою левую вот так».

Картер качает головой и сам берет мою правую руку и заставляет подпереть ею голову, а левую кладет на подушку. Он распускает мои волосы, чтобы они струились по моим плечам. Потом он заставляет меня положить ногу на ногу.

— Я обожаю твои губы... — он прижимает палец к моим губам. —

Это первое, что я заметил в тебе.

Картер поправляет несколько локонов моих волос.

— Ты безумно красива, — он целует меня еще раз и направляется к холсту. — Пиздец как красива... Идеальна.

Еще немного и моё сердце выскочит из груди. Я не привыкла к такому отношению. Я настолько загипнотизирована, что ничего не могу поделать.

Наблюдаю, как он пододвигает к холсту свой стул и подносит ко рту одну из кистей. Он смотрит мне прямо в глаза и медленно облизывает её, позволяя мне рассмотреть его

ЯЗЫК.

– Эмерланд, сиди смирно, – говорит он, и я гадаю, покраснела ли я полностью.

Конечно, я и раньше раздевалась перед парнями, но данный момент кажется настолько интимным, что я не могу перестать трястись.

– Эмерланд... – он оставляет кисть. – Сиди *спокойно*.

Моргаю, стараясь представить, что он просто обычный мужчина, один из моих спонсоров, которого я использую, чтобы добиться желаемого, но у меня ничего не получается. Дрожь не унимается и

сердце бьётся так громко, что я почти уверена, что и Картер это слышит.

Картер качает головой и, вздыхая, встает. Он подходит ко мне и помогает сесть, чтобы самому сесть рядом. Он запускает руку в мои волосы.

— Я не знаю, как относиться к тому, что ты нервничаешь, — он улыбается.

— Я *не* нервничаю... — я прикусываю язык, когда он касается своими губами моего соска и втягивает его.

— *Нервничаешь*, — он легко целует мою вторую грудь. — Почему?

Я молчу, не имея понятия, почему так нервничаю.

Начинаю гадать, что бы такого обидного ему ответить, чтобы он думал, что у меня всегда есть куча таких же остроумных ответов в запасе, но не успеваю. Он целует меня. Не отрывая своих губ, он заставляет меня лечь и медленно ложится сверху. На какое-то мгновение он отрывается от моих губ, чтобы снять рубашку, и тут же снова целует меня. Со стоном, я запускаю руки в его волосы, когда он начинает целовать мою грудь.

— Презервативы... — я закрываю глаза и шепчу. — Я... —не могу

сосредоточиться, когда его язык начинает играть с моим пупком, — они в моей сумочке... На столе.

Он продолжает целовать мой пупок. Я открываю глаза, надеясь, что он поспешит в другую комнату за моей сумочкой. Только этого не происходит. Картер садится и смотрит мне в глаза, наблюдая, как я задыхаюсь и дрожу в предвкушении.

— Ты пойдешь за ними? — я сбита с толку.

Он качает головой.

— *Нет*, — он берет меня за ноги и поднимает их себе на плечи.

Он смотрит мне в глаза и целует внутреннюю сторону бедра.

Картер медленно продолжает целовать, направляясь к моему клитору. Берет меня за бедра и его язык проникает в меня. Он продолжает ласкать меня языком, проникая внутрь и лаская клитор круговыми движениями.

Я стону, когда он засовывает один палец в меня, проникая глубже.

— *Картер... Пожалуйста... Остановись...* — я резко вдыхаю, когда вместо одного, он проникает в меня двумя пальцами, продолжая всасывать мои мокрые губы в свой рот, целуя их с такой же страстью, как целует меня.

Я стискиваю одну из лежащих

на кушетке подушек, , чуть не порвав её, а Картер продолжает игнорировать мои просьбы.

Я извиваюсь под его ласками, кричу и прошу прекратить трахать меня, чтоб его язык перестал мучать мой разбухший клитор. Каждый раз, когда я выгибаюсь, он еще сильнее удерживает меня и его ласки становятся интенсивнее.

– Подожди... Стой... Я сейчас кончу... – я хочу отодвинуться от него, пытаюсь схватить его голову и оттолкнуть, но Картер продолжает трахать меня языком, и я не могу сдержать дрожь.

Невольно отпускаю его, и меня

захлестывает один из самых интенсивных оргазмов, который когда-либо был у меня. Меня накрывает снова и снова. Я кричу от удовольствия и не могу остановиться, такого со мной никогда не было.

Когда я прихожу в себя, осознаю, что нахожусь в ванной. Я сижу у Картера между ног. Душ включен, Картер пенит шампунь в моих волосах, а сам целует мои плечи. Несмотря на то, что я сижу спиной к нему, я могу представить выражение его лица на данный момент.

– Ты в курсе, как ты прекрасна,

когда кончаешь? — шепчет он мне.

Я моргаю.

— И ты безумно сексуальна, когда стесняешься, — он целует мою спину. — Но мне вообще-то нравится, когда ты разговариваешь. Может, скажешь мне что-нибудь?

Я качаю головой, а он смеется.

— Это было так ужасно?

Я бормочу что-то нечленораздельное, на что Картер снова смеется.

Я понятия не имею, сколько времени мы проводим в ванной. Я не чувствую разницы между его поцелуями и тем, что он купает меня. Потом мы в его постели.

Обнимаемся. И мне это нравится.

В прошлом, при одной только мысли о том, что я буду с кем-то засыпать в одной постели, меня бросало в дрожь. Но сейчас мне хочется, чтобы Картер никогда меня не отпускал.

– Ты уже спишь? – шепчет он.

– Нет...

– Супер, – он переворачивается так, что я оказываюсь сверху. Он дует, чтобы убрать локон упавший мне на лицо. – Расскажи мне что-нибудь личное.

– Что, например?

– То, что ты никому не рассказывала.

– Что-то хорошее или плохое?

– Что-то, что буду знать только

я.

– Хорошо, – я вздыхаю, раздумывая, можно ли ему рассказать первое, что пришло мне в голову. – Я однажды переспала с женатым мужчиной...

Он медленно кивает и прижимает мою голову к своей груди.

– Как это случилось?

– *Как?* Ты не хочешь узнать *почему?*

– Нет. Спрашивая *почему*, подразумевается, что я осуждаю тебя. Вопрос *как*, подразумевает, что я хочу

понять.

– Ах... В общем, я пыталась быть как... – я делаю паузу, – моя мама работала в эскорте. У неё была неплохая карьера. Для меня она была примером для подражания, я хотела быть такой, как она.

Он гладит мою спину. Я закрываю глаза, вспоминая.

– Это был друг одного из её клиентов. Он приехал в город неожиданно, и она попросила развлечь его, пока она будет занята с другим клиентом. Ещё она сказала мне, что он очень богат и будет очень щедрым, если я...ну ты понимаешь. Ну, я с ним переспала, и это не было

уж очень противно. Мне даже *понравилось*. Но когда он достал свой бумажник, чтобы расплатиться, я увидела там фотографию его семьи. У него была жена, два сына и дочь, примерно моего возраста... Мне было так стыдно, так неудобно перед его женой. Когда мама застала меня блующей в туалете, я все рассказала ей. Я думала, что она понятия не имела, что он женат. Надеюсь, она предложит мне выпить, и мы бы измазали грязью этого козла, чтобы мне стало легче. Но все что она сказала так это то, что это в порядке вещей, *большинство* её клиентов были женаты... Все еще уверен, что

сейчас ты не хочешь заменить *как* на *почему*?

– Да.

Я лежала молча и гадала, не рассказала ли слишком много.

– Ты рассказывала это кому-то из своих друзей?

– Мне некому было рассказать. Ценность друзей *преувеличенна*.

– Сколько тебе было лет? – он продолжал гладить меня.

– Семнадцать... Не хочешь узнать, со сколькими мужчинами я переспала?

– Нет.

– Почему?

– Мне плевать, – он проводит

пальцами вдоль моего позвоночника.
— И это не имеет значения.

— Пять.

Он тихо смеется.

— Эмерланд, это неважно.

— Я просто хотела, чтоб ты
знал. На всякий случай...

— На какой такой *случай*?

— Ну, если ты захочешь это
закончить, прямо сейчас.

Он поднимает мое лицо к
своему и шепчет:

— Пятнадцать.

— *Пятнадцать?!*

— Ты *осуждаешь* меня?

— Черт, да, это много, — я
смеюсь вместе с ним, пока мы оба не

устаем смеяться.

Когда мы успокаиваемся, я целую его.

– Спасибо, – шепчу я.

– За что?

– За *как*, вместо *почему*...

Он улыбается и обнимает меня так, что я оказываюсь сбоку.

– Тебе надо выспаться.

– Может, сначала расскажешь мне что-нибудь личное? Например, почему ты не работаешь?

– Я работаю, – он смеется и сильнее прижимает меня к себе. – Но это не личное, это никак не связано с тобой.

– Хорошо, расскажи мне что-

нибудь, что касается меня.

– Несмотря на мои слова на озере, ты первая девушка, с которой я не переспал в первый же день нашего знакомства.

– Это *хорошо*?

– Да, – Картер целует меня в шею, – это *очень* хорошо.

Глава 13

– Ты до сих пор его не трахнула?! – голос Сары практически срывался. – Какого черта ты ждешь? Он *безумно* сексуален!

– Я тут не причём. Мы почти сделали это, но не до конца.

– Он уже пробовал тебя на вкус?

– *Что?!*

– Я что должна выражаться более конкретно? – она закатила глаза. – Он уже делал тебе куниллингус, языком зарываясь в твою вагину? Он уже заставил тебя кончить своим языком?

Я встала, увидев машину Картера заезжающую. на стоянку и

рассмеялась.

– Да, *несколько* раз.

– Это из-за этого твои выступления стали такими офигенными в последнее время? Он настолько хорош?

– До завтра, *Искорка*, – я приложила палец к губам, прося её жестом заткнуться, так как Картер уже был около нас и открывал мне дверь.

– Эмерланд, – он поцеловал меня в губы.

– Пока, Рэйвен! – закричала Сара. – Желаю, чтоб сегодня вечером Картер снова оттрахал тебя языком!

Моя челюсть отвисла и я

покраснела как рак, когда Картер закрыл дверь.

Я показала Саре в окно средний палец, но она сделала то же самое, и я прочитала по губам: «Я люблю тебя».

Пока мы ехали, я старалась смотреть в окно, надеясь, что он никак не прокомментирует слова Сары. Пока, как мы проезжали первый округ, он положил руку на моё бедро и позвал по имени. Я молчала.

– Эмерланд? – мне не нужно было смотреть на него, чтобы знать, что он улыбался.

– Да?

– Как прошел день?

– Супер.

– Произошло что-то

интересное?

– Нет.

– Неужели главным событием сегодняшнего дня было то, что ты рассказала своей подруге, что я оттрахал тебя языком?

– Это не было главным событием дня, – я повернулась посмотреть на него, хотя прекрасно знала, что покраснела. – Не льсти себе.

– Я и не пытаюсь, – Картер ухмыльнулся, – просто гадал, что мне надо такого сказать, чтобы ты

наконец-то посмотрела на меня. У меня такое ощущение, что последние сорок минут я еду один в машине.

– Прости.

– Все хорошо. Серьезно, как прошел твой день? – он поцеловал меня.

– Ничего особенного, – мы стояли на светофоре, уже загорался зеленый, когда он попытался отодвинуться от меня, чтобы переключить передачу. Я положила свою руку на рычаг. – Можно я расскажу тебе что-то личное?

– Прямой сейчас?

Я кивнула. Картер посмотрел в зеркало заднего вида. Его машина

была единственной на дороге, поэтому он переключил передачу на нейтральную.

— Я тебя слушаю.

— Я думаю, что ты мне действительно нравишься.

— Ты сказала что-то *личное*, а не что-то очевидное.

— Нет, — я покачала головой, — ты не понимаешь. Ты мне *нравишься*.

Он был в замешательстве.

— Мне раньше никто не *нравился*. Я всё время притворялась, чтобы использовать их или их связи. Я думала, что это нормально. Но с тобой, от тебя мне ничего не нужно, только *больше* тебя... Сколько себя

помню, я читала про такое в книгах, видела в фильмах. Думала, что такого не бывает на самом деле. Когда я наблюдала улыбающиеся и смеющиеся парочки, я думала, что они тоже притворяются и делают то, о чем читали в книгах. Мои мысли возвращаются к тебе в разное время дня, и мне очень хочется позвонить или написать тебе, но я не знаю правильно это или нет... Я иногда прыгаю как ребенок, когда ты ночью мне звонишь, действительно *прыгаю* и радуюсь, так как знаю, что мы будем разговаривать и смеяться часами. И я уверена, что постоянно улыбаюсь с того самого момента,

когда сажусь в твою машину, вне зависимости от того куда мы едем. Единственная мысль, которая заставляет меня снова улыбаться, когда ты уезжаешь так это то, что через несколько часов мы снова увидимся. Просто... Ты мне *действительно* нравишься, — я заставила себя остановиться.

Вся эта болтовня была настолько бессвязной и непоследовательной, что я была в шоке оттого, что Картер не смеялся надо мной.

Скорее всего, он так и делал про себя, придумывая, как сказать мне, что я определенно пациентка

психлечебницы и что мне следует купить проездной на автобус до конца лета, чтобы добираться на работу.

Так прошло несколько минут, он просто молча смотрел на меня. Я начала отворачиваться.

– Стой, – он погладил большим пальцем мои губы, – это все?

– Да. Ты думаешь, я сумасшедшая?

– Нет, – Картер коснулся своими губами моих. – Ты мне тоже *действительно* нравишься, – он снова поцеловал меня. – Я хочу, чтобы ты провела эту ночь со мной. Не хочу отвозить тебя домой.

Я кивнула, и он снова поцеловал меня так, что у меня перехватило дыхание. Я очень старалась дать ему понять, что он может овладеть мною прямо в машине, но он же джентльмен.

Пока мы мчались к нему домой, он сжимал мою руку, и в салоне раздавалась только тихая музыка радио.

Как только Картер помог мне выйти из машины, он начал меня целовать, а его руки жадно шарили по моему телу. Продолжая целоваться, мы ввалились в квартиру, чуть не уронив одну из его картин.

– Прости.

Он прижимал меня к стене, и я продолжала целовать его, как будто от этого зависела моя жизнь.

Картер не отреагировал на мои слова. Обнимая меня, он нашел молнию на моем платье. Так элегантно расстегнул его, совсем не так, как целовал меня.

– Сними, – сказал он, не переставая целовать меня, хотя сам не сдвинулся ни на сантиметр.

Я большим пальцем сдвинула лямку платья, и оно свободно упало на пол.

Его язык снова встретился с моим. Расстегнув его ремень, я

задохнулась, когда мои руки коснулись выпуклости его штанов. Я просунула пальцы в петли его джинс, но он схватил меня за руки и прижал их к стене над моей головой.

Целуя меня в шею, Картер сильнее сжал мои запястья.

— Насколько жестко?

— Что?

— Как жестко... — он начал целовать мою грудь, расстегивая лифчик зубами. — Насколько грубым я могу быть?

У меня не было слов.

— Ну... — он снял мой лифчик и отбросил его.

Отпустил мои запястья и

погладил меня по щеке.

– Как ты хочешь, чтоб я тебя трахнул, Эмерланд?

– Медленно... – это все, что я могла сказать.

– *Нежно?*

Я кивнула, у меня никогда не было такого секса. Я привыкла к жесткому сексу, и мне хотелось узнать разницу. Особенно с Картером.

Картер гладил мой живот, мои бедра, направляясь к низу моего живота, сорвал трусики. Меня начало трясти, точно так же, как в тот вечер, когда он хотел, чтобы я ему позировала. Он схватил меня за

плечи.

— Я буду нежным... —
прошептал он, — но не буду
останавливаться.

Я задыхалась, а он улыбался. Взяв меня на руки, Картер отнес в ванную. Я не шевелилась, пока он снимал рубашку, вот и штаны упали на пол. Я уставилась на него, на его идеальный накачанный пресс, его ровные квадратики. Взгляд спускался всё ниже, и я почувствовала, как мои глаза расширились в удивлении от увиденного. Член Картера казался намного больше, когда он был вот так возбужден стоя прямо передо мной.

Я сделала шаг к нему, чтобы

потрогать, но Картер, включая теплую воду в душе, подтолкнул меня внутрь. Он снял резинку для волос с моего запястья.

— Собери волосы, — сказал он.

Я взяла резинку и собрала волосы в пучок высоко на макушке. Когда я закончила, Картер потрогал его, чтобы убедиться, что пучок не распустится. Он нежно начал целовать мое лицо, заставляя опереться на стенку душа. Он покрыл все мое лицо поцелуями, избегая моих губ.

— У тебя самые красивые глаза, которые я когда-либо видел... — шептал он, смотря мне в глаза.

Я кивнула и поблагодарила, он снова улыбнулся.

— Это вторая вещь, которую я заметил, впервые увидев тебя, — он нагнулся ближе к моим губам, но не коснулся их. — Они великолепны, когда я заставляю тебя кончать... В этот раз я увижу твоё лицо.

Когда он, наконец, меня поцеловал, я почувствовала, как затряслись мои колени. Картер целовал меня нежно и так тщательно, что не пропустил ни один уголок моего рта.

— Закинь ногу мне на талию, — тихо сказал он, но я не двигалась.

Его член уперся мне в живот, и

я перестала соображать, когда он посмотрел на меня своим «Ты моя» взглядом.

– Эмерланд, – прошептал он. Он покачал головой, и взял мою задницу в свои ладони, – закинь мне ногу на талию. Прямо сейчас.

Я медленно подняла ногу, но я не успела закинуть её ему на талию. Он схватил меня за ногу и вошел.

– Аххх... – выдохнула я, закрыв глаза, пока мое тело привыкало к нему внутри меня.

Картер медленно входил все глубже и глубже. И когда я уже думала, что он полностью заполнил меня, он вошел еще глубже.

– *Картер...*

– Шшш, – он подтянул мою ногу на своей талии и сжал мою задницу, – не двигайся. Мне всё время будет тебя мало... – он простонал, – пиздец как хорошо.

– Я... – моё тело дрожало, все еще привыкая к его размеру.

Я откинула голову назад, ударившись о стенку. Картер поцеловал меня в основание шеи.

– Подними вторую ногу.

Мои глаза расширились от удивления. Он улыбнулся, заметив моё замешательство.

Не выходя из меня, Картер нагнулся и взял меня за вторую ногу.

Он поднял её, и я послушно обвила его талию своими ногами.

Вода стекала по нам, и стеклянные стенки душа были уже запотевшими.

Не говоря ни слова, Картер дал мне понять очень многое, смотря в мои глаза. Он взял меня за бедра и начал приподнимать и опускать.

Картер трахал меня медленно, так медленно, что я почти сошла с ума.

Хватаясь за его спину, впиваясь в нее ногтями, я опустила голову ему на плечо, стараясь сдерживать стоны.

— Эм... — прошептал он, — посмотри на меня...

Первый раз меня не разозлило то, что кто-то кроме Лии, называл меня *так*. Мне просто хотелось быть еще ближе к нему, чтоб он был еще глубже во мне.

— Это то, чего ты так хотела? — он поцеловал меня в шею.

— Да...

— Тебе *хорошо*?

Я стонала, закрыв глаза, а он начал ускорять темп.

— Я не слышу тебя...

— Да... Да, — я обвила свои ноги еще сильнее вокруг него.

Он прижал меня к стене, чтобы нагнуться и укусить мой сосок. Он так его сосал, что я начала кричать.

Мои ноги тряслись, и я понимала, что мы оба скоро кончим, но тут я почувствовала, что он взял меня за ногу.

— Что ты делаешь? — моё дыхание было сбито.

— Я сейчас кончу... — он попытался разогнуть мою ногу, но я только сильнее прижала его к себе.

— Кончай, — я посмотрела ему в глаза, давая понять, что он может кончить в меня, — я на таблетках...

Картер колебался всего лишь пол секунды. Потом он вошёл в меня в последний раз, и пока он грубо целовал меня, мы кончили вместе.

Меня все еще трясло, я шептала

его имя, а Картер крепко обнимал меня, называя по имени. Я целовала его в подбородок и улыбалась. Хотелось что-то сказать, но у меня не было сил.

Когда я, наконец, пришла в себя, он помог мне разжать ноги и встать на пол. Картер молча взял полотенце и вытер меня между ног.

Он медленно мыл меня, не пропуская ни сантиметра. Картер наверно заметил, что мне трудно было стоять самой, поэтому поддерживал меня одной рукой за талию, пока мылся сам.

После взял меня на руки и отнес в спальню.

– Обопрись о стену, – он подождал, пока я положу руки на стенку и начал вытирать полотенцем.
– Всё в порядке?

Я кивнула.

– Хорошо.

Картер положил меня на кровать лицом вниз, и я почувствовала, как он тоже забрался на кровать около меня. Я подумала, что он обнимет меня, и мы будем так лежать вместе и обниматься. Но он навис надо мной и начал целовать мою спину.

– Мы еще не закончили... – Картер раздвинул мне ноги и приподнял мой зад.

Очень медленно вошел в меня, хватая за волосы на затылке.

– Ты всё ещё хочешь, чтобы я был нежен? – спросил он.

– *Пожалуйста...* – кивнула я, почувствовав, как он тянет меня за волосы.

Он тянул меня за волосы до тех пор, пока это было возможно, и я полностью закинула голову назад. Затем он начал двигаться.

– Ты даже не представляешь... – шептал Картер, входя и выходя из меня, – какая ты красивая...

– *Аххх... Картер...*

Он отпустил мои волосы и схватил меня за талию, снова говоря

мне, какая я красивая. Когда он нашел тот ритм, медленный и неагрессивный, который мне так нравится, он простонал.

— Эмерланд...

Ком в моем горле не давал мне сказать ни слова. Он входил в меня и доставал до таких мест, о существовании которых я даже не подозревала.

Когда одна его рука протиснулась и схватила меня за грудь, я прикусила губу.

— Эмерланд, — Картер назвал меня по имени, и я чувствовала, что скоро кончу опять.

— Я...

«*Я вот-вот кончу*», — только и смогла подумать я.

— Кончай... — он поцеловал мой желобок на спине и резко вошел в меня, заставляя все мои внутренности сотрясаться от экстаза.

В бессилии я опустилась на кровать, а Картер обнял меня, шепча моё имя.

Мы лежали так некоторое время, он на мне, а я под ним. Вздохнув, Картер вышел из меня. Перекатился и обнял меня, притянув к себе.

— Ты устала? — он посмотрел мне в глаза.

Я кивнула и почувствовала телом, что его член всё ещё был

возбужден.

— Я хочу тебя кое о чем спросить, — сказал он. — Чего ты хочешь?

— В каком смысле?

— Ну, я уверен, что ты не хочешь вечно работать в «Фениксе». Так какие у тебя планы?

— Обещаешь не смеяться?

— Обещаю.

— Ладно... — я засомневалась, ведь раньше никому не рассказывала о своих мечтах и планах. А с другой стороны, до этого меня об этом никто не спрашивал.

— Каждое утро я заставляю себя написать пару сотен слов для новой

книги. Я делаю это уже на протяжении нескольких лет, останавливаясь и вновь начиная, книгу за книгой. Каждый раз я посылаю черновики первых глав новой книги в какую-нибудь редакцию и получаю отказ. Но я уверена, что книга, которую я пишу сейчас, это и есть та самая, ну ты понимаешь? Мне кажется, что это что-то особенное... Я уже начала рассылать письма в некоторые агентства в Нью-Йорке. В конце лета у меня будет достаточно денег, чтобы переехать туда и начать работать в одном из издательств.

— Ты оставишь меня в Алабаме

одного?

– Ты будешь приезжать в гости,
– я улыбнулась. – Больше всего на свете я хочу быть писательницей. Это единственное, что у меня хорошо получается, если не брать в расчет стриптиз.

– Тебе же еще осталось учиться два года в колледже?

– Вообще-то да... – я вздохнула.
– Скорее всего, мне придется взять несколько летних курсов, чтобы сдать все хвосты.

– Ты не хочешь вернуться в университет?

– Я *никогда* не вернусь в Нью-Йоркский университет, – даже

произносить вслух название университета было неприятно. — Когда я вернусь в Нью-Йорк, я буду обходить этот университетский городок миль за 10 (прим. переводчика: 16 км).

— Ты можешь поступить в любой другой университет.

— Это слишком дорого без стипендии, — я покачала головой, — мне придётся раздеваться еще как минимум год или два, чтобы хотя бы заплатить за образование в мед колледже.

— Ты должна дать мне что-нибудь прочесть.

— Нет уж.

– Нет уж? – Картер выглядел обиженным. – Почему нет?

– Потому что это личное.

– Как только ты опубликуешь что-то, это перестанет быть личным.

– Я подумаю над этим... – я улыбнулась, понимая, что он прав.

– Когда тебе завтра на работу?

– Я не пойду. Напишу владельцу клуба утром. Пора бы использовать пару больничных.

– Почему?

– Я не чувствую своих ног... Я практически уверена, что через 12 часов мне не станет лучше.

– Я хочу у тебя кое-что спросить, – засмеявшись, сказал

Картер.

– Можно я отвечу и засну?

– Зависит от твоего ответа, –

Картер гладил меня по спине. –

Когда ты в последний раз ходила на свидание?

– На прошлой неделе. С тобой, к озеру.

– Это не настоящее свидание. Я имею в виду *до* меня.

– А что значит *настоящее* свидание? – я пожала плечами. Мне вдруг стало обидно, что Картер не помнит, что я ему рассказала, что он не понял, что до него не было *никого*, – это когда Сказочный Принц приглашает меня поужинать и при

свете свечей притворяется, что я ему действительно нравлюсь? Или тогда, когда мы появляемся вместе *на людях*, и он находится рядом со мной и обнимает меня, чтобы все поняли что мы вместе? Считается ли свиданием, если мы всегда проводим время с его друзьями, и он никогда меня никуда не приглашает? Или если мы куда-то идем, только с одной целью – заняться сексом?

Картер посмотрел мне в глаза, и я могла с уверенностью сказать, что он сожалел о своем вопросе. Но было уже слишком поздно.

– Так как вечер у озера не считается... – я перевернулась,

отодвинувшись от него, чтобы он не увидел боль в моих глазах. — Я никогда не была достаточно хороша для кого-нибудь, чтобы меня пригласили на *настоящее* свидание.

Я зажмуриваю глаза, чувствуя, что он притянул меня к себе. Картер целовал меня, говоря, что не хотел обижать. Мне просто хотелось спать и видеть сон о том, что произошло до того, как он задал этот вопрос.

Утром я проснулась в постели одна.

Я почувствовала запах вафель и бекона из кухни. Медленно сев в постели и вытянув ноги, я улыбнулась тому, что после

вчерашнего они всё ещё тряслись, как я и думала.

Когда я зашла в ванную, я нашла новенькую розовую зубную щетку и записку на туалетном столике.

Эмерланд,

Если ты нашла это, а меня всё ещё нет, значит, я всё ещё в магазине.

P.S. Прости меня за вчерашний вопрос.

Картер

Я действительно забыла о вчерашнем вопросе. Особенно после того, как мы проснулись посреди

ночи и еще раз занялись сексом, потом *еще* раз. Но мне следует напомнить себе, что я на него обижена, если он начнет разговор на эту тему.

Я почистила зубы и пошла на кухню. Когда он посмотрел мне в глаза, я покраснела.

— Теперь ты всегда будешь краснеть? По поводу и без? — он улыбнулся и отодвинул мне стул у стойки.

— Мне просто стало плохо от запаха еды.

Он поцеловал меня в щеку и протянул тарелку с вафлями.

— Я приготовил двойную

порцию, на всякий случай, если это будет вкуснее, чем моя лазанья.

– Я уже говорила тебе, какой ты самоуверенный?

– Нет, но ты же знаешь, что у меня есть для этого все основания, – он сел напротив меня, бросая мне молчаливый вызов.

– Я в шоке, что тебя до сих пор еще не уволили с *работы*. Ты вообще ходишь на работу? Или ты безработный, просто скрываешь это? Откуда у тебя куча времени, чтобы проводить его со мной?

– Нет, – Картер ухмыльнулся.

– Я не встречаюсь с бомжами.

– Значит, мы *встречаемся*?

Я опустила глаза и сфокусировалась на том, чтобы есть вафли. Мне не удавалось сосредоточиться, когда он вот так вот мне улыбался, моё сердце начинало бешено стучать.

— Эмерланд, я хочу сегодня пригласить тебя на свидание, — Картер уже находился рядом со мной, заставив поднять подбородок. — Скажи «да».

— Это не прозвучало как вопрос.

— Представь, что это был вопрос.

— Ладно, — я скрестила руки, — это минимум, что ты можешь сделать

после того как обидел меня вчера. Я думаю....

— Я не хотел тебя обижать, — он дотронулся пальцами до моих губ, явно не понимая моего сарказма. — Я исправлюсь. Дай мне загладить свою вину.

Мне так и не представился шанс сказать Картеру, что это была шутка. Картер наклонился и зацеловал меня до потери сознания.

— Я отвезу тебя домой и заеду за тобой в шесть.

— Ты снова будешь вести себя как гребанный Сказочный принц?

— Да, — он улыбнулся, — я буду вести себя как гребанный Сказочный

принц.

Я наблюдала, как Картер отъезжал от моего дома. Быстро забежав в дом, я обняла Генри и Вирджинию, перед тем как поспешить в свою комнату.

– Дорогая, с тобой всё в порядке? – спросила Вирджиния, выгнув бровь.

– Совершенно.

Я улыбнулась и снова обняла их. Я была уже почти на 2 этаже, когда услышала шепот Генри.

– Ты думаешь, она пьяная?

Засмеявшись, я пошла в

ванную, принимать душ. Кажется, прошла целая вечность, прежде чем я выключила воду. Я никогда раньше такого не чувствовала и даже не знаю как это описать, но если б я могла сохранить это состояние, чтобы воспользоваться им, когда мне будет очень плохо, я бы это сделала.

В час пополудни я вышла из душа с красной и съезжившейся кожей, но я была слишком возбуждена, чтобы обращать на это внимание. У меня в распоряжении было пять часов, прежде чем Картер заедет за мной. Перебрав все платья, купленные этим летом, я поняла, что ни одно из них не годится для

«свидания».

Генри и Вирджиния не разрешат мне воспользоваться их машиной, чтобы поехать в магазин, да я не хотела, чтобы они таскались со мной, если кто-нибудь из них повез бы меня за покупками.

Внезапно завибрировал мой телефон, и я вздохнула, когда увидела имя, высветившееся на экране.

«Привет. Ты уже трахнула его? – спросила Сара».

«Нет. У тебя есть маленькое черное платье, чтобы одолжить мне? Он пригласил меня сегодня на свидание. Это моё первое свидание...»

«Ты действительно еще не трахнула его? Почему?»

«О, Боже. Да. Я трахнула его! Так у тебя есть платье или нет?»

«Буду у тебя дома через пятнадцать минут :-))»

Ровно через пятнадцать минут Сара ввалилась в мою комнату с пакетами из магазина.

– Почему твоя бабушка до сих пор думает, что я твой менеджер в закусочной из Талапасы? – она скрестила руки. – Если она еще раз предложит мне очередной метод, как сделать «наши яблочные пироги» вкуснее, я ей расскажу, чем я на самом деле зарабатываю себе на

ЖИЗНЬ.

– Ты не посмеешь.

– Ладно, я не сделаю этого, но если ты попробуешь оспорить мой выбор наряда на сегодня, я могу.

Сара жестом указала мне на кровать и разложила несколько платьев и пар туфель, чтобы я посмотрела. Она протянула мне черное платье на бретельках, с глубоким V-образным вырезом спереди и лакированные туфли бежевого цвета.

Я думала, что она тут же уйдет, но Сара не собиралась уходить. Включив мой утюжок для волос, она поинтересовалась, какие прическу и

макияж мне сделать. Я ответила, что могу все сделать сама, но она настаивала.

— Друзья не позволяют своим друзьям делать прическу и макияж самим в день их первого важного свидания, — сказала она, проводя расческой по моим волосам, — ты была на выпускном вечере в средней школе?

— Нет. Не было настроения идти.

— Почему?

— У всех была пара, а я была новенькая и ни с кем не знакома, так что я не видела в этом смысла, — я пожала плечами.

– Если бы мы уже тогда были друзьями, мы могли бы пойти вместе. У меня тоже не было пары.

– Никто не пригласил *тебя* на школьный бал? Я не верю в это.

– У меня была челка и брекетты,
– Сара засмеялась, – поверь мне.

– О... А у тебя когда-нибудь было настоящее свидание?

– Неа, – она зацепила заколкой-невидимкой мои локоны, – это в первый раз, когда у кого-то из моих друзей первое свидание. Поэтому я так стараюсь тебе помочь.

Когда наши глаза встретились в зеркале, мне неожиданно захотелось вернуться в прошлое, чтобы не

отшить её в средней школе, мне захотелось, чтобы я уже тогда знала, что иметь «друзей» это нормально.

Несколько следующих часов Сара укладывала мои волосы и старалась сделать мне идеальный макияж. Она закончила в 5:45, и я не узнала себя в зеркале.

Девушка, которая смотрела на меня из зеркала, выглядела более утонченной, чем я когда-либо была в жизни.

Мои волосы спадали копной локонов на левое плечо, едва доходя мне до груди. Блестящие бронзовые тени удачно оттеняли мои зеленые глаза, заставляя их сиять еще ярче.

Черное платье идеально облегало мои округлости, а V-образный вырез был достаточно низкий, чтобы заинтриговать, но не открыть при этом больше, чем стоит.

– Ну, как тебе? – Сара нанесла очередной слой блеска на мои губы.

– Идеально. Спасибо.

– Не надо меня обнимать.

– Я и не собиралась, – засмеявшись я стала помогать Саре собрать её вещи, – большое тебе спасибо.

– Обращайся в любой время. Надеюсь, когда-нибудь ты сделаешь то же самое для меня. Только мой парень будет *намного* сексуальнее,

чем твой, и я не буду ждать полгода, пока он трахнет меня.

– Жду не дождусь.

Я взяла одну из её сумок и открыла дверь, чтобы спуститься вместе с ней к её машине. Но Сара остановила меня.

– Уже почти шесть. Ты же не хочешь, чтобы Картер впервые увидел тебя такой красивой, пока ты таскаешь сумки? – она забрала у меня сумку. – Ты ведь завтра мне все расскажешь, правда?

– Первым делом.

Сара улыбнулась и спустилась вниз. Я вернулась в комнату и присела на кровать.

Ровно в шесть раздался звонок в дверь. Я слышала взволнованный голос Вирджинии, когда она открыла пришедшему дверь.

— Здравствуйте! Вы к кому?

Я не слышала, что он ей ответил, но была уверена, что его обаяние работает, так как следующие несколько минут до меня не доносилось ни звука и это притом, что рот у Вирджинии никогда не закрывался.

— Эмерланд! — позвала она меня. — Твой, мм... твой *парень* приехал, вы идете на свидание!

Парень?

Схватив свой клатч и сделав

глубокий вдох, перед тем как спуститься вниз, я решила, что мы с ним еще вернемся к обсуждению моего «парня».

Когда я вошла в гостиную, глаза Картера расширились от удивления, он медленно разглядывал меня с ног до головы. Он как будто не верил своим глазам.

У него в руках был букет красных роз, а у Вирджинии букет белых лилий, поменьше.

— Ты просто великолепна! — Вирджиния взяла меня за плечо, и покрутила меня. — Можно мне поговорить с тобой? — она затащила меня на кухню, не дожидаясь ответа.

– Что-то случилось?

– Нет, все хорошо, – сказала она, – похоже, он хороший молодой человек, только истинный джентльмен приносит 2 букета цветов, когда приглашает девушку на свидание, – она улыбнулась, – я так понимаю, тебя не будет всю ночь?

– Скорее всего.

– Хорошо, ладно... – она вздохнула и открыла шкафчик, достав оттуда коричневую коробку. – Я не уверена, если Лия когда-либо говорила с тобой на *эту* тему.

О, Боже...

– Я прекрасно знаю, как сейчас проходят эти ваши свидания. Мы все

иногда оступаемся, но... Я хочу, чтобы ты была осторожна, — она достала три презерватива и дала их мне.

Я смотрела на них в ступоре, и тут до меня дошло, что на них написано: «Что бы сделал Иисус?»

С очень серьезным лицом Вирджиния посоветовала мне сделать «правильный» выбор и мы вернулись в гостиную.

Я так рада, что Генри нет дома, а то мне еще пришлось бы извиняться перед Картером и за его расспросы. Я посмотрела на Картера взглядом «валим отсюда», после чего он поблагодарил Вирджинию за то,

что «разрешила» нам пойти на свидание. Картер обнял её на прощание и, положив руку мне на талию, вывел меня из дома.

— Моей золушке, — он протянул мне цветы, перед тем как открыть для меня дверь машины.

— Ты не должен меня так называть.

— Садись в машину, пока я не отымел тебя прямо на ней.

Я улыбнулась и села в машину. Когда мы отъехали от дома, Картер засмеялся.

— Ты выглядишь потрясающе, — сказал он, положив руку мне на ногу.

— Спасибо, — я смотрела на

цветы, что лежали у меня на коленях,
— ты всегда приносишь цветы
девушкам, которых приглашаешь на
свидание?

— Нет.

— Почему?

— Цветы для особенных людей,
только для тех, кто мне
действительно небезразличен, —
Картер сделал паузу, — ты первая
кому я купил цветы.

В моем животе начали порхать
бабочки, и я прикусила язык, чтобы
не сболтнуть какую-нибудь глупость,
типа «Я хочу быть первой не только в
этом» или «Давай где-нибудь
остановимся, и ты меня трахнешь».

Ты уже сделал моё первое свидание незабываемым».

– Ты же отдаешь себе отчет, что иногда ты *вслух* озвучиваешь свои мысли? – Картер смотрел на меня, ухмыляясь.

Я была в шоке от того, что я действительно сказала это вслух. Я прикусила язык еще сильнее.

Картер сделал музыку громче, и мы медленно выехали из Блайта, направляясь в соседний городок Мобайл. Мы проезжали маленькие городки, расположенные на пути к заливу.

Я никогда не предполагала побывать здесь, особенно учитывая

то, что мне было не с кем. Но если б я знала, как здесь красиво, я бы приезжала сюда при любой возможности.

Плескающийся океан под мостом, по которому мы ехали, блеск заката, отражающийся в воде. Несколько чаек летали очень низко у нас над головами. Вдалеке была видна линия закусочных и отелей, окруженных белым песком.

Обнимаясь и целуясь, по берегу гуляли парочки, и я очень надеялась, что сегодня вечером я буду на их месте.

— Что-то не так? — Картер остановился перед маленьким

деревянным белым домиком.

– Нет. С чего ты взял...

Картер не дал мне договорить, он поцеловал меня так, что я начала задыхаться, когда он закончил.

– Я просто хотел убедиться, что твое первое свидание будет именно таким, как ты хочешь.

Я все еще пыталась восстановить дыхание, когда Картер открыл мне дверь. Зайдя в ресторан, Картер притянул меня ближе к себе, здороваясь с управляющей. Он не обращал никакого внимания на женщин, провожающих его взглядом и явно шепчущихся о нем.

Управляющая была

симпатичной блондинкой, она покраснела, пока провожала нас к нашему столику, находящемуся на террасе с видом на океан. Когда она спросила, если ему что-нибудь ещё нужно, Картер поцеловал меня, прежде чем ответить: «Нет, спасибо».

На столе горели кремовые свечи, и лежал еще один букет роз с моим именем.

Картер отодвинул мне стул, наблюдая за моей реакцией.

— Это замечательный вечер, — сказала я, — спасибо.

— Вечер еще не закончился, — одна из его бровей поднялась. — Мы

только что приехали.

— Я говорю это на всякий случай, если забуду сказать потом.

Картер улыбнулся и взяв мои руки в свои, нежно поглаживал костяшки моих пальцев.

Так как я не могла произнести вслух больше половины названий блюд, я положилась на вкус Картера для заказа. Ели мы молча, иногда перекидываясь фразами: «Как тебе твое блюдо?», «Хочешь попробовать моё?», «Какой красивый вид».

— Почему свечи горят только на нашем столе? — спросила я. — И почему на террасе больше никого нет? Они просто усадили нас за этот

столик, тогда как внутри полно мест?

— Я не понимаю о чем ты, — он отпил из своего стакана, что навело меня на еще одну мысль.

— В *таких* ресторанах подают очень хорошее вино. Тебе не кажется странным, что нам не предложили винную карту? Она просто принесла нам чай, даже не предложив ничего другого...

— Ты готова? — он улыбнулся и протянул руку, чтобы взять мою.

— Ты же не предупредил их заранее, что я алкоголичка?

Картер потянул меня за руку, заставляя встать из-за стола.

– Неужели ты думаешь, что я мог бы такое сделать?

– Я надеюсь, что нет...

– Я *никогда* бы так не поступил, – он приподнял меня и поставил на песок по другую сторону ограждения.

Перепрыгнув через ограждение, Картер снял с меня мои туфли, спрятав их под пирсом. Он снял и спрятал и свои ботинки. Обнявшись, мы направились к воде.

Вода легонько касалась наших ног, и Картер нежно целовал меня в губы каждые несколько шагов. Когда мы дошли до более укромного уголка пляжа, Картер завел нас по бедра в

воду. Он целовал меня с каждым ударом волны.

– Я практически уверена, что Сказочный принц явно не целовал так много Золушку на первом свидании, – я улыбнулась, когда нас снова окатила волна.

– Мне перестать?

– Да, – я старалась, чтобы мой голос звучал серьезно, – твои поцелуи меня не волнуют. Они какие-то сдержанные.

Он взял меня на руки и начал целовать, шепча: «Еще раз совершь мне сегодня, и я заставлю тебя об этом пожалеть...»

– *Я ненавижу секс с тобой.*

Он ухмыльнулся и опустил меня на ноги.

– Потом не говори, что я тебя не предупреждал, – он легко потянул меня за локон волос, – ты будешь умолять меня, забыть твои слова.

Отвернувшись от него, я спрятала своё выражение лица, обняв его и прижавшись к его груди.

– Ты очень изменилась с тех пор, как мы познакомились с тобой, – сказал он, глядя меня по спине.

– Ты так говоришь только потому, что у нас был секс, при чем очень - очень *плохой*.

– Ты доиграешься, – Картер поднял меня так, что я ногами

обвила его талию, — и я не смогу продолжать вести себя как джентльмен.

— С чего ты взял, что я изменилась?

— Мне брать в расчет тот факт, что ты не перестаешь улыбаться с тех пор, как сегодня вечером села в мою машину? Или то, что ты *каждый раз* хихикаешь и улыбаешься, когда я за тобой заезжаю?

— Я в жизни не *хихикала*.

— В следующий раз, когда я заеду за тобой на работу, я запишу это на диктофон, — он поднял мой подбородок, — последнее время, ты улыбаешься, даже когда говоришь о

собраниях АА. Ты точно стала счастливее.

– Даже не думай записывать это на счет встреч АА, – нас снова обмыла волна, и я обняла его за шею, – единственное, что мне нравится на собраниях АА, это то, когда они *заканчиваются*. Это единственная причина, по которой я улыбаюсь. Не ходить на эти встречи – самое лучшее, что может быть в этом мире.

– Вообще-то, я думаю, что тебе они на самом деле нравятся, просто ты не хочешь это признать, – Картер нежно сжимал мою задницу. – Ты ненавидишь сам факт, того что тебя *заставили* посещать эти встречи, а не

сами встречи.

— Теперь ты работаешь психологом? Это то, чем ты занимаешься целыми днями? Сидишь и разглагольствуешь о всяком дерьме?

Картер закрыл мне рот поцелуем.

— Ты жалуешься, что все рассказывают свои истории и плачут. Но ты знаешь, что у вас у всех есть сходства. Ты просто не хочешь это признавать, потому что считаешь, что это заставит тебя выглядеть слабой.

— Это не правда.

Но, это действительно заставит

меня выглядеть слабой.

Он не ответил. Картер просто смотрел мне в глаза, молча давая понять, что я могу быть с ним откровенной.

– Я всё равно не собираюсь рассказывать им о себе. Я до сих пор обходилась без этого, так что...

– *Что?*

– На этой неделе у меня в два раза больше встреч АА, так что я не смогу остаться у тебя до воскресенья.

– Эмерланд...

– Ты представляешь, мне надо там быть каждый день в 6 утра? Это значит, что у меня только пять часов на сон после работы и я...

– Эмерланд, – шепчет он, – я не осуждаю тебя.

– Тогда, почему же у меня такое чувство, что осуждаешь?

– Не знаю, – волна ударяет сильнее, и он сильнее прижимает меня к себе, – я хочу только для тебя самого лучшего.

– Это значит, что в воскресенье я могу остаться у тебя после работы?

– Нет.

– Почему нет?

Он прижал меня и вынес из воды на берег.

– Твои друзья планируют сделать тебе сюрприз после того как ты в воскресенье закончишь работу.

– *Что?* Скажи мне, что это шутка, – я ненавижу сюрпризы, – ты должен мне рассказать, что они планируют. Я не люблю такие вещи.

– Ты серьезно?

– Пожалуйста.

Картер вздохнул.

– Это просто пирожные и пиво, точнее детское пиво, чтобы начать считать оставшиеся дни терапии. Остался всего 21 день.

– Кто придумал это?

– *Искорка и Робин.*

– И когда они тебе об этом сказали?

– В начале этой недели, – Картер поставил меня на песок, –

почему тебя это огорчило?

– Нет, не огорчило. Просто... – у меня непривычно защемило сердце, и очень захотелось сменить тему. – Ты не представляешь, какой я была одинокой до этого лета. В моём телефоне всего два номера: Генри и Вирджинии. Единственные люди, с которыми я разговаривала, это выдуманные персонажи в моей голове. Но сейчас люди хотят со мной разговаривать, они просто вваливаются ко мне домой, как к себе приезжая просто пообщаться. Я понимаю, что это кажется нормально, но это пиздец как необычно для меня, со мной такого

раньше никогда не было, — я вздохнула. — С другой стороны, я не знаю как себя вести. Уверена, что обязательно сделаю что-нибудь, что испортит все это. Я знаю это.

— Я не позволю этому случиться, — Картер взял меня за руку и мы снова пошли гулять по берегу.

Я натянуто улыбалась, потому что знала, что, несмотря на то, что была на седьмом небе от счастья, я в любом случае облажаюсь — это неизбежно. Ничто хорошее долго не длится в моей жизни и, так как последнее время все слишком хорошо, я чувствовала, что скоро должно произойти что-то плохое.

Когда мы подошли к пирсу, и я нагнулась за туфлями, Картер схватил меня за талию и прижал к мерцающему столбу.

– Ты *ненавидишь* секс со мной?

– Что?

– У нас был «очень - *очень* плохой» секс и сдержанные поцелуи?

– его рука скользнула под мое платье.

– И мои поцелуи тебя не волнуют?

– Я такого никогда не говорила.

– Ты сказала, – он расстегнул свои джинсы, – и этим ты задела меня за живое.

– Ты смеешься надо мной?

– Конечно, нет, – Картер сдвинул мои трусики и коленом

заставил меня раздвинуть бедра шире.

– Здесь? Сейчас? – шептала я, оглядываясь по сторонам, замечая, что на пляже стало безлюдно.

– Да, – он вошел в меня, ухмыляясь. – И я не собираюсь быть *нежным*.

Глава 14

Картер забыл упомянуть, что моя вечеринка-сюрприз по поводу окончания терапии будет проходить

на городской ярмарке. Он вообще забыл мне много чего рассказать...

Перед тем как привезти меня на летнее событие номер один в Блайте, он отвез меня в спа-салон, находящийся в соседнем округе, на массаж. Просто так, без какой-либо причины.

Последнее время он вообще много чего делал просто так - на моем крыльце появлялись мои любимые книги с автографами авторов, он мне дарил кисточки для рисования с записками «попробуй еще», и при любой возможности приглашал меня поужинать в ресторане.

Он больше не отвозил меня в закусочную после работы, если я голодна. Он привозил с собой что-нибудь мне перекусить, пока мы ехали в какой-то ресторан, и всегда обнимал меня, когда мы заходили внутрь, при этом сам оплачивал счет.

Я всё ждала, когда Картер позвонит и захочет расстаться со мной, сказав, что наши отношения его больше не устраивают, но время шло, а его привязанность ко мне похоже только увеличивалась.

— Остался 21 день! — выкрикивали мои друзья тост, вырвав меня из моих мыслей.

Робин, Сара и еще несколько

девочек из клуба вместе с Картером держали в руках бенгальские огни на темной стоянке. Они ждали, пока я задувала свечи на торте.

Я засмеялась, когда рассмотрела его. Он был сделан в форме бутылки для воды, с зеленой надписью: «21 день? Нашей Королеве Сучек все по зубам!».

Я задула 21 свечку под шумные аплодисменты, и Картер притянул меня к себе, чтобы обнять.

– Кто-то хочет торт? – спросила Сара, размахивая пластиковым ножиком, – или поедим потом?

– Потом, – решили все единогласно.

Сара пожала плечами и поставила торт обратно в коробку, на переднее сидение машины.

— Тогда идем развлекаться?

Эмерланд, ты должна покататься на чертовом колесе со мной. Если, конечно, твой парень не возражает, — она закатила глаза, а Картер засмеялся.

Когда Сара и Робин ушли вперед, встали в очередь, и все пошли за ними, я посмотрела на Картера.

— Я не хочу на ярмарку. Я хочу заняться с тобой сексом.

— *Что?*

— Ты слышал, что я сказала.

– Ты считаешь, что мы должны заниматься сексом при *каждой* встрече?

– Да.

С нашего первого раза не проходило и дня, чтобы мы не занимались сексом, и если он думал отказать мне сегодня, я уложила бы его прямо перед всеми.

– Ты не можешь подождать немного, пока мы прокатимся на нескольких каруселях?

– Нет. Я думала, мы будем праздновать у тебя дома.

– И что бы ты сделала, если бы это было так?

– Я предложила бы им уйти

сразу после того, как мы разрезали бы торт.

– Ты бы выставила людей из *моей* квартиры?

– Я ждала этого весь день, – я старалась не выглядеть зависимой. Но я практически подсела на секс с ним. – Я никогда не нуждалась в сексе – вообще, но с тобой, это всё о чем я думаю последнее время... У меня такое ощущение, что это больше, чем секс.

Черт...

Картер улыбался, однако не отреагировал на мою тираду.

– Я не собираюсь *умолять* тебя, Картер, – по крайней мере, я

надеялась, что нет, — мы можем вернуться в машину на 20 минут?

— *Двадцать минут?*

— Десять?

— Мне нужно намного больше времени.

— Это значит да?

Он снова засмеялся, взял меня за руку, и мы пошли к машине.

— Наверно мы уже не вернемся...

Глава 15

Это был мой последний день терапии, и я не могла дождаться, когда он закончится. Я так была этому рада, мне было плевать на то, что офицер по условному освобождению появился передо мной, как только я вошла в здание, и даже на то, что он всунул мне контейнер для мочи и потребовал, чтобы я наполнила его за пару минут до начала собрания АА.

Он сказал, что, раз это последняя проверка, ему хотелось, чтобы его появление было «эпическим».

— Ну, ну, — сказал он, когда я вышла из туалета, — будущая

преступница снова чиста.

— Прости, что не дала тебе повода утащить меня в наручниках, как ты и мечтал, — я закатила глаза.

— Ничего подобного, будущая преступница, — он протянул мне табель, подтверждающий все мои отрицательные результаты во время выборочных проверок. — Я горжусь тобой. Между нами говоря, я уверен, что тебе *нравились* мои визиты к тебе. Ты *хотела* этого.

Я не ответила ему.

— И это хорошо, Мисс Андерсон, — тот факт, что он назвал меня по имени, заставил меня взглянуть на него, — это всего лишь

означает, что ты не такая ужасная, как тебе кажется. Можешь сделать мне одолжение?

— Зависит от одолжения.

— Я знаю, что начиная с завтрашнего дня, ты больше не обязана посещать эти встречи. Но я хотел бы, чтобы ты приходила сюда хотя бы раз в неделю. Если не ради себя, то ради меня или ради кого-нибудь другого. Никто не должен проходить через такое дерьмо один, — он быстро меня обнял, шепча мне на ухо. — Надеюсь, я тебя больше не увижу.

Я засмеялась, крича ему в след:

— Ты зарабатываешь на жизнь

тем, что целый день носишь с собой мочу!

Уже подойдя к двери, он показал мне средний палец и улыбнулся.

Ко мне подошел Тим.

– Эмерланд, у нас все готово к сегодняшней встрече?

– Ага.

– Ну, спасибо, – он вздохнул, – ты первый человек на моей практике, который прошел терапию, так и не рассказав о себе.

– Мне дадут за это медаль?

Тим закатил глаза.

– Когда-нибудь ты сорвешься, Эм. И тогда...

– Э-мер-ланд, – оборвала я его.

– Э-мер-ланд. Прости. Когда такое происходит, лучше находиться в кругу знакомых тебе людей. Я бы очень не хотел, чтобы ты снова сюда вернулась из-за нового постановления суда, так и не разобравшись, почему ты вообще сюда попала.

– Я собиралась рассказать сегодня, договорились? – я достала сложенный листок из кармана. – Я написала гребанную речь и все такое.

– Ты серьезно.

– К сожалению, да. Я расскажу о себе, но видимо ты предпочитаешь потратить весь день на то, чтобы

отчитывать меня.

Томи улыбнулся и жестом предложил мне войти в аудиторию первой.

Как всегда все уже сидели в кругу, потягивая кофе.

Мы произнесли наши аффирмации, и когда уже собрались писать в наших журналах «Что я узнал на этой неделе», Тим встал.

— Подождите, — начал он, — сегодня у нас будет необычное собрание. Как вы уже знаете, у нашего поставщика кофе сегодня последний день терапии. Поэтому она хочет вам кое-что сказать.

— *Что?*

– Давай, – он жестом попросил меня встать, а сам сел на свое место.

Я встала, оглядывая всех.

– В первую очередь, я бы хотела извиниться за то, что смеялась над всеми вами в течение последних 90 дней.

– Мы не видели, чтоб ты смеялась.

– Да, ты не смеялась.

– Когда это было?

– Я смеялась над *всеми вами*, – я вдохнула и посмотрела на женщину, развлекавшую меня больше всех, которая приносила на встречи своё детское одеяльце, – особенно над тобой. Ты пиздец как много плачешь.

Ты плакала, даже когда была не твоя очередь говорить, даже когда мы обсуждали такое простое дерьмо как, что мы делали на выходных, и ты всегда...

— *Эмерланд...* — Тим закатил глаза, — не отвлекайся от темы.

— Ну, да... ммм... — я покачала головой и подошла к подиуму, что находился в центре. — Давайте я начну все заново.

Я заметила, как все заерзали на стульях. Я никогда до этого не выступала на подиуме. Просто стоять и разговаривать - это удовольствие. Подиум же предназначался для более важных вещей, например,

выплеснуть все накопившиеся в тебе дерьмо, надеясь никогда больше его не переваривать.

Я сделала глубокий вдох и на несколько секунд зажмурила глаза, мысленно приободряя себя. Открыв глаза, я развернула листок и начала читать.

— Меня зовут Эмерланд Андерсон, — я сделала паузу, рассматривая красивый подчерк и идеально подобранные слова, которые ясно описывали моё поведение, но это всего лишь часть картины. Я скомкала листок.

— Меня зовут Эмерланд Андерсон и я не собираюсь вешать вам лапшу

на уши... Лишь несколько недель назад я осознала, что я — алкоголичка, и мне придется довольно туго, потому что я до сих пор просыпаюсь по утрам с мыслью о выпивке. Алкоголь мне *необходим*. На работе я каждый день поддаюсь соблазну выпить, и я действительно очень удивлена тем, что до сих пор не сделала и глоточка. Потому как это было бы очень легко сделать... Пиздец как легко... — в комнате тишина.

- Я начала пить очень рано, с моей мамой... Она была для меня *всем*. Даже когда она ничего не делала для меня, даже когда она

забывала о вещах важных для меня, она всё равно была моим миром. Я никогда не ставила под сомнение её действия. Ни тогда, когда она учила меня сворачивать косяки, ни когда учила пить шоты в четырнадцать. Я была всего лишь ребенком. Я ценила каждую секунду проведенного с ней времени и была рада, что она уделяет мне хоть немного своего внимания, — мне хотелось остановиться, как раз перед тем, как рассказать самую тяжелую для меня часть, но тут я вспомнила слова Картера о том, что меня никто не будет осуждать, поэтому я продолжила.

— С четырнадцати лет я уже и

вспомнить не могу то время, когда я *не* пила. Сначала, мне хватало одной-двух рюмок в день, бокал вина на ночь, чтобы выслушать её проблемы, чтобы она *выслушала* мои... — в моей памяти всплывали воспоминания о Лие на нашем диване, когда я снова и снова звонила в 911, потому что она не дышала, и я не могла нащупать её пульс.

— Я действительно не могу вспомнить ни одного раза, чтобы она просто проводила со мной время или уделяла мне внимание, и при этом мы бы *не* выпивали. Вплоть до этого лета я не понимала, но нас связывала только *выпивка*.

- Я уверена, что она любила меня, но... — я остановилась, не в состоянии закончить предложение, — когда она умерла, нет, не так. Когда она бросила меня, совершив самоубийство, только тогда я поняла, насколько одинока я была, лишь тогда осознала, что в моей жизни действительно больше никого нет. Поэтому я, при любой возможности, напивалась до беспамятства. Каждый раз, вспоминая о ней — я пила, это был её способ справляться с проблемами, и я думала, что мне это тоже поможет.

Я больше не находилась в комнате встреч АА. Комната была

темной, и единственным человеком в ней была Лия. Она смотрела на меня с безразличным выражением лица. Я знала, что это моё разыгравшееся воображение, но мне действительно казалось, что Лия находилась в зале и слушала все, о чем я говорю.

— Она говорила, что людям нельзя доверять, что они *ненадежные*, что каждые 8\$, потраченные на бутылку онемения и безболезненности стоят намного больше, чем любая дружба. После ее смерти, я начала пить ещё больше. Мне нужен был алкоголь, чтобы функционировать, чтобы дышать. Каждое утро, каждый вечер, каждый

день...

Последовав плохим советам, и живя в Универе в одной комнате с мстительной сучкой, я потеряла над собой контроль. Выпивая по любому поводу, я тратила каждый лишний доллар на новую бутылку.

В ночь аварии, когда меня арестовали, мне сказали, что уровень алкоголя в моей крови в пять раз превышает допустимый, и если бы я выпила еще пару шотов, я бы вероятно умерла. Наверно этого я и добивалась... — я вздохнула, но всё ещё не могла плакать. Вбитая привычка не распускать нюни была слишком устойчивой.

— Я думаю, моя мама действительно поспособствовала тому, какой ебнутой я стала на сегодняшний день, и хотя я всё ещё ненавижу её за то, что она оставила меня, я ни в чем ее не виню ... Она старалась, как могла, а теперь я буду стараться сама. Я постараюсь измениться...

Ну, вот... Это все, что я хотела сказать.

Я спустилась с подиума и села на своё место.

В зале повисло молчание, и я уже собиралась встать и уйти, потому что обычно мы аплодировали, когда кто-то что-то

рассказывал. Они должны были сказать мне, что все в порядке, что я хорошо справилась, но никто не проронил ни слова. Я просто впустую поделилась своей историей.

Я взяла свою сумку и повесив ее на плечо уже собираясь уйти, но тут я услышала, как Тим начал аплодировать. Его поддержал мужчина, сидящий справа от меня, затем женщина слева от меня.

Все в зале начали хлопать и подходить ко мне, чтобы обнять.

— Отъебитесь от меня, — говорила я, стараясь не улыбаться. — Я не люблю, когда меня обнимают... Нет, я серьезно, я не люблю

обниматься...

Глава 16

Я достала свои сбережения, что были спрятаны в секретном отделении моего комода. Благодаря

моей работе в
«Фениксе», после
выплаты за
фонарь и
дорожный знак,
оплаты услуг суда
и выкупа моей
машины у штата, у
меня осталось

ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ
долларов.

Я рассчитывала проработать в клубе еще неделю или две. Пришло время детально обдумать план переезда в Нью-Йорк.

Первый раз в жизни мне пришел положительный отзыв от редактора: «Я бы с удовольствием обсудил с Вами Вашу рукопись».

Это не гарантия, не обещание,
но и не отказ.

Я скрутила деньги и засунула их обратно в носок, когда раздался стук в дверь.

– Привет, Эмерланд, – в мою

комнату вошла Вирджиния.

– Привет. Как дела?

– Зачем ты снимаешь все эти письма с потолка? Я уже привыкла к ним.

– Просто так, – вру я.

Мне хотелось сказать ей, что больше не чувствую себя неудачницей и не хочу смотреть на доказательства того, какой несчастной я себя чувствовала несколько месяцев назад, но я молчу. Я и так слишком много о себе рассказала за последние несколько недель.

– Мы с Генри очень гордимся твоими достижениями этим летом, –

она обняла меня так сильно, что я не могла вздохнуть. — Очень, очень тобой гордимся.

— Я всего лишь прошла терапию, — ответила я, когда Верджиния отпустила меня.

— Нет, ты сделала намного больше. Ты смогла удержаться на работе больше, чем обычно, у тебя появились друзья, ты сама выплатила штрафы. Ты добилась *очень* многого, хотя так и не нашла времени, чтобы посетить церковь.

Я засмеялась.

— Ты можешь спуститься вниз? Мы с Генри хотим с тобой поговорить, — Вирджиния не дав мне

времени ответить, практически стащила меня вниз по лестнице.

– Вот и ты! – когда мы зашли в гостиную, Генри снял свои очки для чтения. – Присаживайся, Эмерланд.

Я переводила взгляд с Генри на Вирджинию, гадая, какого черта происходит. Единственный раз, когда они вот так со мной «говорили», пусть я и была пьяна, но точно помню, что «разговор» был не очень приятным.

Они посмотрели друг на друга и одновременно вздохнули.

– Я не уверен, знаешь ли ты, но все эти годы Лия звонила нам и оставляла голосовые сообщения... –

Генри чуть не плакал. — Она говорила, что мы никогда с тобой не познакомимся, и она никогда не позволит нам принимать участие в твоей жизни, — Вирджиния вытирала слезы, и Генри положил руку ей на плечо, — это был её способ, сделать нам ещё больнее. Лия знала насколько нам больно. Наверно с годами она начала осознавать, что больно не только нам, но и ей. Лия начала присылать нам твои фотографии, копии твоих оценок. Ты выросла, и она стала присылать нам копии твоих сочинений и рассказов.

Я почувствовала, ком

формирующийся в горле, но заставила себя сдержаться. Никогда бы не подумала, что Лия действительно читала что-нибудь из моих работ, и я бы ей никогда не поверила, если б она сказала мне, что отправляет их дедушке с бабушкой.

— Последние десять лет мы только так и общались. Никаких звонков или сообщений, только письма. Лия присылала нам твои работы, а мы писали, что получили и просили прислать еще, — Генри вытер слезу, — последнее письмо, которое она нам отправила, она написала сама.

Генри достал письмо из

нагрудного кармана и протянул мне. Оно было запечатано.

– Почему вы не открыли его?

– Письмо пришло с запиской.

Она отправила его за день до своей смерти. Она попросила отдать его тебе, следуя инструкциям.

– *Инструкциям?*

Генри плакал и улыбался одновременно.

– Она просила отдать его тебе, когда мы решим, что ты больше не злишься на неё.

Я пальцами гладила края конверта и качала головой. Лия никогда ничего не писала, кроме её предсмертной записки, и я не была

уверенна в том, что моё сердце выдержит это.

— Это всё, что вы хотели сказать? — мой голос срывался. — Я должна закончить уборку в комнате.

— Есть еще кое-что, — Вирджиния подошла ко мне и положила руку на плечо. — Мы знаем, что ты уже некоторое время планируешь уехать из Блайта и оставить нас.

Я почувствовала себя немного виноватой, когда она начала плакать.

— Нет. Я просто...

— Мы всё понимаем, — прервала меня она, — мы все прекрасно понимаем. Мы просто не хотим,

чтобы ты уезжала так скоро.

Взглянув на них, я увидела грусть в их глазах.

— Я буду приезжать на праздники, и звонить каждые выходные.

Вирджиния прижала палец к моим губам.

— Мы хотим, чтобы ты закончила колледж.

— Что?

— Мы заплатим за обучение, — сказал Генри. — У нас более чем достаточно средств, чтобы оплатить тебе колледж в университете штата — Университете Алабамы. Это недалеко от дома, и ты всегда

сможешь позвонить нам, если тебе плохо или просто пригласить нас к себе.

Я покачала головой, не веря своим ушам. Это совсем не то, что я ожидала. Совершенно.

— Ну, что ты думаешь? — в ожидании моего ответа, Вирджиния почти задержала дыхание. — Издательские дома в Нью-Йорке никуда не денутся. А у тебя всегда будет образование и профессия.

— В чем тут уловка?

— Никаких уловок, — Генри улыбался, — ну, может быть парочку...

— Например?

— Когда ты будешь учиться, будешь посещать АА, хотя бы в первый год обучения. Тебе надо будет звонить нам хотя бы раз в неделю, и высылать нам все свои работы.

— Это всё?

— Это всё.

— А вы не боитесь, что я просто спущу ваши деньги? Что я снова просто вылечу из колледжа?

— Не вылетишь, — Вирджиния гладила костяшки моих пальцев. — Мы уверены, что не вылетишь.

— Можно я обдумаю ваше предложение?

— Конечно, — она обняла меня, — мы верим в тебя, Эмерланд. Мы

всегда верили и будем в тебя верить.

Несмотря на то, что я очень старалась не плакать, слёзы текли по моим щекам.

— Дай нам знать, когда решишь, но очень скоро начинается осенний семестр.

Генри тоже нас обнял, и мы так все и стояли некоторое время.

После того, как мы закончили обниматься, Вирджиния приготовила ужин и показала мне, как готовить простейшие пирожные. Потом она показала как печь ее сдобные печенья. Когда я сожгла первую партию, она рассмеялась и сказала, что я точно дочь Лии.

Я поднялась наверх, прихватив с собой пирожных, которые испекла Вирджиния и плюхнулась на кровать. Я достала письмо Лии из кармана и долго смотрела на него.

Она даже не подписала письмо. Конверт вообще был без каких-либо пометок, кроме коричневого пятна, и я была уверена, что это пятно от рома.

Мне очень хотелось разорвать письмо на мелкие кусочки и спустить в унитаз, как я сделала с предыдущим письмом. Мне хотелось оставить воспоминания о Лии неизменными. Мне не нужна была причина для расстройства, особенно

когда я так хорошо себя чувствовала.

Я швырнула письмо на пол, где оно оставалось некоторое время, потом я подняла его и быстро открыла, разорвав конверт.

Дорогая Эм,

Я пишу тебе это письмо, так как у меня мало времени, и я не уверена, удастся ли мне осуществить задуманное, но в любом случае я хочу, чтобы ты знала что, что бы со мной не случилось, я люблю тебя.

Я. Пиздец. Как. Тебя. Люблю.

Я очень надеюсь, что ты

читаешь это письмо много лет спустя. Если же это не так, я все равно понимаю причины такого решения...

Мне нужно, чтобы ты знала, что я ВСЕГДА гордилась тобой. Ты такая умная, сообразительная, ты во всем противоположность мне.

Это прозвучит как безумие, Эм, но иногда ты пугаешь меня... Ты приходишь домой и рассказываешь мне об этих замечательных вещах, которые делаешь, и все эти колледжи, которые практически умоляют тебя стать их студенткой. И я просто в шоке насколько я рада за тебя. Но, где-то глубоко, я

задумываюсь, может это твой способ сказать мне, что все что бы я не делала для тебя, этого недостаточно.

И я знаю, что это так.

Я честно могу признать, что не поддерживала тебя, когда это было необходимо, и это пиздец как больно признавать, но это правда. Я ни в коем случае не оправдываю себя, но хочу, чтобы ты знала, что иногда я поступала так потому, что была неуверена в себе.

Я помню тот конкурс сочинений, что проходил в «Таун Холл». Тот, на который я сказала, что не смогу прийти, потому что я в Нью-Йорке с

Винсентом... Эм, я была там. Я была в самом конце зала. Но придя туда, я убедилась, что поступала правильно (эгоистично) пропуская большинство таких мероприятий...

Все остальные родители были врачами, юристами, учителями. Эти люди, действительно чего-то добившиеся в своей жизни, спрашивали меня, кто из детей мой ребенок, и чем я зарабатываю на жизнь...

Мне не хотелось опозорить тебя, поэтому я ушла сразу, как только конкурс закончился.

Я знаю, что учила тебя, что внешность — это самое главное. Но

внешность ничего не значит, если ты неуверена в себе. Я сталкивалась с тем, что самые красивые люди делают самые ужасные вещи, а это неправильно.

Ты в десять раз лучше, чем я когда-либо была. И хотя я убеждена, что читая это письмо, ты все ещё злишься на меня, я собираюсь дать тебе несколько действительно хороших советов ... Хотелось бы сделать это раньше, когда ты была младше, но я очень надеюсь, что еще не поздно все исправить.

1. Внешность всего лишь выражение того, как ты хочешь, чтобы тебя видели остальные.

Лучше выглядит хуево, чем чувствовать себя хуево. Тушь и блеск для губ не могут излечить разбитое сердце, и пиздец как бесполезны во время депрессии.

2. Хуй с ними, со спонсорами. Заводи друзей. Друзья – это те редкие люди, которые скажут тебе, когда ты делаешь какую-то хуйню. Даже когда ты не хочешь это слышать и думаешь, что они просто делают это из зависти и пытаются тебя унижить – обычно, они просто хотят помочь и действуют из хороших побуждений.

3. Самый умный человек в комнате всегда будет более ценен,

чем самый красивый (но ты всегда можешь быть и тем, и другим :-)
LOL)

Мой последний совет будет касаться мальчиков (ну, в твоём случае «мужчин»...). Первый раз я влюбилась, когда мне было 15. После никогда не слышала о том, что с ним произошло, хотя он и обещал мне быть вместе «навсегда» и сбежать вместе со мной, чтобы мы вместе поступили в медицинский колледж (это действительно было моей мечтой – стать медсестрой) и заботится о тебе. В следующий раз я влюбилась, когда мне исполнилось 21. Этому парню было все равно, чем

я зарабатываю на жизнь. Он был таким славным и очаровательным, что мне казалось, я его не заслуживаю... Тем не менее, я была с ним дольше, чем надо. Оно того не стоило: я так и не определилась кто я, а у него был план, который так же включал в себя какой должна была быть я, и как я должна была измениться, поэтому мне пришлось с ним расстаться...

Что я хочу этим сказать? Эм, живи для себя. Не живи для кого-то другого. Только ради меня. Ни для своих друзей. Ни для своего парня (если он у тебя есть). Всегда ставь себя на ПЕРВОЕ место. Добивайся

того, чего хочешь, воплощай свои мечты в жизнь и никому на хрен не позволяй вставать на своём пути...

Я жду, когда ты получишь «Пулитцеровскую премию», возглавишь рейтинг самых продаваемых авторов или что там полагается, когда становишься самым известным писателем...

Я горжусь тобой.

Я приглядываю за тобой.

Я люблю тебя...

Больше, чем ты думаешь, Эм...

(И запомни! Никто больше не может тебя так называть. НИКОГДА. Ты - МОЯ «Эм», и больше ничья).

*Твоя,
Лия Белла.*

Я уронила письмо на подушку и плакала так сильно, как никогда за последние несколько лет. Меня всё ещё злило, что она решила оставить меня, но теперь я понимала, почему она это сделала. Я поняла это. Хотя я очень не хотела ...

«Эм, я была там. Я была в конце зала...», «Я всегда гордилась тобой», «Моя Эм и больше ничья», «Я приглядываю за тобой...», «Добивайся того, чего хочешь».

Я больше не раздумывала над

предложением Вирджинии и Генри. Утром, первым делом я собиралась сообщить им об этом.

На следующее утро я поехала в «Феникс». Я наслаждалась безлюдными маленькими улочками, когда проезжала мимо. Я думала, что это последний раз, когда я еду этой дорогой. До начала учебного года оставалось пять недель, пора было начать готовиться к экзаменам для поступления.

Оказалось, что я не могла снова начать учиться в колледже, не сдав экзамены. Это обязательное условие для тех, кто «вылетел» из колледжа и

входит в группу «риска». Мне нужно было доказать серьезность своих намерений, сдав экзамены.

Когда я парковала машину на стоянке, я улыбалась при мысли, как это место изменило меня за лето.

Деньги – это, конечно, *хорошо*, но что было еще лучше, так это *ощущение* жизни. Наконец-то я вообще *что-то* чувствовала. Последние два года я провела в онемевшем состоянии, я просто плыла по течению. Но в «Фениксе» я сама контролировала свою жизнь, а и иногда и жизнь других людей.

Танцуя на сцене, я воплощала в жизнь фантазии мужчин, подпуская

их близко к себе, позволяя на секунду поверить, что я досягаема, что они могут до меня дотронуться. Они заставили меня почувствовать себя желанной, что нуждались во мне, и я пыталась показать им, что я их тоже хочу, что они тоже нужны мне.

– Привет, Рейвен, – меня на парковке встретил Чарли, – я думал, у тебя сегодня выходной.

– Так и есть. Я приехала сообщить Майклу, что увольняюсь.

– Что? – он скрестил руки на груди. – Почему?

– Через несколько недель начинаются занятия в колледже. Мне нужно подготовиться.

– Ты только что это решила или это и был твой план с самого начала?

– А что? Будешь по мне скучать?

– Неа, – он открыл и придержал для меня дверь, – скатертью дорожка!

Я улыбнулась и обняла его, прежде чем пойти к Майклу в кабинет. Вздохнув, я постучала в дверь.

– Входите, – ответил он.

Открыв дверь, я увидела, что он сидит за столом и курит. Девушка, застегивая рубашку, протиснулась мимо меня, пока дверь не закрылась.

– Новая танцовщица? –

спросила я, плюхнувшись в кресло напротив него.

— К сожалению, нет, — он вздохнул. — Она расплакалась еще до того, как сняла рубашку, поэтому я отправил её домой. Тебе *настолько* скучно, что ты приехала доставать меня в свой выходной? Или тебе *настолько* нужны деньги?

— Я уйду, — выпалила я, а он вопросительно выгнул бровь.

— Ты *что*?

— Увольняюсь.

Он моргнул.

— Извини, что не предупредила заранее, но я подумала, что должна лично приехать и сказать тебе об

ЭТОМ.

— У тебя что, не работает мобильный? — он закатил глаза и откинулся в кресле. — Это конечно было бы новостью для меня, если бы две твои подружки уже не сообщили мне об этом, но, *спасибо тебе*, Рэйвен. Я ценю, что ты проехала два часа для того, чтобы лично сообщить мне, что ты увольняешься за день до твоей смены, за день до того, когда у тебя по расписанию пять выступлений и запланировано твоё первое выступление на главной сцене. Как это *чутко* с твоей стороны.

— Ты злишься на меня?

— Конечно, нет, — он нахмурился. — Сисек, как у тебя пруд пруди, я найду тебе замену еще до полуночи. Пошла на хрен из моего офиса.

— Ммм. Ладно, — я закатила глаза и направилась к двери.

— Стой, — он встал и подошел ко мне, протянув руку, — в любом случае, все было хорошо. Если захочешь когда-нибудь вернуться, просто дай мне знать, *заранее*.

Я засмеялась и пожала его руку, снова поблагодарив за то, что взял меня на работу.

Когда я вышла из его офиса, направилась в гримерку,

встретившись лицом к лицу с Сарой и Робин.

– Я должна была догадаться, что ты классический вариант студентки, – хмурилась Робин, – ну, не в смысле изящная, но ты понимаешь, о чем я. Когда уедешь, тебе все равно придется мне звонить.

– Перестань себя вести, как будто она *умирает*, – выпалила Сара. – Она будет в Блайте ещё пять недель, и потом она будет всего лишь в нескольких часах езды, – она сжала губы, – тебе лучше приглашать меня на все вечеринки, на которые ты будешь ходить, и ты просто обязана пригласить меня в гости, как только

обустроишься.

– Договорились, – я засмеялась и достала сумку из моего шкафчика. – Позавтракаем завтра? – я даже не поняла, зачем я задала этот вопрос. Это было нашей маленькой традицией для меня, Сары и Робин: мы всегда завтракали у меня, каждое воскресенье, вне зависимости приглашала я их или нет (была ли я *дома*, или нет).

– Конечно, – ответила Робин. – Ты что, останешься и будешь смотреть, как мы выступаем?

– Нет... – я покачала головой, – я вообще-то не планировала, просто заехала за вещами.

– Ха! Поедешь домой *после* твоего последнего выступления.

– Что?

– Учебники стоят очень дорого,
– Сара похлопывала пальцем по нижней губе, – ты не должна взваливать все расходы на дедушку с бабушкой.

– Моих сбережений больше чем достаточно на учебники.

– Ну, в общем... – Робин подтолкнула меня к туалетному столику, – заработай побольше. В последний раз. Это ведь не повредит, не так ли?

Я пожала плечами и решила в последний раз насладиться

желанием и аплодисментами.

В полночь я вышла на сцену, как Рейвен, одетая в черный корсет и чулки в сетку.

Под красным туманным светом прожектора я выступала под медленную и чувственную песню, которая умоляла каждого мужчину в зале дотронуться до меня. Я танцевала так, как будто от этого зависела моя жизнь.

Без каких-либо усилий и напряжения с моей стороны моё тело вертелось и изгибалось вокруг шеста. Возгласы одобрения и просьб, которые я так полюбила за это лето, звучали более изумленно, чем когда-

либо. С каждым вращением вокруг шеста аплодисменты нарастали, с каждым покачиванием моих бедер доллары падали все быстрее.

Когда я, в последний раз прогнулась назад, полуголая и совершенно бесстыжая, я закрыла глаза и застыла на несколько секунд, пытаюсь запомнить этот момент и сохранить его в памяти: это место, музыку, и людей...

Я буду скучать по этому месту...

Собрав все до последнего доллара, я сидела напротив моего ящика и улыбалась, воспроизводя в памяти своё выступление. Оно было

таким классным, что я даже почувствовала себя виноватой, не позвонив и не пригласив Картера.

Он вообще ничего не знал...

Глава 17

Я знала, что этот момент придет. Такой момент всегда наступает.

Именно тогда, когда сюжет налаживается, когда количество страниц под моим пальцем уменьшается, начинает ощущаться самое ужасное слово, написанное за всю историю литературы.

Вот оно.

Это «конец».

Последние три дня я избегала Картера, не отвечая на его звонки и

сообщения. Я не знала, как сказать ему, что не могу больше быть с ним. Мне хотелось начать все заново, с чистого листа. Я хотела начать работать над собой, осуществить все свои мечты. Одна.

Я лежала на кровати и вздыхала, слушая очередной раскат грома, что раздавался вдалеке. Буря, бушующая в Блайте, скорее всего продлится около месяца. И я уж точно не увидела бы и лучика солнца до моего отъезда в колледж.

Я гладила пальцем экран телефона, на котором высвечивалось имя Картера. Сердце болело. Оно как будто отяжелело, и я чувствовала

каждый его удар.

Сейчас или никогда, – подумала я и нажала кнопку «Вызов».

Он ответил сразу на первом гудке.

– Эмерланд.

– Привет.

– Куда ты пропала? У тебя сломался телефон?

– Нет.

– Что случилось? – я слышала его беспокойство.

– Мы можем поговорить? Я заеду к тебе.

– Я у твоего дома.

– Что? – я подскочила с кровати и посмотрела в окно. Мустанг

Картера был припаркован прямо около моего дома. – Ты что, следишь за мной?

– Я просто приехал узнать как у тебя дела. Я волновался.

– Я сейчас спущусь.

Я посмотрела на себя в зеркало, сделав несколько глубоких вдохов и выдохов. Я обдумывала своё решение все эти три дня, пытаюсь игнорировать свои чувства к нему.

Конечно, Картер помог мне по-другому взглянуть на вещи, и дал мне понять, что секс действительно может быть невероятно хорош, если заниматься им правильно и по правильным причинам, но на самом

деле я его совсем не знаю.

Все наши разговоры этим летом вращались вокруг меня, и очень редко вокруг него, как будто он специально их направлял. Он был добр и мил, очарователен и сексуален, но еще он был невероятно расплывчат в темах, которые касались его, и я не догадывалась почему.

Но если честно, даже если бы он и был более прямолинейным или таким же открытым как я, я бы все равно закончила эту интрижку.

У меня всё ещё были проблемы, с которыми я должны была разобраться. Разобраться сама.

Я поспешила вниз и открыла дверь. Прежде чем я успела поздороваться, Картер обнял меня. Он целовал и гладил меня, как будто чувствовал, что что-то не так.

– Ты одна дома? – шепотом спросил он.

– Да.

– Хочешь поговорить тут или в моей машине?

Я посмотрела на гостиную, потом через его плечо на улицу, где капал дождь.

– В твоей машине.

Картер кивнул, взял меня за руку и раскрыл зонтик, провожая к машине. Как только он закрыл дверь,

на фоне мрачного неба сверкнула молния, и началась очередная серия раскатов грома.

— Не возражаешь, если мы поговорим в более уединенном месте? — он завел машину.

— Конечно, нет.

Он поцеловал меня в щеку, перед тем как включить заднюю передачу. Картер отвез меня на озеро, на которое уже привозил меня раньше, на озеро, где произошло моё первое почти свидание.

Когда он остановил машину, я перебралась на заднее сиденье, жестом попросив его сделать то же самое.

– Что случилось? – он гладил мои губы и смотрел в глаза.

– Я... – я не могла этого сказать.

Только не так. Я коснулась его губ своими и села ему на колени, прижавшись к нему.

– Сделай мне приятно, – прошептала я, не отодвигаясь от его губ, – пожалуйста...

– Сначала скажи мне, в чем дело, – прошептал он в ответ, расстегнув сзади молнию моего платья.

– Ни в чем...

Я уверена, что он не поверил мне, но все равно снял с меня платье.

Я не хотела, чтобы он был нежен и сначала целовал меня. Я быстро расстегнула его штаны и сняла их. Облизнув кончик члена, я взяла его в рот.

Картер выдохнул и намотал мои волосы на свою руку, пока я брала его в рот, обсасывала и снова лизала языком кончик его члена.

– О, Боже, Эмерланд...

Я старалась как можно глубже взять в рот его член, массируя его яички другой рукой. Я не останавливалась, даже когда он просил меня об этом. Я нежно сосала его ствол, довольная его реакцией.

Когда я вынула его член изо рта, чтобы снова взять обратно, он схватил меня за волосы и посмотрел в глаза.

— Залезай сверху, — Картер лег на сидения, и сев сверху, я медленно опустилась на его член.

Мы не разговаривали, не раздавалось ни стонов, ни шепота, мы просто смотрели друг другу в глаза, пока я опускалась и поднималась на его члене, просто держась за его руки.

Он коснулся своими губами моих, и я знала, что если он начнет меня целовать, я передумаю.

Я не могла себе этого

ПОЗВОЛИТЬ.

Я не хочу, чтобы он уговорил меня остаться, а его поцелуи именно *так* и действовали на меня.

Он даже не заметил моего отказа, вместо этого поцеловал меня в макушку.

— Я скучал по тебе, — прошептал он мне.

Я кивнула, он отпустил мои руки и схватил меня за бедра.

— Я тоже буду по тебе скучать...

— *Будешь?*

Я не ответила. Я склонилась к его шее, кусая его, чувствуя, как у меня начинаются уже знакомые судороги внутри. Я слышала, как он

просит меня вернуться в предыдущее положение, чтобы видеть моё лицо, когда я кончаю.

Я медленно выпрямилась, глядя ему в глаза, и когда мой оргазм нахлынул на меня, я закрыла глаза.

Тяжело дыша, склонив свою голову на его грудь, я прислушивалась к его учащенному сердцебиению, после того как он кончил.

— Эмерланд, — позвал он.

— Картер.

— Я серьезно, — он гладил меня по спине. — Что ты имела в виду, сказав, что *тоже будешь скучать* по мне? Это была оговорка? Ошиблась?

Я молчала. Мое сердце билось очень быстро, и я чувствовала, как мои глаза наполнились слезами.

– Эмерланд? – он нежно убрал мои волосы и заставил посмотреть на него. – Почему ты выглядишь так, будто вот-вот заплачешь?

– Я не плачу.

– Я знаю, – он вытер одинокую слезу, что катилась по моей щеке. – Скажи мне правду. Что происходит?

– Перед тем, как моя мама эгоистично покончила с собой, она написала мне предсмертное письмо, – я вздохнула, – она пыталась рассказать мне, что нужно делать, чтобы я не закончила, как она, и я не

хочу закончить как она. Никогда. Я хочу сделать то, что у нее так и не получилось. Стать независимой.

– Это хорошо. Это правильно.

– Она построила свою жизнь так, что зависела от людей. От них зависело её счастье. Поэтому она никогда не была счастливой, ты понимаешь, о чем я? Она всю жизнь искала легкий путь: наркотики, алкоголь, мужчины... Я не понимала этого раньше, но сейчас – понимаю.

Он кивает, но выглядит сбитым с толку.

– Этим летом моё счастье зависело от тебя. Ты и только ты. Ну и... Ты действительно помог мне

стать лучше, но мне нужно еще над многим работать.

— Почему это звучит как прощание?

Моё сердце замерло, и я поняла, что больше не смогу это оттягивать.

— Это оно и *есть*.

— *Что?*

— Картер, я тебя едва знаю... — я сглотнула, и по моей щеке потекла еще одна слеза. — Это всё так тяжело, но я уверена, что ты понимаешь, почему я так поступаю.

— *Нет*, я не понимаю.

— Я не хочу, чтобы моё счастье зависело от тебя. Я хочу стать

счастливой сама, найти то, что делает меня счастливой, чтобы не зависеть ни от кого.

— Эмерланд, ты хоть понимаешь, как это звучит...

— Я *больше* чем понимаю, — ответила я, — мои дедушка с бабушкой предложили мне заплатить за колледж, чтобы я закончила обучение, и я так и собираюсь поступить.

— Нам не обязательно расставаться, если ты уезжаешь учиться.

— Да, не обязательно, но ты как-то сказал, что хочешь самого лучшего для меня.

– Это не лучше для тебя, Эмерланд. И, так не расстаются.

– Мне надо было сказать тебе об этом по телефону?

– Хочешь, я приглашу тебя на ужин сегодня вечером и расскажу историю моей жизни? Это то, чего ты хочешь? У меня нет никаких больших и страшных секретов, которые я скрываю от тебя, если это то, чего ты боишься. Ты знаешь меня лучше, чем *кто-либо*.

– Это ничего не объясняет, – мне не хотелось, чтобы он понял, насколько я этого хочу.

Я говорила ему, что действительно наслаждалась тем

временем, которое провела с ним этим летом.

— Это все, что ты можешь сказать о нас? — я поняла, что обидела его.

— Это все, что у нас *было*, — поправила я его. — Я знаю, между нами было что-то намного большее, но пожалуйста, Картер, не уговаривай меня остаться с тобой, — я знаю, что будет достаточно его поцелуев и правильно подобранных слов, и я могла бы изменить своё решение, но я не хотела.

— Расстояние — это не проблема, — он застегивал штаны, — я буду приезжать к тебе на выходные.

Я покачала головой, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Мне захочется, чтобы ты остался. А я не хочу этого.

— Не делай этого, — он запустил руку в мои волосы, гладил меня по руке, говорил, что это неправильно, и что он сможет сохранить наши отношения.

Картер говорил, что я делаю его счастливым, и ему будет очень плохо, если мы расстанемся.

Я чуть не сдалась. Я чуть не сказала ему, что это нелогично с моей стороны, и что я очень хочу, чтобы мы поехали поужинать, и он рассказал мне про себя все, чего я не

знаю, но это ничего не изменит.

– Картер, мне нужно побыть одной, – сказала я, слезая с его колен. Я надела платье. – Мне жаль.

Он не двигался. Он сидел, пораженный, и заставив себя взглянуть ему в глаза, я увидела в них море боли.

– Да, – сказал он, пересаживаясь на переднее сидение. – Я думаю было бы лучше, если б ты позвонила.

Я осталась сидеть на заднем сидении, пока он завел машину и отвез меня домой. Я ждала, что он скажет мне «пока» и будет ждать, когда я выйду из машины, но нет.

Джентльмен до мозга костей, он открыл мне заднюю дверь и протянул руку. Он раскрыл зонтик и провел меня до крыльца, прижав к себе, касаясь меня в последний раз.

Когда мы подошли к крыльцу, он закрыл зонтик и вздохнул.

— Эмерланд, это то, чего ты на самом деле хочешь? Ты уверена?

Я кивнула.

— Это твоё окончательное решение или я могу тебе звонить?

Слезы снова наполнили мои глаза.

— Полный разрыв.
Окончательное решение.

Он сглотнул и сделал шаг ко

мне, обнимая и целуя меня именно так, как я ожидала. Когда он отпустил меня, я была уверена, что он хочет мне что-то сказать, и что и я хочу что-то еще сказать. Но никто из нас не произнес ни слова.

Он сделал шаг назад и движением показал, что подождет, пока я зайду в дом.

Я открыла дверь и оглянулась, чтобы сказать пока, но в этом не было смысла. Я достаточно сделала больно нам обоим.

Глава 18

Пять недель спустя...

– *Вперед волна!* – выкрикнула
Вирджиния рифму в n-ный раз за
сегодня.

Генри и Вирджиния
прогуливались со мной по
университетскому городку
Университета Алабамы, обращая мое
внимание на все, что связано с
«Красной волной» - университетской
футбольной командой.

Я никогда не была фанаткой

футбола, но знаю, что маленького упоминания о «Красной Волне» в Блайте достаточно, чтобы люди сошли с ума. В городке над каждым заведением развивался бело-малиновый флаг Университета Алабамы, что было довольно грустно, если учесть что до университета было *два часа* езды.

– Ты ничего не видела, пока не побывала на футбольном матче на Юге, ха! – Вирджиния хлопала в ладоши. – Что ты думаешь насчет того, чтобы мы с Генри приехали и сходили с тобой на твой первый футбольный матч?

– Было бы здорово, – ответила

я, не кривя душой.

Я до сих пор была одиночкой и была уверена, что мне понадобится много времени, прежде чем я смогу здесь с кем-нибудь подружиться. Генри взял меня за руку и начал рассказывать о матче лиги чемпионов прошлого сезона. Мы направлялись к моей квартире.

Мое пристанище находилось в трех кварталах от университета, именно поэтому цена на него была необоснованно завышена. Но мои старички настояли на том, чтобы самим оплачивать её. Я предупредила их, что не хочу жить в общежитии или с соседкой, и я

вполне могла позволить себе снять квартиру сама, но они были знакомы с хозяином этого комплекса, и он был более чем рад позволить мне въехать в последний момент.

— Ну... — вздохнул Генри, поправив расписание встреч АА на моем холодильнике, — мы ужасно будем скучать по тебе, Эмерланд. Пожалуйста, не раздумывая, звони нам, если тебе что-нибудь понадобится.

— Конечно. Вы же приедете через 4 недели, так?

— *Вперед волна!* — Вирджиния засмеялась. — Мы приедем раньше! На пикник и всё такое!

– Жду не дождусь, – я не могла не засмеяться, видя её энтузиазм.

Мы втроем неловко обнялись и стояли так несколько минут. Закончив обниматься, я сказала им, как люблю их, и пообещала *звонить* каждые выходные, чтобы рассказывать как у меня дела, даже если это будет ужасно скучно. Они улыбались, пока я провожала их к выходу.

– Ой! – Вирджиния открыла свою сумку и достала оттуда черную коробку. – Я забыла отдать тебе это. Это пришло к нам домой вчера, но мы были так заняты переездом, что я забыла тебе об этом сказать.

Я рассматривала коробку, замечая, что на ней нет никакой надписи или обратного адреса.

– Спасибо. Езжайте аккуратно.

– Конечно, – Генри еще раз меня обнял и они ушли.

Я смотрела, как они шли по тропинке, проходя пруд, окружавший квартирный комплекс. Я наблюдала за ними, пока они не дошли до стоянки, а потом зашла в свой новый дом.

Я легла на диван и смотрела на коробку, что дала мне Вирджиния. Я медленно её открыла. На самом верху лежало письмо.

Эмерланд,

Уже прошло почти пять недель, как я видел тебя в последний раз или разговаривал с тобой...

Я знаю, что ты скоро уедешь в колледж, и хочу сообщить, что и я уезжаю на время. Я хочу, чтобы ты знала, что если ты когда-нибудь решишь ответить на мои звонки или сообщения, я приеду, где бы я ни был.

Я найду тебя где угодно и дождусь, когда ты поймешь, что ты моя, а я — твой.

Картер.

Я сделала резкий вдох, чтобы

не расплакаться.

Я скучала по нему.

По его рукам, поцелуям, смеху.

По нашим длинным ночным разговорам, по тому, как я подшучивала над ним.

По всему, что связано с ним.

Не проходило и дня, чтобы Картер не позвонил или не написал мне сообщения, и каждый раз моё сердце как будто разбивалось на ещё более мелкие кусочки. Тем не менее, в глубине души я была уверена, что приняла правильное решение.

Картер скоро сам это поймет.

Так всегда происходит в книгах, в которых отсутствует счастливый

конец. Сначала герои меняются, находясь вместе, потом они меняются, когда расстаются; и не потому, что они хотят разойтись, а потому что так *надо*.

Я отложила письмо в сторону и заплакала, увидев, что было в коробке.

Там была я.

Маленькая картина, на которой изображена была я.

В своем маленьком черном платье, в котором я была на нашем первом официальном свидании. Я стою в воде, и мои глаза блестят от солнечного света. На моем левом плече невозмутимо сидит черный

ворон. Внизу картины белым курсивом выведено три слова: *Вороны всегда возвращаются.*

Я вытерла слезы и отнесла картину в свою спальню, повесив её на стену. Я гладила пальцами картину – масло *и* акрил. Я легла на кровать и заснула, глядя на нее.

– Мисс Андерсон, сколько еще предметов Вы собираетесь поменять? – моя наставница закатила глаза и протянула мне моё новое расписание.

– А Вам какая разница? – я встала. – Вам же *платят* за это. Вы

должны быть рады, что Вам есть чем заняться.

Я была в колледже только неделю, но все меня уже здесь бесили. Всем прекрасно известно, что за первые две недели студенты не платят.

Это как тестирование. Я могу поменять предметы в течение первых двух недель без каких-либо последствий. Можно отказаться от предмета, если вам не нравится учебный план учителя или если вас не по - нраву его голос. В течение этих двух недель можно добавить или убрать любой предмет без пересдач, штрафов или дополнительных

занятий.

Конечно, обычно студенты меняют один-два предмета, и бросают один-два.

Я за это время поменяла 30.

Ничего не привлекало меня и не могло заинтересовать, и я была уверена, что мой новый предмет, на который меня записала моя наставница, будет завтра же исключен из моего учебного плана. Его название: «405». У него нет другого названия, и если он такой же ужасный как «Наблюдение за птицами», на которое она записала меня вчера, я уже сегодня снова буду у нее в офисе.

Класс начинался через полчаса, поэтому я направилась в аудиторию.

Пока я шла, у меня зазвонил телефон. Это Картер.

Я просто смотрела на экран, и мне очень хотелось ответить, но уже включилась голосовая почта. Вздыхая, я просматривала сообщения, что он прислал мне на этой неделе.

Я ничего не могла с собой поделать, я думала о нем постоянно. Такое ощущение, что каждый день без него только увеличивал мою боль.

Когда я зашла в аудиторию, там никого не было, поэтому я решила

позвонить ему.

– Эмерланд, – он ответил сразу же.

– Привет.

– Привет.

Некоторое время мы оба молчали.

– Эмерланд, нам надо поговорить.

– О чем?

– Ты прекрасно знаешь, о *чем*, – я понимала, что он расстроен. – Я устал от этого дерьма, и я знаю, что и ты тоже.

Я вздохнула и решила сдаться.

– Через несколько минут у меня начнется урок, потом еще один через

два часа. А после у меня встреча АА.
Когда ты освободишься сегодня?

– В любое удобное для тебя время.

– В 9 вечера?

– Хорошо. Я позвоню тебе.

– Хорошо... – мне уже было немного лучше. – Поговорим вечером.

– Жду не дождусь.

Я улыбалась, когда отключала телефон.

– Здесь занято? – справа от меня раздался мужской голос.

Я подняла глаза и увидела самого привлекательного парня, которого я когда-либо видела в моей

жизни. На нем была простая красная тенниска и брюки цвета хаки, с вышитыми надписями «Красная волна» на карманах. У него были черные волосы цвета вороного крыла, светло-зеленые глаза и улыбка, которая заставила меня растаять. Он был гребанным идеалом.

– Ну... – он улыбнулся. – Так тут занято?

Я покачала головой, улыбнувшись в ответ.

– Я Лукас Пирсон, – сказал он, присев рядом, – как тебя зовут?

– Эмерланд.

– У тебя есть фамилия,

Эмерланд?

– Андерсон.

Он достал свой телефон и нажал на экран.

– У тебя что, нет Фэйсбука?

– Нет, – я удалила свой аккаунт, после того как вылетела из универа в Нью-Йорке. Я забыла, что это основной способ общения в любом колледже. – Я сделаю сегодня вечером.

– Сделай, пожалуйста, – он улыбнулся своей безупречной улыбкой, – добавь меня в друзья первым.

– Ну, это вряд ли.

– Это почему же?

– Скорее всего, я забуду твое имя, как только урок закончится.

– Это почему? – Лукас поднял вопросительно бровь.

– У меня нет привычки запоминать имена всех, с кем я знакоблюсь. Слишком много имён.

Он моргнул.

– Ты что, не знаешь кто я?

– Ты что, какой-то *пегец*?

Он наклонил голову на бок и снова улыбнулся.

– Ты издеваешься, да?

– Слушай, в этом гребанном университете учится больше 30 тысяч человек. Ты что, действительно думаешь, что ты

Мистер Популярность?

– Нет... – он наклонился ближе ко мне и посмотрел в глаза. – Но я квотербек футбольной команды. Это не совсем Мистер Популярность. Это Мистер *Бог*.

Закатив глаза, я отодвинулась от него, очень стараясь не засмеяться.

Лукас наблюдал за мной, пока ученики, которые заходили в класс махали ему в приветствии.

– Почему ты выбрала этот предмет? – Мистер Бог скрестил руки.

– Я не знаю. Я даже не знаю, как он называется.

Он покачал головой.

– «Ландшафтный Дизайн». Это очень сложный предмет, для очень *талантливых* людей.

– Тогда почему ты выбрал этот предмет?

Он снова улыбнулся.

– А ты, Эмерланд, просто очаровательна.

– Я бы ответила тебе взаимностью, но забыла твоё имя. Ах, стой, Мистер Бог.

Похоже на то, что он хотел мне ответить, но в этот момент свет в аудитории внезапно выключился.

Я достала своё расписание и вычеркнула ручкой этот предмет.

Последний раз, когда учитель вот так вот выключил свет в аудитории, он оказался психом с учебным планом на 20 страниц.

— Дамы и господа, — я резко подняла голову, услышав знакомый голос. — Добро пожаловать в класс «Ландшафтного Дизайна». Меня зовут профессор Блэк, и я буду...

Голубые глаза Картера встретились с моими, и все вокруг исчезло. Одна из его бровей изогнулась и он ухмыльнулся.

— И в этом семестре я научу вас некоторым приемам...

****Конец****